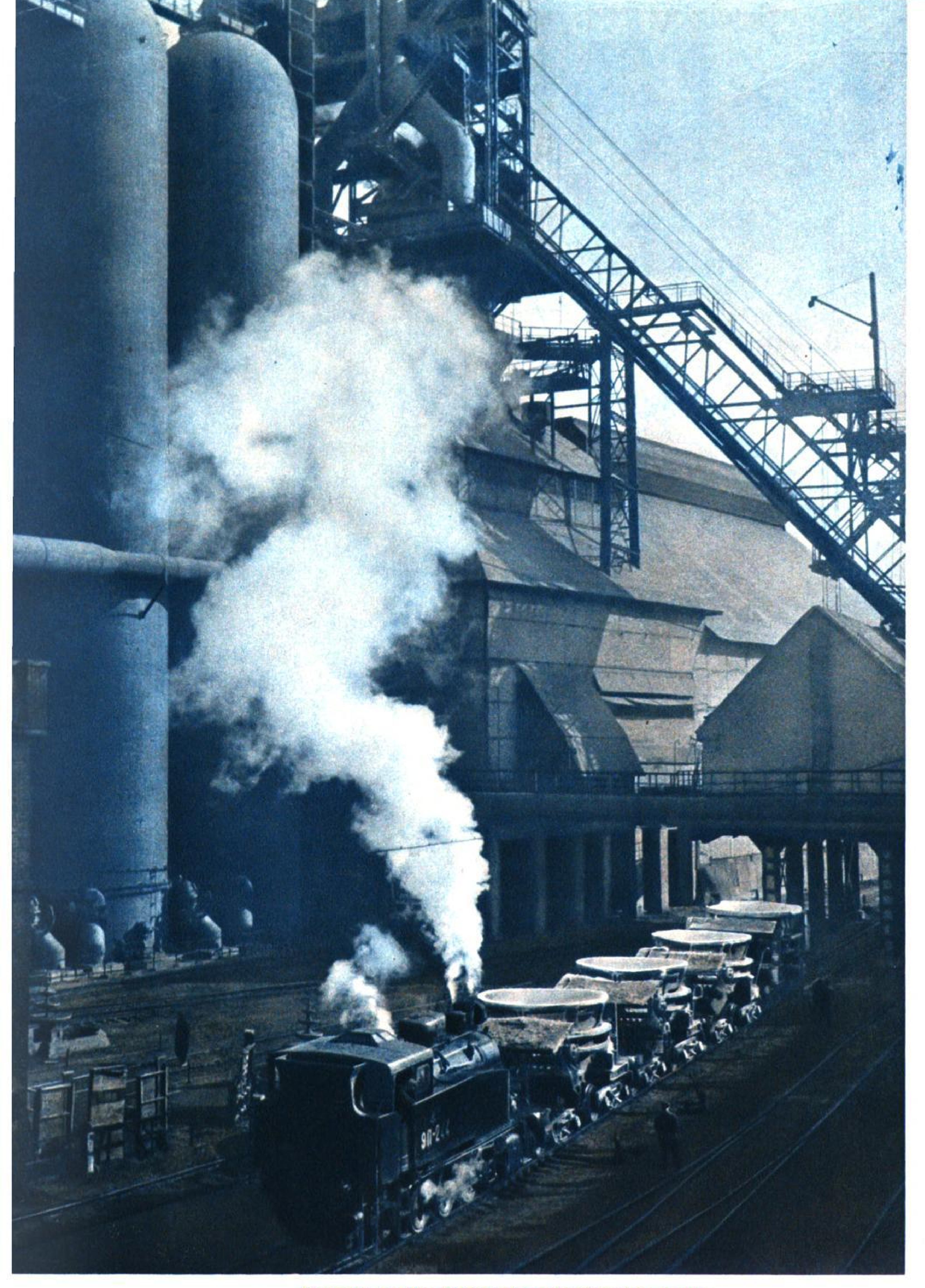

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Доменный цех Ново-Тагильского металлургического завода.

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Индийская танцовщица Тара Чоудри исполняет танец «Уша Нритья» («Рассвет»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: В борьбе за мяч. Момент игры сборных команд СССР и Венгрии.

Фото А. Новикова и Е. Умнова.

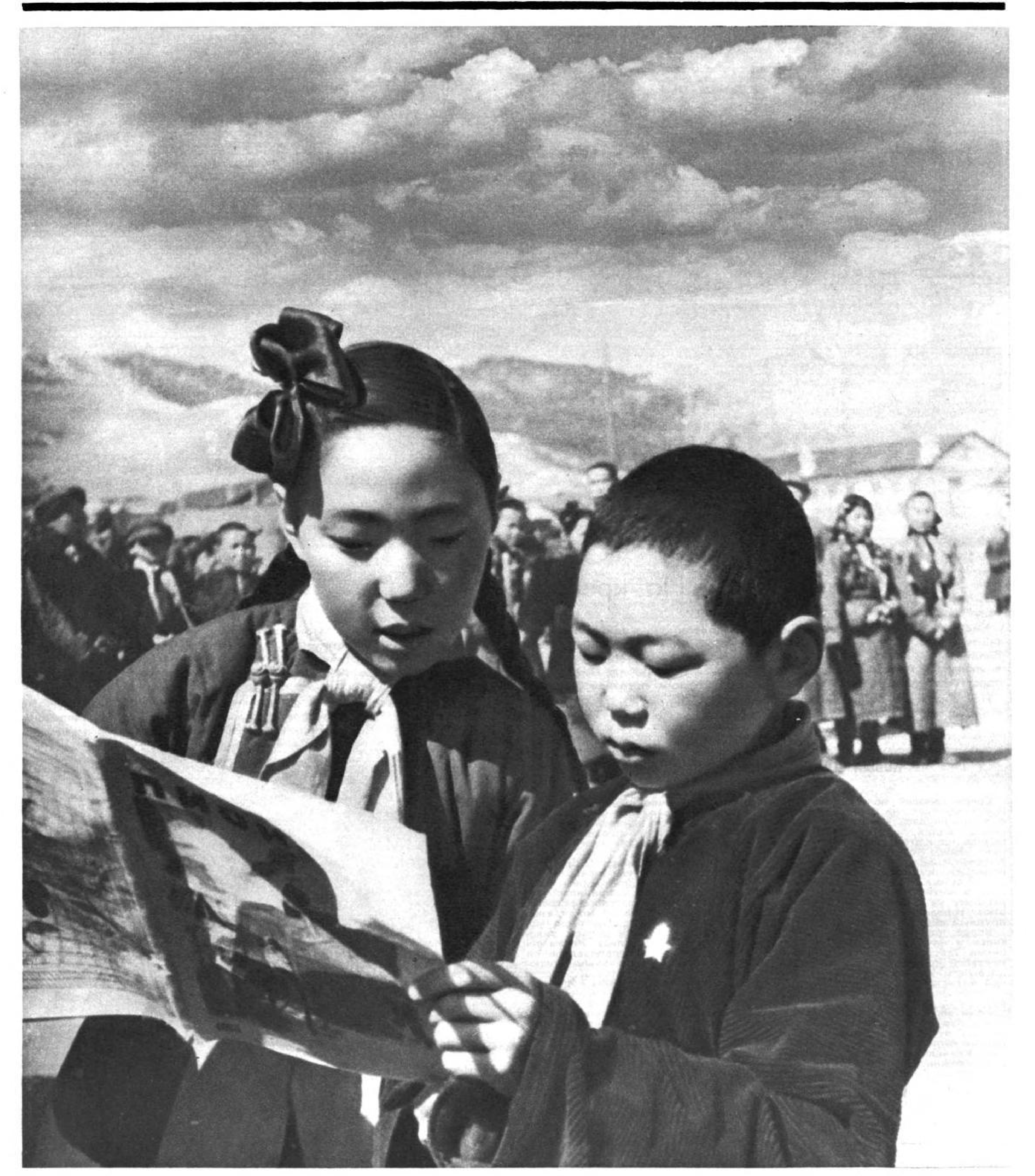
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 47 (1432) 21 НОЯБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОНГОЛЬСКИЕ ПИОНЕРЫ

Фото студии «Монголкино».

На крейсере «Калинин»

Недавно Советская Правительственная делегация находилась в Китае в связи с празднованием пятой годовщины со дня провозглашения Китайской Народной Республики. На обратном пути руководители делегации товарищи Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин и А. И. Микоян прибыли во Владивосток, где в течение трех дней знакомились с жизнью города, работой местных партийных, советских и хозяйственных органов, с жизнью и бытом войск, а также побывали на кораблях Тихоокеанского военного флота. На крейсере «Калинин» они выходили в порт Находка, присутствовали на учениях боевых кораблей флота, посетили остров Русский.

На снимке (сидят слева направо): Адмирал Ю. А. Пантелеев, Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, товарищ А. И. Микоян, товарищ Н. С. Хрущев, Маршал Советского Союза Н. А. Булганин, Адмирал флота Н. Г. Кузнецов среди моряков крейсера «Калинин».

Фото С. Моткова.

НОВЫЙ ПУТЬ К БОГАТСТВАМ СЕВЕРА

Среди вековой нехоженой тайги и крутых скал на сотни километров протянулась новая железнодорожная линия, пока еще не обозначенная на картах страны. Она берет начало от станции Тайшет Красноярской железной дороги и проходит, пересекая сибирские реки и горные хребты, на северо-восток, к новому городу Усть-Кут, выросшему на берегу Лены. Рядом с этим городом ныне сооружается крупный речной порт Осетрово.

Корреспондент «Огонька» обратился к начальнику строительства линии Тайшет — Лена В. Прядко с просьбой сообщить некоторые подробности об этой железнодорожной магистрали.

Новая дорога — короткий и дешевый путь для перевозки промышленных и продовольственных грузов в бурно разрастающиеся населенные пункты Якутии, Алдана и других отдаленных северных районов. Раньше эти грузы перевозились сложным путем: часть из них шла через Архангельск, Северным морским путем; другую часть направляли через перевалочные базы Иркутска автотранспортом до Качуга, а оттуда сплавляли по мелководному верховью Лены на самодельных лодках — карбасах. Ныне железная дорога соединила один из крупнейших водных бассейнов страны—реку Лену — с Транссибирской железной дорогой.

Многотысячному коллективу строителей пришлось преодолеть огромные трудности. Железнодорожное полотно прокладывалось в тайге, через непроходимые болота и топи, в условиях вечной мерзлоты. Не случайно одно из редких поселений, где теперь проходит новая магистраль, исстари носит название Мýки.

В районе старинного русского поселения Братска, основанного русскими землепроходцами в XVII веке, где еще сохранилась деревянная башня Братского острога, был сооружен большой мост через реку Ангару. Покуда не было моста, в зимнее время рельсы укладывались прямо по льду. Летом вагоны и паровозы переправляли на другой берег специальными паромами.

Сейчас по обе стороны новой линии выросли крупные станционные поселки: Заярск, Чуна, Вихоревка Илим, Купа. Неузнаваемым стал маленький поселок Усть-Кут, преобразованный в город.

Новая дорога вызвала развитие лесной промышленности. Днем и ночью идет погрузка древесины. За короткий срок пущены крупный деревообделочный комбинат, домостроительный завод, два больших завода по ремонту строительных машин и автомобилей. В Чуне и Братске строятся крупные гидролизные предприятия.

Уже немало людей, прибывших в Усть-Кут с ленскими пароходами, имели возможность продолжить свой путь к центру страны в пассажирском вагоне прямого сообщения Москва — Лена, который теперь ежедневно курсирует с поездом дальнего следования.

Участок новой железной дороги.

В ЕДИНОМ СТРОЮ

С. ЛУБСАН,
заместитель премьер-министра Монгольской Народной Республики

26 ноября трудящиеся Монголии отмечают тридцатую годовщину со дня провозглашения Монгольской Народной Республики.

Тридцать лет — небольшой срок в тысячелетней истории Монголии. Однако за это время в нашей стране произошли такие огромные перемены, которые по своей сути равны целой исторической эпохе. Блестяще подтвердились слова В. И. Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Наш народ при помощи Советского Союза миновал капиталистическую стадию развития и совершил скачок от феодальной отсталости к народной демократии. Сейчас нашей молодежи просто даже трудно представить, что всего лишь три десятка лет назад население страны было сплошь неграмотным, что в стране не было никакой промышленности, а вся торговля находилась в руках иностранных фирм, обиравших народ и выколачивавших чудовищные прибыли. Еще в 1926—1927 годах около половины всего скота в Монголии принадлежало бывшим светским и духовным феодалам. Длинной цепью семисот буддийских монастырей была опутана, скована страна.

Сейчас не узнать Монголию. Все население стало грамотным. Сотни школ, десятки техникумов, высшие учебные заведения, электричество, телефон, радио, кино, газеты — все это стало обыденным в нашей жизни.

Пожалуй, самая характерная черта нынешнего времени — это бурное развитие промышленности. Национальная промышленность уже сейчас дает продукцию на многие сотни миллионов тугриков. В Налайхе при технической помощи Советского Союза мы начали строить капитальную угольную шахту, на нее будет затрачено более 160 миллионов тугриков. Расширяем энергокомбинат в Улан-Баторе, строим много новых предприятий в аймаках. Кстати, в каждом аймаке сейчас имеется и собственная автобаза, так что на долю верблюдов остается все меньше и меньше работы.

С каждым годом укрепляются наши дружеские связи с великим Китаем и странами народной демократии. Строящаяся железная дорога Цзинин — Улан-Батор будет иметь огромное значение для дальнейшего народнохозяйственного развития республики.

Мы постоянно учимся у Советского Союза и обмениваемся опытом со всеми странами народной демократии. Артисты, писатели, деятели науки и культуры братских стран — желанные гости в Монголии. Недавно к нам приезжали из Китая крестьяне и специалисты, чтобы изучить опыт ведения животноводства в наших госхозах и на конном заводе. В свою очередь, большая группа монгольских рабочих и специалистов проходит сейчас практику на различных предприятиях Китая.

Наше сельское хозяйство с каждым годом становится все более мощным и культурным. Партия и правительство, опираясь на рост инициативы народных масс, поставили задачу — довести к 1957 году, последнему году второй пятилетки, поголовье скота в стране до двадцати семи с половиной миллионов голов. Используя передовые советские методы ведения хозяйства, мы справимся с этой серьезной задачей. Раньше в стране животноводство было в общем довольно примитивным. Сейчас повсюду резко улучшается работа конно-сенокосных станций, а госхозы и аратские объединения начинают выращивать все больше кормовых культур. Достаточно сказать, что в нынешнем году мы собираем кормовых культур в четыре раза больше, чем в 1952 году, а к концу пятилетки планируем собрать уже в шесть раз больше. В результате поголовье в госхозах и аратских объединениях увеличилось в три раза по сравнению с 1952 годом.

В аратском скотоводческом объединении «Ходолмор» («Труд») Хентейского аймака в прошлом году по примеру советских колхозов была применена система оплаты по трудодням. Это сильно укрепило аратское объединение, в нем сейчас свой маслозавод, много машин. Ныне этот опыт перенимают и другие аратские объединения.

Огромное внимание в нашей стране уделяется науке и искусству. И в этой области неоценимое значение имеет помощь братского Советского Союза. Комитет наук МНР постоянно поддерживает связь с научными учреждениями СССР, десятки монголов защитили кандидатские диссертации в Советском Союзе, несколько человек готовятся сейчас к защите докторских диссертаций, сотни студентов обучаются в различных советских институтах.

Комитет наук МНР много сделал для разработки вопросов, охватывающих самые различные отрасли знания. Издается большой труд — «История МНР». Готовится к выпуску новый русско-монгольский словарь на 50 тысяч слов и монгольско-русский на 30 тысяч слов, составляется орфографический словарь, идет планомерная работа по сбору монгольского фольклора и пословиц.

Монгольские ученые выводят породы высокопродуктивного крупного рогатого скота, овец, новые сорта пшеницы, пригодные для произрастания в разных аймаках страны. С каждым годом деятельность Комитета наук охватывает все больший круг научных проблем. Задача ближайших лет — преобразовать Комитет наук в Академию наук МНР.

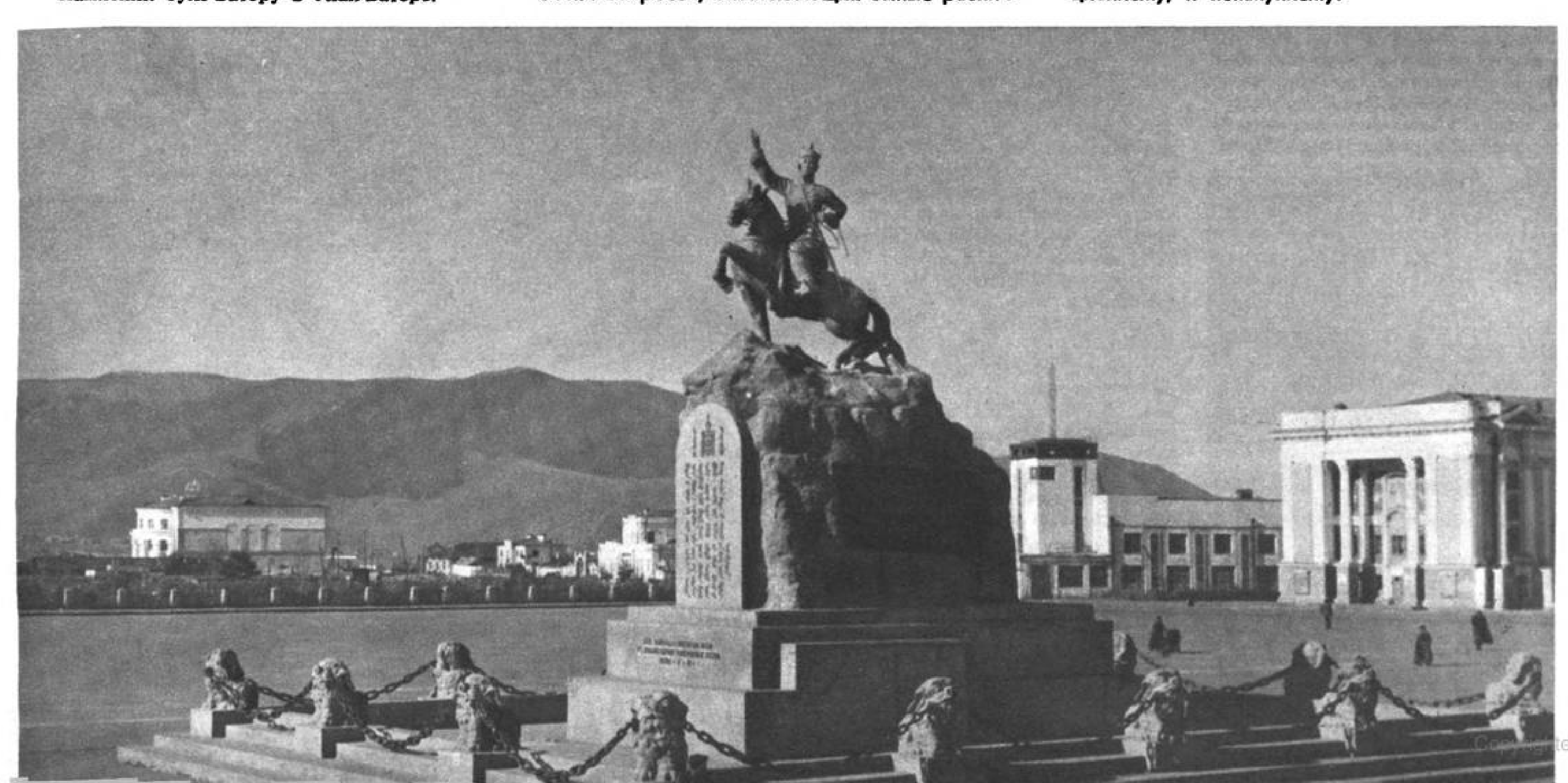
Широкое распространение имеет в нашей стране марксистско-ленинская литература на монгольском языке. Издано больше тридцати произведений В. И. Ленина, вышел 7-й том сочинений И. В. Сталина, скоро выйдут 8-й и 9-й. Издано также два тома избранных произведений Х. Чойбалсана.

Радостным для нас является бурный рост молодого рабочего класса республики. Целая армия передовиков производства борется за все более высокие показатели национальной промышленности.

В дни подготовки к празднованию 30-летия провозглашения республики выявились сотни новых передовиков производства. Молодой рабочий промкомбината Банзрагчи за десять месяцев выучился работать на пяти станках и выполнил за это время двадцатимесячное задание. Сейчас он выполняет четыре — пять норм за смену. Комбайнер Ингеттолгойского госхоза Голсанжаб убрал своим комбайном в полтора раза больше зерна, чем это было предусмотрено заданием,— таких имен можно привести очень, очень много; эти люди составляют гордость нашей республики. Закройщица обувной фабрики Цембел, добившаяся большой экономии материала, наряду с писателями Лодойдамбой и Сэнгэ удостоена в этом году звания лауреата Чойбалсановской премии.

Всех этих успехов мы могли добиться благодаря благородной и бескорыстной помощи советского народа, позволившей нашей стране сохранить и укрепить свою независимость, суверенитет, обеспечить возрождение и процветание. На протяжении тридцати лет существования республики мы ощущаем дружескую помощь великого Советского Союза. В едином строю с Советским Союзом, народным Китаем и всеми странами народной демократии нам не страшны никакие трудности. Перед нами ясная и прямая дорога — дорога к социализму, к коммунизму!

Памятник Сухэ-Батору в Улан-Баторе.

Группа молодых доярок Рязанской области, награжденных почетными грамотами ЦК ВЛКСМ за отличную работу.

РЯЗАНСКИЕ ДОЯРКИ

П. КРАВЧЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Недавно читатели рязанских газет узнали, что в среднем каждая корова в области дала за год на 414 килограммов больше молока, чем в прошлом году. Такого прироста удоев здесь никогда еще не бывало. Из Рязани в столицу было завезено в два с половиной раза больше молока, чем предполагалось по плану.

Передовых доярок области пригласили на совещание в Рязань. Их оказалось так много, что в президиуме шутили: «Зал-то надо бы немного пораздвинуть». В огромном зале действительно было тесновато, запоздавшие расселись в проходах и у дверей.

Одна за другой по-хозяйски поднимались на трибуну доярки. Почти все они оказались ученицами 63-летней рязанской доярки Прасковьи Николаевны Ковровой, но у всех уже накопился и свой большой опыт, которым стоило поделиться с другими.

Антонина Михайловна Орлова — еще молодая доярка. Она работает на колхозной ферме всего четыре года. Ее учительница Коврова надоила от каждой коровы в среднем по 6 116 килограммов молока за год. Не намного отстала и Орлова. Она брала обязательство надоить по пять с половиной тысяч, а надоила по 5 895 килограммов молока от каждой коровы. Теперь Орлова, так же, как и ее учительница,— Герой Социалистического Труда.

— Без передовой зоотехники, без науки сейчас совсем невозможно,— говорит она.— Без науки получится у нас тоска, а не работа.

— У вас, наверное, кормов много? — кричат из зала.

— Кто мешает вам иметь много кормов? — вопросом на вопрос отвечает она.— Выйдите на трибуну, расскажите, кто мешает. Кроме того, дело не только в количестве, а и в том, как эти корма приготовлены. Я готовлю их так...

И начинается подробный зоотехнический разговор. На трибуну поднимаются другие доярки, спорят, предлагают собственные методы.

Сильно достается нерадивым руководителям колхозов и районов.

О многих из них говорили с трибуны. Вот, например, есть на Рязанщине два района: Ерахтурский и Елатомский. В Ерахтурском районе кормовые условия хуже, а он дал средний удой на корову 2 тысячи литров. В Елатомском, где лучше с кормами,— только 1 250. В Елатомском районе секретарь райкома партии — товарищ Другов, а председатель райисполкома — товарищ Романчук...

В перерыве все выходят из зала в вестибюль. Из президиума спускаются вниз и две доярки — Герои Социалистического Труда Александра Степановна Николаева (слева) и Анна Федоровна Ивкина.

Обе они работают в одном колхозе и давно соревнуются друг с другом. В то время, когда Николаева получала рекордные удои, Ивкина рискнула взять себе группу коров-первотелок и в последующие годы довела их удои до уровня рекордных. Недавно Николаева вернулась из Монгольской Народной Республики, где она обучала монгольских доярок передовым методам работы. В колхозе она узнала, что подруга перегнала ее, получила от каждой коровы больше молока.

— Ну, ничего. Впереди еще не один год работы,— говорит Николаева.

А из вестибюля слышатся взрывы смеха. Тут тоже идет своеобразное соревнование. Из каждого района привезли десятки новых частушек, и в круг выходят по очереди:

Я, подружки, тосковала,
Сердце билося в груди:
Все казалось, что отстала,
Оказалась впереди.

А Маруся Комкова поет про свое:

Я девчонка смелая,
Чего хотела, сделала,
Я на своем поставила,
Любить его заставила.

Потом девчата жалеют баяниста:

Баянист устал,
Нагибаться стал,
Принесите молока,
Напоите игрока!

К вечеру лучшим дояркам области вручали подарки: часы, патефоны, столовые сервизы, отрезы на платья и на костюмы.

Веселое оживление в зале наступило, когда один из подарков вышел получать мужчина.

Иван Федорович Грызунов из совхоза «Шиловский» надоил за год от каждой коровы по 4 322 килограмма молока. Доярка того же совхоза Матрена Прокопьевна Глаголева поздравляет его с получением грамоты и подарка.

На совещании были вручены переходящие Красные знамена Рязанского обкома КПСС и облисполкома Рыбновскому району, Полянской лугомелиоративной станции, колхозу имени Кирова, Шиловского района, и совхозу имени Розы Люксембург, добившимся самых высоких показателей в развитии животноводства.

Председатель колхоза имени Кирова, Шиловского района, Анна Игнатьевна Ефремова сказала:

— В первый раз это знамя получал в 1944 году наш колхоз «Смычка». Мы тогда отобрали знамя у колхоза имени Кирова, и председатель кировского колхоза товарищ Демидов говорил: «Смотрите за ним, чтобы оно не запылилось, через год отберем его обратно». Помню, я ответила тогда Демидову, что не видать им его, как своих ушей. Сейчас, работая председателем объединенного колхоза имени Кирова, я рада, что ошиблась. Думаю, что знамя попало в надежные руки, а с Демидовым нам тоже теперь не о чем спорить: он работает заместителем председателя в нашем колхозе.

Уже перед самым концом совещания из Москвы в Рязань подоспела машина. Привезли постановление Главвыставкома Всесоюзной сельскохозяйственной выставки о награждении колхозных передовиков медалями и ценными подарками.

Шесть больших и 11 малых золотых медалей, 28 больших и 111 малых серебряных медалей присуждены колхозникам Рязанской области.

Настоящую овацию устроили Прасковье Николаевне Ковровой, когда было оглашено постановление Главвыставкома о том, что она премируется легковой машиной «Победа». В перерыве к Ковровой одна за другой подходили девушки, ее ученицы, и наперебой поздравляли ее.

Прасковья, дочь Ковровой, студентка 3-го курса педагогического института, заявила о своем желании водить машину. В этот же день она начала тренироваться.

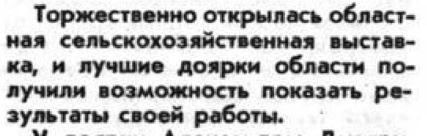

Торжественно открылась областная сельскохозяйственная выставка, и лучшие доярки области получили возможность показать результаты своей работы.

У доярки Александры Дмитриевны Кольцовой на выставке несколько коров. Кобра дала за этот год семь тысяч литров молока, Жданка — шесть с половиной, Знойная — четыре тысячи девятьсот.

— В следующем году они, конечно, дадут больше, надо только не пожалеть труда,— говорит Кольцова.

Как этого добиться, она подробно рассказала посетителям.

* * *

В прошлом году в колхозах Рязанской области было 322 доярки, которые получили больше чем по 2 тысячи килограммов молока от каждой коровы. В этом году таких доярок стало уже 629. Совещание приняло обращение ко всем дояркам области, в котором призвало: добиться в 1955 году по всем колхозам области надоя не менее 2 тысяч килограммов на каждую корову в среднем, а по совхозам — не меньше 3 200 килограммов.

Енисей — голубая дорога

Е. РЯБЧИКОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора и С. Малобицкого.

V

Меж двумя Сибирями...

Железнодорожный мост транссибирской магистрали, нависший над темным Енисеем, отделяет стальной чертой горный хребет от Красноярской долины. Позади дымчатые, с осенними подпалинами крутые высоты, красновато-серые скалы, заповедная тайга. Ниже, за мостом, гор нет, а есть привольно раскинувшиеся надпойменные террасы, уходящая к северу всхолмленная равнина.

См. «Огонек» №№ 40, 41, 42, 44.

Енисей подходит к Красноярску одним мощным потоком. Он будто ныряет под металлические фермы моста, прощаясь с Афонтовой горой, Караульной сопкой, живописным Красноярским хребтом. Зеленые вершины, охватившие широким полукружьем город, медленно уходят к югу и, как все горы, тающие на горизонте, становятся уже не зелеными, а синими, затем фиолетовыми и даже пепельными.

Откинув могучим усилием каменные кряжи, неистовый богатырь вырывается из теснин и, сверкая белыми гребнями, ходко бежит все дальше на север — за Красноярск. Опьяненный свободой, не зная, куда девать могучие силы, режет Енисей зеленые поймы, петляет коренным руслом, разбрасывает голубые рукава протоков, заполняет равнину архипелагами островов.

По реке — и город! Красноярск виден с Енисея во всех разительных проявлениях старого и нового. Черным квадратом поднимается на левом берегу уцелевший от топора участок тайги; темные кедры, голубоствольные пихты, раскидистые лиственницы, обнесенные оградой городского парка, напоминают о том далеком времени, когда окрест все было занято дремотной тайгой.

Три с лишним века назад пришли сюда казаки из Енисейска, облюбовали обрывистые высоты над Качей, впадающей в Енисей, и заложили здесь бревенчатый острог.

Красноватый глинистый яр над енисейским потоком и дал название новому поселению — Красный Яр. Но «яр» в русском языке не только обрыв над рекой. Яр означает еще пламенный, горячий, страстный, неукротимый. Отсюда и пошла меткая народная поговорка: «Краснояре — сердцем яры». Вся жизнь их проходила в казачьем седле с ружьем за плечами, под парусами на плоскодонке, с топором в тайге. Они осваивали огромный край от Саян до обомшелых скал океана. «Краснояре» были воинами, искусными оружейниками, охотниками, земледельцами.

Имена казаков Ильи и Петра Суриковых, предков великого русского художника, вошли в историю нашумевшего в Сибири «Красноярского бунта». Сурово наказав изменников-воевод, бунтари три года управляли острогом. Так и повелось потом, что «краснояре» считались людьми вольными, бунтовщиками, «блюстителями свободы».

Есть в Красноярске «суриковское место» — Караульная сопка; с нее не раз смотрел юный Суриков в заенисейские дали, на горные высоты и мрачный утес Такмак. На Караульной сопке маячит древняя, белого камня часовня. Палили ее молнии, поливали ее толстые стены каленые стрелы и ружейный свинец. Теперь высокое небо над часовней содрогается от рева моторов воздушных кораблей, летящих в Москву и Владивосток, в Пекин и Пхеньян, в Кызыл и Арктику.

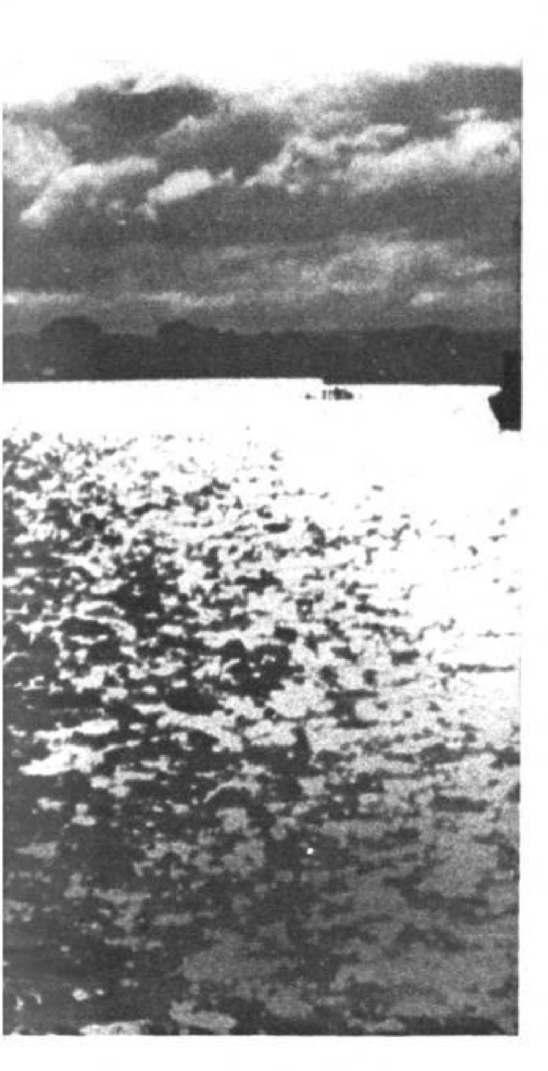
Невдалеке от седой башни гостеприимно распахнул резные двери новый аэровокзал. Широкие железобетонные полосы, цветы на клумбах, асфальт, вереницы взлетающих и приземляющихся самолетов...

Попыхивая горячим дымом, грохоча на енисейском мосту, мчатся поезда величайшей железнодорожной магистрали. Вот уходят на запад — на Алтай, в Казахстан и в Барабинские степи — эшелоны с новенькими самоходными комбайнами. Они только что вышли из цехов Красноярского завода самоходных комбайнов. Такие же эшелоны отправляются на восток — в Китай, Корею. Только промелькнули платформы с комбайнами, виден эшелон с мощными подъемными мостовыми кранами, им предстоит большой путь к Жигулям. Потом уходят составы с разборными щитовыми домиками для целинных земель; один за другим бегут составы с енисейским лесом; показывается поезд, увозящий с красноярской верфи тупорылые стальные катера.

И там же, под горой, поблескивая острым шпилем, поднимается на берегу Енисея речной вокзал. Смотришь на него и те-

Правобережье Красноярска. Улица Ползунова.

ряешься: в Химках ли ты или в Сибири?

Отдав якоря, сверкая иллюминаторами и зеркальными окнами салонов, стоят перед речным вокзалом белоснежные обтекаемой формы пассажирские корабли. Совсем недавно сошли они со стапелей, совершили большой переход Северным морским путем и прибыли в Красноярск. В облике новых кораблей все от моря — и глухо задраенные капитанские мостики, и крутые обводы, высокие форштевни, словно предназначенные резать океанскую волну, и задранные вверх иллюминаторы. Они свидетельствуют о морском происхождении судов, будто невзначай очутившихся на реке. Но конструкторы не ошиблись: именно такие корабли-мореходы и нужны многоводному Енисею в его среднем и нижнем течении.

От Красноярска пролегает ясная и четкая граница между двумя Сибирями — Западной и Восточной. Левый берег, относящийся к Западной Сибири, ровен, спокоен, сулит широту и даль равнин; правый со своим животным и растительным миром — весь в горах, тайге, стремительных реках, летящих с головокружительной высоты. Различия между берегами так велики, что порой кажется, будто голубая лента сомкнула разные континенты.

«Меж двумя Сибирями» и предстоит путешествие по Енисею на север — к океану. Белопалубный теплоход «Иосиф Сталин» покидает Красноярский порт. Описывая плавный полукруг, он словно приглашает пассажиров окинуть прощальным взглядом город, полюбоваться его чарующей панорамой.

К корабельному микрофону подходит капитан речного экспресса Иван Гурьянович Лобастов.

— Наш теплоход, — обращается он с мостика к пассажирам, — следует в заполярный порт Дудинку. В дороге мы будем почти неделю, и за это время проплывем свыше двух тысяч километров, пересечем Полярный круг, подойдем к Ледовитому океану. Первая остановка — Атаманово, затем — Таежное.

Взору открывается «ковш» — широкая бухта судостроительного завода. На воде стоят только что спущенные самоходные баржи «Москва», «Севастополь», «Сталинград» и флотилия буксировщиков. Корабли с маркой Красноярского завода готовятся в далекие рейсы на другие реки. Из «ковша» выходит лоснящаяся свежей краской самоходная баржа и направляется к причалам крупного речного порта — Злобину.

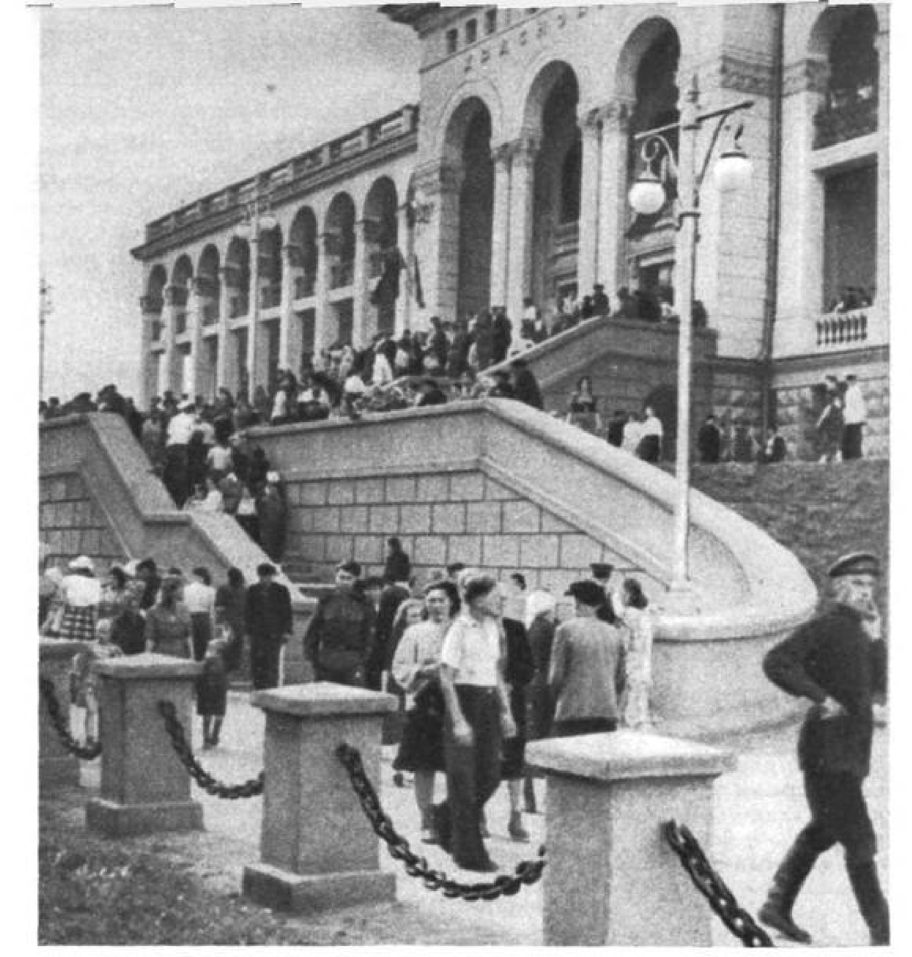
От Злобина протягиваются живые нити снабжения к Игарке и Диксону, таежным факториям и полярным станциям, к охотничьим заимкам. Река, бегущая с юга на север, сбрасывает лед сначала в верхнем течении, и получается так, что в Злобине, на чистой воде, уже стоят караваны под погрузкой, а в нескольких сотнях километров бомбят с самолетов ледяные заторы, «открывая» Енисей. Следом за льдами идут корабли: нужно скорее везти продовольствие, машины, оборудование, цемент, текстиль, обувь!

Кипучая жизнь сибирской реки ощущается полно и ярко на злобинском рейде. Проходят нефтеналивные баржи. Мчится судно с водометным движителем, созданное на стапелях Красноярска. Вздымая тучи брызг, оригинальное судно на большой скорости обгоняет наш теплоход.

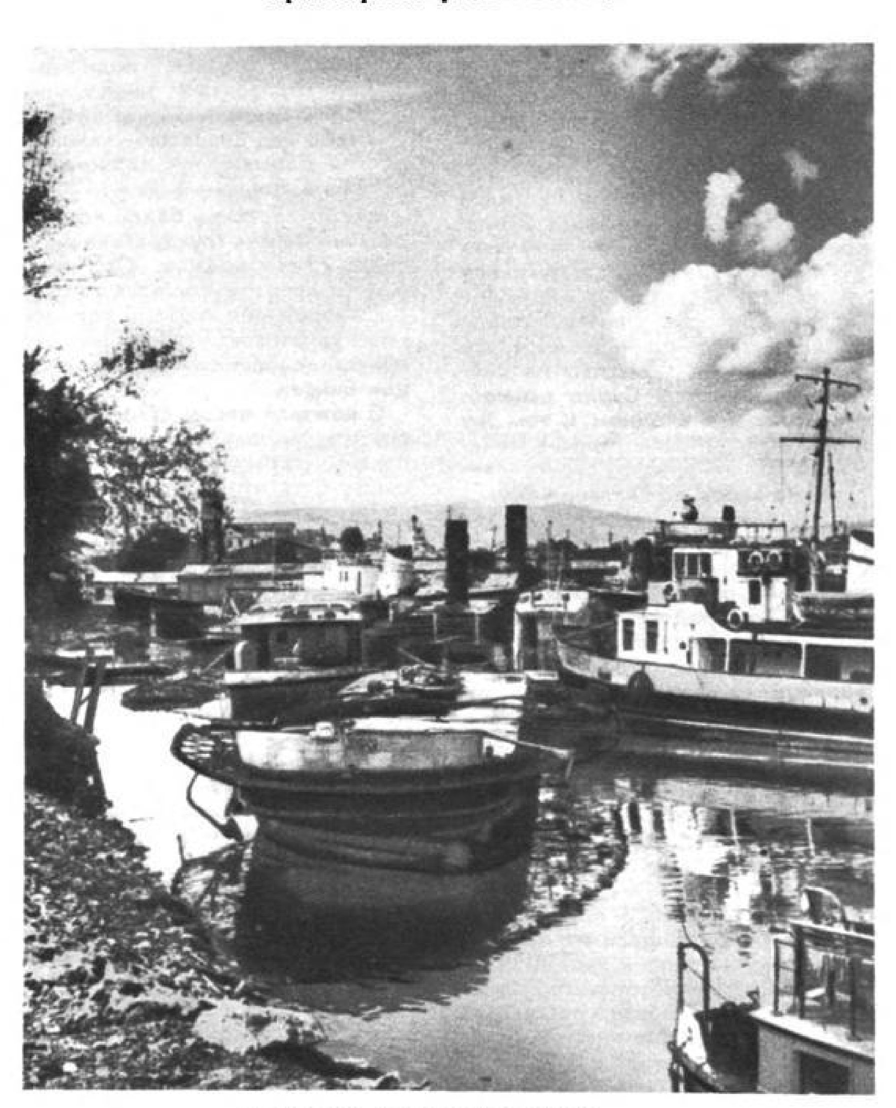
Кажется, мы уже давно в пути и давно вышли из Красноярска, но он все еще сопровождает теплоход. На картах всего лишь пятнадцатилетней давности здесь означались пустоши, выпасы, а сейчас все еще тянутся заводские цехи, градирни, поселки, сады, причалы красноярского правобережья. Но вот начинаются зигзаги Лодейских перекатов. Город исчезает за бесчисленными островами. Перед нами уже не узкая, сжатая горами река, а полноводный поток, несущий настоящие морские корабли, плоты-гиганты, большегрузные «возы» — караваны барж.

Сделав короткую остановку в Атаманове, речной корабль подходит к Таежному. Среди лесов стоят нарядные двухэтажные дома, арки, резные теремочки, флагштоки на костровых площадках. Таежное — санаторий для взрослых и «Енисейский Артек» для пионеров Заполярья. Едва кончается на Таймыре долгая полярная ночь, стихают в тундре черные бури и слабеет мороз, после окончания школьных занятий тысячи ребят садятся вот на этот теплоход и отправляются в далекий путь, на юг, к солнцу, теплу — в Таежное.

Пятнадцать лет водит капитан Лобастов свой красавец-теплоход и все эти годы весной перевозит пионеров в «Енисейский Артек», а осенью увозит их обратно за Полярный круг. Многие из пионеров, совершавшие далекие рейсы с Лобастовым, уже выросли, стали знатными рабочими, инженерами, учителями, летчиками, но и сейчас они вспоминают чудесные поездки по голубому Енисею, пионерские костры и походы в тайгу.

Красноярский речной вокзал.

В «ковше» всегда много судов.

«Полный вперед!»

Над берегами светлеет, и слитный темный поток, бесцеремонно срезая кедры, выворачивая камни, с глухим шумом мчится все дальше на север. Видны большие и малые села, поля, сады; на автомобильной дороге показываются «Победы» и цельнометаллический красный автобус, бегущий из Красноярска в Енисейск; высоко в небе гудит самолет, летящий куда-то далеко в Заполярье.

Видна Заливская — исконная родина енисейских бакенщиков, лоцманов, плотогонов. Из поколения в поколение передаются тут профессии дедов и прадедов, проводивших плоты и баржи через мрачный Казачинский порог. И сейчас многоводную реку разрезают здесь предательские камни, путь через них сложен и опасен, и Заливская продолжает сохранять ключевые позиции к каменной баррикаде.

Пионеры прощаются с Таежным.

Около деревни установлен пост-семафор: ни одно судно не имеет права входить в порог без разрешения. Несколько блокпостов порога соединены между собой телефонной связью. Оператор-диспетчер В. Орлов с помощью семафористов руководит проводкой судов через камни. Течение в пороге такое сильное, что судно не может самостоятельно одолеть его. Даже наш могучий теплоход, когда идет «встречь воды», нуждается в посторонней помощи. Здесь и действует удивительное судно-бурлак — туер.

Туер «Ангара» дежурит всю навигацию в деревне Порог; едва потребуется его помощь, буксировщик прибывает к нижнему рейду и берет «на крюк» баржу или пароход. На «Ангаре» установлена мощная лебедка, наматывающая прочный трос, один конец которого укреплен намертво на якорях выше порога. Судно движется все время в одном и том же положении — носом против течения. Взяв на буксир судно, следующее вверх, на «Ангаре» приводят в действие лебедку, и трос начинает постепенно наматываться на толстый вал. Словно цепляясь за этот трос, переброшенный через порог, судно-бурлак вытягивает против течения не только себя, но и большегрузную баржу.

Более трех километров тянется порог, усеянный камнями. Орел, Красная плита, Майдан, Можеста... Подводные скалы носят имена, как корабли, вернее, это имена погибших кораблей. Сколько тут разбилось барок, плотов, паузков!..

Как ни взрывали в пороге камни, как ни расчищали их, гранитные зубья норовят и теперь «хватить» баржу или теплоход. Лишь со временем, когда раскинется перед могучей плотиной Енисейское море, исчезнет эта подводная стена, а с ней пропадут и страхи судоводителей.

С капитанского мостика видно, как взламывается зеркальная гладь предпорожья. Судно, идущее самым тихим ходом, вдруг развивает бешеную быстроту и врывается в буруны. Корпус вздрагивает, как от удара, и валится с борта на борт. Судно качает все сильнее, и вдруг наступает покой: свирепый Казачинский порог уже позади, и на семафорной мачте взлетают веселые флаги: «Счастливого плавания!». Труженики порога от души приветствуют пассажиров и речников.

— Полный вперед! — распоряжается капитан Лобастов.

Пассажиры выбирают на верхней палубе лучшие «точки», чтобы первыми увидеть и запечатлеть на пленке чудо природы — устье Ангары, гигантского притока Енисея.

Какая река — приток!

Ангары нет еще перед глазами, но во всем чувствуется ее близость. Только что было тепло, только что весело, как-то ликующе пели птицы, и в неспокойной реке, затканной струящимся легким туманом, плескались таймени. И вдруг при чистом небе на этом заштилевшем просторе повеяло сырой прохладой, а затем потянуло обжигающим холодом. Глухо и тяжко дохнула байкальской стужей Ангара.

Захватив в вечно холодных глубинах славного озера-моря и в горных ледниковых реках стылую воду, Ангара несет ее через горы в Енисей. Сливаясь с ним, она охлаждает не только поток, примчавшийся с поднебесных озер Тувы, но и воздух и даже землю.

Лишь вчера, вот в такую же вечернюю пору, видны были загорающиеся звезды среди алых всплесков зари и чудилась глухая полночь, а сейчас, поднимаясь из-за горизонта, таинственный жидкий и трепетный свет заливает все небо над Енисеем — начинается зона белых ночей, за ними бесконечный полярный день.

В этом свечении белой ночи вырастает черная глухая стена ангарского правобережья. Она вздымается вверх, щетинится кедрачами, заполняет собой горизонт. Блеснув сталью, словно взмахом кривой сабли, отворачивает от нее Енисей.

С каждым часом становится холоднее; умолкают и разлетаются птицы, скрываются в глубинах рыбы. Есть что-то тревожное и в то же время торжественное во встрече богатыря Енисея с красавицей Ангарой.

— Ангаре нужно быть главной рекой,— убежденно доказывают ее приверженцы,— а Енисею — лишь притоком.

А когда в спор включаются гидрологи, то появляются такие расчеты и такие выкладки, что, кажется, не устоять перед ними и нужно соглашаться, будто история и впрямь допустила ошибку, — и главной рекой должна считаться Ангара. Ангара таит гигантские запасы гидравлической энергии, за что и называют ее «рекой электричества». Кажется, все преимущества на стороне Ангары.

Затянувшийся спор, какая река — приток, хотя практически и не имеет смысла, интересен тем, что дает представление, какие здесь скрещиваются реки, какие мчатся водные лавины, какие сталкиваются гигантские силы.

В свете белой ночи на фоне крутого ангарского берега показывается треугольный песчаный мыс, похожий на острие каленой стрелы. Это Стрелка, место слияния Енисея с Ангарой.

Не только здесь соединяются реки. Многоводная Кама вливается в Волгу, Иртыш — в Обь, Северная Двина принимает Вычегду. Но нигде не увидишь столь величественной встречи речных гигантов, как на Стрелке в Сибири.

Стрелка — оживленное место. От пристаней тянутся тропы и дороги к селу Стрелка, начинающемуся тут же, над яром, и к самой оконечности, где ютится меж валунов бревенчатый домик бакенщика. Село резко делится ручьем на две части: старую и новую. И сейчас еще сохранились в старой части села приземистые дома, рубленные из толстых барочных плах. Подслеповатые маленькие окна, обомшелые навесы над фасадами изб, покрытые плотной зеленью мхов и лишайников кровли придают древним жилищам музейный вид, заставляют думать о том далеком времени, когда Стрелка в устье Ангары была знаменитым местом. Здесь проходил великий водный путь из Москвы в Китай.

Китайские товары, главным образом чай, сплавлялись по реке Селенге в Байкал, в селе Листвянка они перегружались на остроносые, не боящиеся бешеных волн в порогах илимки и отправлялись вниз по Ангаре. Труден и опасен был этот путь. Гремучие падуны, неистовые пороги грозили за каждым поворотом. Не все торговые люди доплывали до Стрелки. А кто прибывал к устью, тот давал волю своей широкой натуре. На Ангаре и пороги называются Пьяный, Похмельный...

Растянувшийся на многие тысячи верст великий «чайный путь» смело соперничал с обозной дорогой, по которой шли возы с цыбиками китайского чая из Кяхты в Петербург. Но водный путь уступил железнодорожному. Пролегли рельсы Транссибирской железной дороги, и замерла водная дорога, остались без дела таежные кормщики, выносливые бурлаки, двужильные грузчики. Тихо стало на Стрелке. Опустели толстенные лиственничные лабазы, придвинулась тайга к селу и заняла свое прежнее место у погасших кузнечных горнов, у бурлацких троп.

Ангарская новь

Теперь вновь шумно и весело на Стрелке. И опять ожила Ангара. На реку пришли строители, чтобы заставить ее вырабатывать электрическую энергию.

На быстрине ангарского потока создается каскад мощных «фабрик электричества».

Первая Ангарская гидростанция воздвигается в верхнем течении реки. Насыпная плотина из гравия серыми крыльями уже подошла с обоих берегов к стрежню реки и готова сомкнуться, оборвать сине-зеленый беснующийся поток. Недалеко время, когда Ангарское водохранилище протянется от плотины к Байкалу и станет голубым заливом. Это будет лишь первая ступень грандиозного каскада. За ней пойдут вниз по течению, к Енисею, следующие ступени, еще более мощных гидроузлов. И тогда дикая Ангара утратит свои мрачные пороги и станет «морской рекой», послушной человеческой воле.

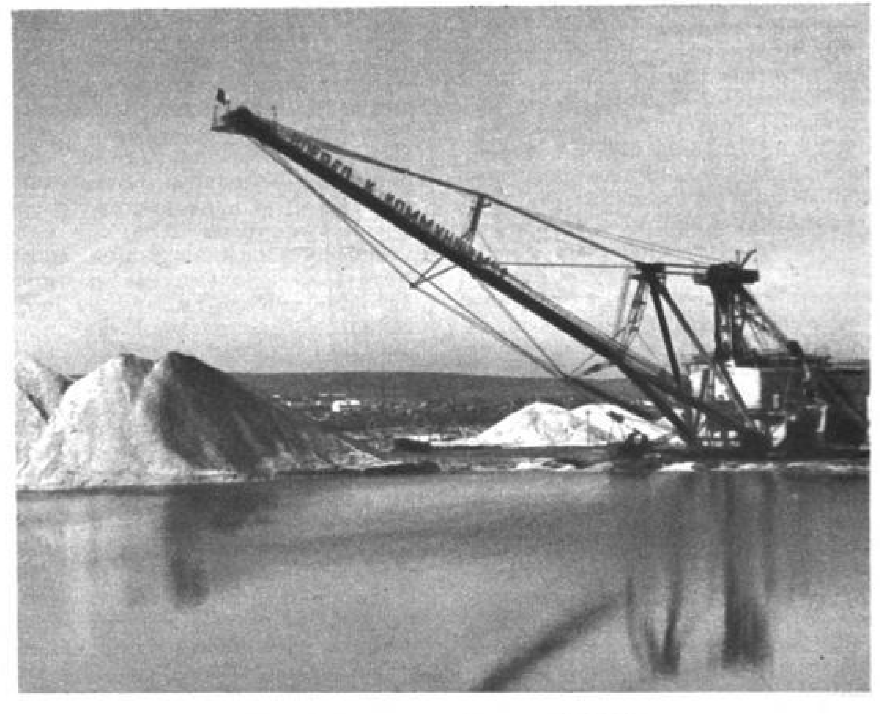
Уже сейчас на ангарских берегах в нехоженой тайге и безлюдных горах прокладываются дороги, вырастают города, строятся заводы и рудники — будущие потребители самой дешевой электрической энергии, которую даст в изобилии «жемчужина Сибири».

Ангара — это не только электричество. Ангара — черемховский уголь, бокситы, богатые руды, соль, сады и поля, бесценный, не знающий соперников лес...

Нужно проплыть по Ангаре и Енисею и видеть, что сталось с прежде глухими местами. Приангарье покрылось золотым налетом опилок, окоренных стволов, пиленой древесиной. Мощные леспромхозы с электрическими станциями, сотнями автомобилей и трелевочных тракторов, с целой сетью узкоколейных железных путей вот уже четверть века, год за годом, разрабатывают тайгу, разделывают миллионы бревен, вяжут их в плоты, и бесстрашные гонщики ведут «кошеля» через шивера и пороги.

...На левом, низком берегу Енисея, в большой излучине, показывается древний сибирский город Енисейск.

На рейде стоят уже настоящие морские корабли, и кажется, что где-то совсем рядом, за поворотом, их ждет океан. Лес корабельных мачт, стрелы кранов, набережная, забранная в лиственничные срубы, самолеты в светлом небе и плоты у Енисейской судоверфи — все это образует пеструю и веселую картину большого города, который знал в прошлом золотую лихорадку, горькое забвение, унылую жизнь захолустья, а ныне переживает второе рождение.

На строительстве Ангарской ГЭС.

Творчество великого народа

Недавно в Советском Союзе проходили гастроли талантливых индийских артистов.

Насколько может быть ясен и образен пластический язык жестов и мимики, показал прославленный танцовщик Индии Гопинатх. Его мимическое мастерство настолько высоко, что лишь одной игрой глаз и мускулов лица он добивается подлинного перевоплощения. Выразительно и ярко исполняет Гопинатх и сюжетные танцы, тематическая основа для которых берется из древних индийских легенд и эпических поэм.

Мягко и проникновенно исполняли Суриндер Каур и Мира Четтерджи лирические песни, аккомпанируя себе на национальных инструментах. Высокое искусство вокальной импровизации продемонстрировал выдающийся певец Индии Аса Сингх Мастана.

Нельзя было не залюбоваться прелестным танцем, рассказывающим о любви бога Кришну и его жены Радхи в грациозном исполнении Сурьямукхи и Томбино Деви.

Своеобразное и неповторимое искусство, в котором запечатлены мысли и чувства народа Индии, вызывает любовь и уважение к великому народу-творцу. Выступления посланцев Индии еще более укрепили взаимопонимание и сердечную дружбу между индийским и советским народами.

Н. Юрьева

Фото **М. САВИНА.**

→ Гопинатх исполняет танец в классическом стиле Катакхали — эпизод из индийского эпоса «Рамаяна».

Танец-пантомима «Умиротворение». Исполняет Гопинатх.

Аса Сингх Мастана исполняет отрывок из лирической поэмы «Хир и Ранджа».

Мастера индийского искусства исполняют поэму «Наша Индия лучше всех».

Сурьямукхи и Томбино Деви в танце «Кришна и Радха».

Мира Четтерджи и Суриндер Каур исполняют «Песню радости» Рабиндраната Тагора.

Женщина из района Батценгаль

И. ЧЕКИН

Мы долго добирались в этот район, о котором так много рассказывали нам в Улан-Баторе. Изучивший все дороги Монголии, находивший их по каким-то неуловимым следам наш спутник задумался:

— Что-то долго мы едем, а уже давно должны быть в сомоне [1].

Мы остановились перед небольшой, но шумной речушкой. Уже неоднократно ее извилины пересекали нам путь, и мы перебирались на другую сторону с помощью всепроходящего «газика», следовавшего за нашей «Победой».

На склонах гор белыми пятнами передвигались овечьи отары. По дороге не раз встречались табуны маленьких, стремительных монгольских лошадей. Лошади вели себя как-то необычно: вместо того чтобы удаляться от приближающейся машины, они неслись по степи наперерез нам и перебегали дорогу чуть ли не в двух — трех шагах от радиатора.

Но вот уж и табуны не встречаются, не попадаются и дикие козы, которые сотнями проносились по степи; далеко позади остались отары овец.

И мы поняли, что избрали не совсем удачный маршрут.

Поздно ночью, добравшись до ближайшего районного центра, мы снова заговорили о женщине Ульдзиху, которую собирались повидать. Район Батценгаль, где жила и работала Ульдзиху, был нанесен на карту республики как сомонный центр в 1937 году. Раньше там хозяйничали ламы. В этом далеком местечке постоянно звучали молитвы и совершались жертвоприношения.

И именно здесь, на месте бывших религиозных сборищ, новые люди создали район, о котором пошла слава по всей Монгольской Народной Республике как о районе животноводческого изобилия.

Об этом сомоне нам рассказывали самые разные люди, с которыми мы встречались. Все они говорили про Ульдзиху с уважением и гордостью: вот какие есть достойные и трудолюбивые женщины в Монгольской Народной Республике!

Об Ульдзиху молва прошла далеко. Шофер Яндон, вот уже скоро пятнадцать лет разъезжающий по дорогам республики, сказал нам: Ульдзиху счастье приносит людям.

Про эту женщину рассказывали нам и учителя школы в Архангайском аймаке...

...Когда на собрании аратов-скотоводов кто-то предложил избрать Ульдзиху председателем сомонного совета, многие даже растерялись. Женщину — председателем?! Некоторые промолчали, некоторые запротестовали. Но нашлись старики-араты, имена которых здесь всегда произносятся с уважением, поддержавшие кандидатуру Ульдзиху.

— У нее большие думы и светлая голова,— говорили они.— Она не уступает мужчинам.

Ульдзиху избрали председателем сомонного совета. Потом ее выбрали в депутаты аймачного хурала трудящихся, а затем и в состав Великого Народного хурала.

Сегодня она председатель сомонного совета. Но путь ее к сегодняшнему дню — это путь упорного труда, многолетнего, настойчивого учения. Торговый техникум в Улан-Баторе; работа в магазинах и кооперативах; работа контролером, счетоводом и бухгалтером — так она постепенно изучала специальности, которые затем принесли ей пользу в руководстве хозяйством района.

Она руководила организацией женщин, когда работала в одном из аймачных центров южного Гоби. Она объединяла вокруг себя женщин и девушек, создающих на бывших церковных владениях новые трудовые хозяйства.

Все это нам рассказали об Ульдзиху еще до встречи с ней.

Утром, взобравшись на гористое место, мы увидели раскинувшиеся внизу домики и юрты сомона.

Навстречу нам неслось несколько всадников. Араты мчались так стремительно, словно гнались за кем-то. Но метрах в тридцати — сорока от нас они сдержали горячих коней. В движениях встречавших появились степенность и медлительность. Женщина, ехавшая впереди, была Ульдзиху.

Мы направились к небольшому домику, вошли в комнату председателя и уселись за маленький стол, покрытый зеленым сукном. Ульдзиху произвела на нас впечатление очень волевой женщины. Когда она начала рассказывать о районе своим ровным голосом, лицо ее преобразилось. Иногда она, правда, смущалась и переходила почти на шепот. Но чем дольше длился этот рассказ, тем решительнее становилось выражение лица, острее и пытливее взгляд, крепче и отчетливее голос.

Ульдзиху рассказывала о том, что район объединяет 776 хозяйств, что основное в хозяйствах — овцеводство. В этом году увеличено поголовье, выращен молодняк. Она чуть повысила голос, называя имена тех, кто вырастил молодняк, кто отдал ему свои заботы.

Бывшие ламы района объединились в деревообделочную артель и делают бочки для хозяйств.

— Они не захотели больше бродить по земле бездомными и никому не нужными,— сказала Ульдзиху.— А руки у них оказались рабочие, потому что и ламами-то они были больше по названию, из страха перед отцами и отцами отцов...

Ульдзиху познакомила нас с этой артелью. Здешние мастера смотрели на нас добродушно, дружески. Работа спорилась. Особенно приветливо улыбался один из них.

— Это мой муж,— тихо сказала Ульдзиху.— Он наводит здесь порядок и руководит ими.

Потом Ульдзиху повела нас в школу.

Директор школы Батораджь рассказал нам о детях, об их воспитании, о том, как уходят в прошлое предрассудки, как охотно араты оставляют теперь своих детей в школьных общежитиях. Дальние дороги, суровая зима не всегда позволяют живущим в отдалении от школы детям посещать ее. Поэтому при школах созданы интернаты.

Среди школьников есть очень одаренные ребята. Они носят звания «передового математика», «передового знатока языка». Нас познакомили с учеником Дамдинсуруном. У него только отличные и хорошие отметки. В школе учится и восьмилетняя дочка Ульдзиху.

— Мы хотим, чтобы вы посмотрели картину,— сказала Ульдзиху.

В школьном коридоре висела написанная маслом небольшого размера картина. Чувствовалось, что писал ее неопытный и, видимо, совсем-совсем юный художник, но содержание картины нас взволновало.

По степи едут двое — отец и сын,— а в далекой перспективе возникают перед ними сверкающие огнями заводы, фабрики, дома новой Монголии. И сын показывает отцу на это величественное будущее своей родины.

— Конечно,— тихо говорит Ульдзиху,— это будет еще не завтра, но будет!

После ее слов как-то особенно радостно звучали песни детворы.

Ульдзиху встречала нас в богатом, красивом дэли [2]. К нашему отъезду она переоделась в другой, не очень яркий, но такой же красивый и расписанный узорами халат.

Вместе с группой аратов верхом провожала она нас, предложив более короткую дорогу — к маленькой, но шумной и быстрой речушке. Пока переправлялись наши машины, Ульдзиху и все остальные оставались на берегу.

Мы обернулись и помахали ей. Она не взмахнула ни платком, ни рукой. Приложив руку козырьком к глазам, она молча смотрела нам вслед. Мы отъехали немного, остановили машины и обернулись. Всадники все еще стояли на берегу...

Такой предстала перед нами Ульдзиху, скромная труженица, значительная в своей скромности, — живое олицетворение судьбы женщины в свободной народной Монголии.

[1] Сомон — район.

[2] Дэли — национальное одеяние, напоминающее халат.

БЕККЕРОВСКИЙ РОЯЛЬ

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки И. Гринштейна.

1

Леша Пастухов был знаком с Валей почти год и виделся с ней каждый день, кроме воскресений, но если бы кто-нибудь сказал, что он любит ее, Леша только бы усмехнулся и произнес: «Нужна мне такая четвертушка!» Он хорошо понимал, что они слишком разные люди. К тому же Валя всегда являлась на работу с военной планшеткой, и было ясно, что сердце ее занято каким-нибудь лейтенантом.

Они работали в Москве, на строительстве домов в районе Песчаных улиц, Леша — каменщиком, Валя — техником производственного отдела. Лешу окружали кирпичи, кельмы, расшивки, ящики для раствора, песок, цемент, известь, ведра с грязной водой, а Валя проводила рабочий день в светлой комнате отдела, среди арифмометров, справочников в красивых переплетах, чертежей, логарифмических линеек и других внушающих уважение предметов.

Утром или вечером статная худенькая девушка в кокетливо повязанной шелковой косынке, с планшеткой через плечо появлялась на стройке и, смело щелкая высокими каблуками по верхнему ребру наружной стены, шла делать контрольные замеры. Одевалась она в красивые яркие платья, и при виде ее Леше всегда казалось, что сегодня какой-нибудь праздник. Он насмешливо называл ее «товарищ начальник», но так же, как и все рабочие, слушался и старался не произносить при ней грубых слов.

Бойкая двадцатилетняя начальница с охотой откликалась на лешин голос и была с ним на «ты». Впрочем, когда он пытался отделаться шуточкой от ее деловых замечаний, она произносила сурово:

— Я говорю совершенно серьезно.

Однажды в субботу, во второй половине дня, она стала выговаривать Леше за то, что он тянул карниз без учета изменений в проекте.

— Четыре ряда придется разбирать! — волновалась она. — Как же ты так?.. Я же предупреждала бригадира!

— Надо было мне лично сказать! — заметил Леша.

— Мы не обязаны предупреждать каждого рабочего!

— Не грех тебе иногда и с рабочими поговорить. Ты что, не уважаешь рабочий класс?

— А за что вас уважать? У Епифанова — швов волной; на его стенку смотришь, будто в кривое зеркало в парке культуры; у тебя — четыре ряда перекладывать. И ничего нет смешного!.. Я говорю совершенно серьезно...

— Ладно тебе, — перебил ее Леша. — Все равно до понедельника не переделать. Пойдем лучше в парк культуры. В зеркала глядеться.

— Пойдем, — согласилась Валя. — Только мне надо съездить домой, привести себя в порядок. Встретимся у главного входа в девять часов. Хорошо?

— Хорошо, — рассеянно ответил Леша, размышляя, за чей счет будет отнесена переделка карниза.

Валя ушла. Он попробовал разобрать верхний ряд, но раствор схватился, и без ломика было не обойтись.

У прорабской будки застучали по трубе. Рабочий день кончился. Сверху было видно, как Валя бежит в очередь на автобус.

«А ведь она и вправду придет», — спохватился Леша, до которого только сейчас стали доходить ее слова. И он подумал о хлопотах, связанных с этой встречей: во-первых, как всегда перед зарплатой, у него почти не было денег, во-вторых, надо получать из чистки костюм, ехать домой переодеваться...

«Может, не ходить? — размышлял он. — На что мне нужна эта начальница? А не пойти теперь неудобно. Сам напросился... Ладно, убью вечер, что уж теперь делать!..»

Изредка у него мелькала мысль, что Валя пошутила насчет свидания и давно уже забыла о нем, но он все-таки побрился, пришил к пиджаку, полученному из чистки, пуговицы, занял у ребят десятку, почистил ботинки сначала сам, потом на улице у чистильщика и поехал.

Несмотря на светлое еще время, у входа в парк горели яркие фонари. Издали доносились звуки духового оркестра, трубы были еле слышны, а барабан стучал громко. Леша несколько раз прошелся вдоль ограды мимо веселых парочек, мимо лоточниц в белых халатах.

Вали не было. Часы показывали четверть десятого. «Ладно, в понедельник я ее тоже разыграю», — беззлобно подумал Леша и решил уже возвращаться домой, но в это время услышал свисток и увидел перебегавшую дорогу Валю.

— Опаздываешь, — сказал он.

— Девушке опаздывать простительно, — ответила она. — Понимаешь, полчаса не могла найти фигаро. А оказывается, фигаро висело под зеленым платьем. Пришлось гладить...

Леша хотел спросить, что такое фигаро, но раздумал и сказал только:

— Ничего, бывает.

Подошел милиционер, козырнул, официальным голосом сообщил, что Валя нарушила какое-то обязательное постановление, и потребовал уплаты штрафа.

— Ничего, — сказал Леша, — я заплачу.

Они направились к кассе.

— Ты не танцуешь? — спросила Валя.

— Нет. Если хочешь, иди танцуй. А я пока посижу — выпью пива.

— Вот еще! — сказала Валя.

В парке она взяла его под руку, и они пошли по твердой розовой дорожке, под фонарями, развешанными на изогнутых стойках в виде ландышей.

Духовой оркестр играл вальс, и здесь, вблизи, напряженно пели медные трубы, а барабана почти не было слышно.

— Откуда у тебя военная планшетка? — спросил Леша.

— Купила. В Военторге.

— Ну смотри! Если дареная, я ее закину куда-нибудь в камнедробилку.

— Очень глупо, — сказала Валя. — Ревность — первобытное чувство... У тебя есть какая-нибудь знакомая девушка?

— Нет. Никого нету.

— Странно.

— Почему? Разве я такой уж красивый?

— Нет. Ты не красив, но у тебя есть свое лицо. Это девушкам нравится.

Они свернули в боковую аллею.

— Ты читала «Анну Каренину»? — спросил Леша.

— Конечно, читала.

— И я читал тоже. Второй том. Первый нигде не достать.

— Значит, ты беспорядочный человек. Беспорядочное чтение — признак беспорядочной души.

Леша улыбнулся.

— Ты обижаешься? — спросила Валя.

— Да нет, что ты! Ты говоришь так, как будто резолюции накладываешь.

Прошли еще немного.

— Тебе скучно со мной? — спросила Валя.

— Нет.

— Пойдем в шашки играть? Ты ведь любишь.

Действительно, Леша любил в обеденный перерыв сыграть с бригадиром Федором Федоровичем. И было приятно, что Валя знала о нем больше, чем он думал.

Они разыскали павильон, взяли полинявшие шашки, и Леша, проезжаясь насчет валиного среднего образования, легко выиграл две партии. Валя немного обиделась и играть третью партию не захотела.

Они пошли вдоль гранитного парапета Москвы-реки, все дальше и дальше углубляясь в зеленые гущи парка, достигли Нескучного сада и поднялись на горку, мимо кафе, в котором уже погасла неоновая вывеска и официанты снимали скатерти с плетеных столиков. Гуляющих в этих местах почти не было, но на каждой скамейке сидело по двое.

Они шли молча и не ощущали неловкости от молчания.

И Леша с удивлением чувствовал, что Валя за один вечер стала ему понятней и ближе, чем за целый год, проведенный вместе на стройке. Оттого ли, что она бегом бросилась к нему, спрыгнув с идущего трамвая, оттого ли, что отказалась танцевать без него, оттого ли, что смело, на виду у всех, взяла его под руку, он почувствовал нежность и какую-то непонятную жалость к этой худенькой девушке. А может быть, год их служебного знакомства не прошел бесследно и что-то хорошее все это время незаметно копилось в лешиной душе вплоть до сегодняшнего вечера... «Законная деваха», — подумал он, крепче сжимая ее руку.

Они сели. Было совсем темно. В деревьях шумел ветер. Редкие фонари светили сквозь черную листву.

— Скажи мне что-нибудь, — тихо проговорила Валя.

Он обнял ее, поцеловал в крепко сжатые губы и посмотрел на нее вопросительно.

Она подняла серьезные, блестящие в темноте глаза и проговорила:

— Это лишнее, Леша. Без любви это пóшло.

Он поцеловал ее еще раз.

— Я говорю совершенно серьезно. — Она осторожно, почти без усилий высвободилась и стала ощупывать в волосах заколки.

Пока Леша ждал, когда она поправит прическу, подошел старенький сторож с железной тростью, на которую были наколоты бумажки, и велел уходить, потому что в двенадцать парк закрывается.

— Сейчас идем, — сказал Леша и встал. — Зря мы, дед, в шашки играли.

— Что? — не понял сторож.

— Зря, говорю, в шашки играли. Надо было сразу сюда идти.

У выхода он условился с Валей встретиться здесь же завтра, в восемь часов вечера. И, посадив ее в трамвай, Леша сунул руки в карманы и, посвистывая, зашагал по Крымскому мосту: у него не осталось на дорогу ни копейки денег.

2

Ровно в восемь часов вечера в воскресенье они встретились и сразу же пошли в Нескучный сад, к своей белой скамейке.

Они шли молча, деловито, словно заранее сговорились об этом, и Леша туго держал ее под руку.

Белая скамейка оказалась занятой. На ней сидел парень в зеленой шляпе, и рядом с ним девушка в форме ремесленного училища. Головы их были низко опущены, и они шептались.

— Сейчас я их шугану с нашего места, —

сказал Леша оскорбленным тоном, но девушка случайно подняла голову, и он увидел, что глаза ее заплаканы.

Пришлось идти дальше, но в воскресный вечер найти пустую скамейку оказалось нелегко. Свободные скамейки, конечно, были, но одна находилась под ярким фонарем, другая — на людном перекрестке, третья стояла рядом с четвертой, а на этой четвертой, словно передразнивая вчерашнюю встречу Вали с Лешей, любезничала пожилая неприятная пара.

Наконец каким-то чутьем он угадал скамейку, скрытую вдали от аллеи, в гуще кустов.

Как только они сели, Леша немного смутился. Возникла длинная пауза. Не найдя другой темы, чтобы разбить тягостное молчание, он стал рассказывать, как вчера топал пешком к дому и во время длинного пути пересвистал все известные ему песни, вплоть до старинной «Лявонихи». Свою прогулку он объяснил желанием посмотреть ночную Москву, но Валя сразу поняла истинную причину и рассердилась за то, что он не догадался взять у нее тридцать копеек. Леша уверял, что совсем не чувствовал усталости, — в тот вечер у него появилось столько сил, что он мог бы без остановки дойти до Белоруссии, до родной деревни.

— Откуда у тебя взялась такая энергия? — спросила Валя.

— Наверно, оттого, что я вчера гулял с тобой, — ответил он полушутливо.

Валя, засмеявшись, сказала, что в таком случае им не стоит больше встречаться, потому что излишняя энергия такого рода может довести человека до безумия. Где-то было написано, что художник Ван-Гог перед разлукой с любимой отрезал и подарил ей свое ухо. Леша возразил, что она может за его уши не беспокоиться и что он свою энергию использует на что-нибудь более путное, например, на ученье.

— А не встречаться нам больше нельзя! — твердо закончил он.

Возникло молчание...

— Скажи мне еще что-нибудь,— попросила Валя.

Леша не переносил слов «милая», «любимая» и сказал:

— Я тебя очень уважаю... Понятно?

Валя едва заметно кивнула головой. Он обнял ее и поцеловал крепко. Она ответила робким поцелуем и отвернулась. Тогда он стал целовать ее быстро и часто и шептать: «Милая, милая», — с удивлением обнаруживая вдруг всю прелесть, которую таит в себе это короткое слово.

Потом они подробно поведали друг другу о своей жизни, рассказывая о будущем так же уверенно, как и о прошлом. Леша узнал, что отец Вали умер во время Отечественной войны где-то в эвакуации, мама стала давать уроки музыки, и они жили хорошо. Но год назад умерла мама, и одной Вале стало трудно и скучно. Вечера она обыкновенно проводит дома, читает книжки, а когда выйдет замуж, у нее будет сын по имени Руслан. Леша рассказал, что приехал в Москву после службы в армии. Отец и мать часто пишут письма, велят учиться на продавца или в крайнем случае на шофера, но он полюбил строительное дело и через четыре года обязательно станет техником. Тоска по родной деревне все чаще одолевает его, и все чаще снится изба и крыльцо, на котором в обеденное время всегда стоят куры и ждут, когда выйдет мать с миской... Потом они стали перебирать всех работников стройки, от начальника строительства до вахтера, и удивлялись тому, как одинаково оценивают людей.

Постепенно темнело. Длинные аллеи сада стали молчаливыми и безлюдными. Покойная тишина опустилась в Нескучный сад. Изредка с Москвы-реки прилетал ветер, и тогда на минуту закипали, как кипяток, березы, потом, раскачивая из стороны в сторону ветви, начинали скрипеть стволы сосен, и, наконец, с трудом разбуженные ели неохотно кивали своими тяжелыми лапами и снова погружались в дремоту. Казалось, что парк давно закрыт и в нем нет ни души.

— Давай сегодня гулять добела,— предложил Леша.

— Что ты, ведь завтра на работу, — сказала Валя и поцеловала его. — Посидим до одиннадцати. У нас еще есть время.

Действительно, к удивлению Леши, часы показывали еще только половину десятого.

3

Бригадир каменщиков Федор Федорович при закладке каждого нового здания тайком от начальника совал под первый камень фундамента двугривенный — на счастье, чтобы дом стоял долго и крепко. И если собрать все двугривенные, которые оставил старый мастер за свою длинную жизнь под московскими домами, получилась бы солидная сумма.

Уже много лет в бригаду Федора Федоровича начальство посылало зеленых ребят и девчат — бывших разнорабочих, потому что лучше его никто не мог внушать уважение к серьезному делу и передавать секреты хитроумного строительного искусства.

Был Федор Федорович человек строгий и в глубине души считал, что без него на стройке все пойдет прахом. В отличие от других бригадиров он терпеть не мог панибратства и, даже играя в шашки, держал себя так, чтобы ребята чувствовали, что такое настоящий мастер.

На стройку он приходил раньше всех, и задолго до начала работ на краю высокой стены можно было видеть сутуловатого строгого старика в выцветшей фуражке с карандашом за ухом.

Но в понедельник Лешка Пастухов пришел на работу раньше Федора Федоровича. Тот самый Лешка Пастухов, который почти всегда последним получал инструмент, в понедельник уже разбирал второй ряд карниза, когда на стремянке появился бригадир. Сперва Федор Федорович хотел похвалить Лешу, но, сообразив, что самовольная работа без наряда является не меньшим нарушением порядка, чем опоздание, нахмурился и, подойдя, спросил:

— Опять напортачил?

— Да разве я виноват? — весело сверкнув глазами, отвечал Леша.— Вы мне не сказали, что чертежи другие, вот я и выводил по-старому. Хочу разобрать побыстрей, чтобы вам не отвечать перед прорабом, чтобы не было конфуза первому бригадиру.

— Ты думай, о чем болтаешь, — перебил его Федор Федорович. — Кто знал, что ты в субботу до карниза доберешься? А за переделку не с тебя будет вычет, а в крайнем случае с меня... Прекрати работу, когда с тобой бригадир говорит! Если бы ты один был под моим наблюдением, я бы давно из тебя человека сделал. А у меня таких, как ты, ста-

хановцев полный комплект. Куда ни погляди — кругом беда.

— Да разве я не понимаю, Федор Федорович? — сказал Леша. — Вы ведь мне самое высшее образование дали...

— Куда уж выше! — возразил польщенный бригадир, но тут же подумал: «А он не насмехается надо мной?»

— У меня одна думка есть, — продолжал Леша. — Вы бы вот подсказали начальству...

— Что мне подсказывать? Я для тебя сам начальство.

— Это конечно. Так я вот что думаю: чем из простого кирпича фигуру выкладывать, лучше на заводе специальный фигурный кирпич для карниза формовать. Ведь не один такой дом нам с вами строить!

— Ты меня с собой не равняй. Мне-то строить не привыкать, а тебе еще ой-ой-ой...

— Да разве я равняю, что вы!.. Вас, глядика, сам главный инженер, и тот слушается...

«А ведь смеется, — подумал Федор Федорович, не понимая, что́ с субботнего вечера творится в лешиной душе, — безо всякой совести смеется...»

— Прекрати разговоры! — сказал он строго.

— Да я вам серьезно говорю...

Раздался частый стук каблучков по бетонной плите. Подошла Валя. Словно не замечая ее, Леша схватил ломик и принялся за работу, и Федор Федорович с удивлением заметил, как запылали его уши.

Но и тут Федор Федорович ничего не понял и ушел, обиженный человеческой неблагодарностью.

Только к вечеру у него отлегло от сердца, и он отправился в технический отдел заказывать чертежи фигурного кирпича. И пока их делали, он говорил Вале:

— Главное с ребятами что? Главное — правильный подход. Вон гляди, Лешка Пастухов как у меня выравнивается! А почему? Потому что правильный подход. Он и мастера уважает и дело начинает постигать...

Валя опускала голову над бумагами и улыбалась.

4

Между Лешей и Валей установились спокойные, прочные отношения. Они вместе ходили в кино, вместе уходили с работы. Леша ревниво ловил каждую фразу, случайно брошенную кем-нибудь из начальников по поводу Вали, а она стала часто говорить на диспетчерских пятиминутках о необеспеченности рабочих мест каменщиков; во время пятиминуток, которые обыкновенно затягивались на полчаса, Леша терпеливо ждал ее на ящике, возле конторы.

Друг без друга было им скучно. Они стали читать одни и те же книги, и хотя Леше казалось, что Валя перелистывает, не глядя, множество страниц, он старался угнаться за ней и к осени одолел несколько томов Тургенева, Бальзака и Драйзера — все, что Валя получала по подписке.

Но больше всего им нравилось попрежнему встречаться в Нескучном саду. Даже осенью, когда тихо шуршала холодная листва деревьев и скамейки становились мокрыми от росы, они до позднего вечера бродили по пустым аллеям, обходя черные, как вакса, следы высохших луж, и Леша, уже не споря, снисходительно выслушивал валины категорические фразы о том, что басы глупей теноров, что человек стоит столько, во сколько он сам себя ценит.

В октябре они отправились в Мосторг покупать Леше пальто; пальто оказалось дешевле, чем он предполагал, и на оставшиеся деньги Вале был куплен вязаный платок. На улицу они вышли в обновках.

День был пасмурный. Низкие тучи предвещали долгий, тягучий дождь. Посоветовавшись, они решили провести вечер у Вали.

— Только ко мне надо проходить тихо, — сказала она. — В соседней комнате живет старуха, такая кикимора! Терпеть не может, когда в квартире появляется посторонний мужчина. Боится, что обкрадут.

Валя жила на К-ской улице на пятом этаже большого старого дома. Парадный вход был широк и красив. Наверх вела холодная гулкая лестница. На каждом этаже было по три дубовые двери, курчавившиеся от отставшей масляной краски. За дверьми царила гробовая тишина, и Леша подумал, что люди, живущие в соседних квартирах этого дома, наверное, незнакомы друг с другом. На дверях виднелись списки жильцов и по нескольку кнопок электрических звонков; кое-где, впрочем, кнопки были оборваны, и о них напоминали только тонкие ниточки проводов с оголенными концами. Дом был запущен; как объяснила Валя, он подлежал сносу и на ремонт уже не отпускали денег.

Дойдя до своей квартиры, Валя порылась в сумочке и тихонько стала отпирать дверь сначала большим ключом, потом французским. Затем она взяла Лешу за руку и, не зажигая света, повела по темной передней. Он стукнулся о какую-то корзину, чертыхнулся и опять стукнулся.

— Тише, — сказала Валя.

Наконец она отперла висячий замок, зажгла свет, и Леша очутился в комнате, которая вначале показалась ему маленькой — так она была заставлена мебелью.

Возле двери стоял круглый стол, накрытый чем-то вроде ковра. На самой середине его белела фарфоровая статуэтка амура. Амур сидел, приложив палец к губам, и словно предупреждал, чтобы вели себя тише. В дальнем углу, на этажерке, блестели знакомые переплеты Бальзака, Драйзера, Тургенева. У стены находился широкий комод без ручек, а напротив — гардероб, в котором висело так много одежды, что дверца не затворялась. За гардеробом виднелась узкая постель, и подушка на ней не лежала, а стояла углом кверху.

Но больше всего места в комнате занимал рояль — огромный рояль с черной полированной крышкой, в которой отчетливо, словно в стоячей воде, отражались расставленные на нем фарфоровые статуэтки, баночки и пустые флаконы. Рояль стоял неуклюже, почти посреди комнаты, словно гость, только что попавший к незнакомым людям и не знающий, что ему делать.

— Садись. Сейчас я сварю кофе, — сказала Валя.

Она открыла дверцу гардероба и, скрывшись за ней, как за ширмой, зашелестела платьем. Леша тронул амура, но фарфоровая головка упала и покатилась по столу.

— Я твоему голышу голову, кажется, оторвал, — сказал он.

— Ты там, пожалуйста, ничего не трогай, — донеслось из-за дверцы. — А голова у него давно отбита.

Леша огляделся по сторонам. Тишина пустой квартиры угнетающе действовала на привыкшего к веселому шуму общежития парня.

Вскоре появилась Валя в ярком цветастом халате.

— Сыграй что-нибудь, — попросил он, кивнув на рояль.

— Я не умею.

— А вот рояль?

— Это мамин рояль.

— Я бы на твоем месте учился.

— Зачем?

— Как же! Такая бандура в доме.

— Музыкантом, Леша, имеет смысл быть только гениальным. А из меня гения не выйдет. У меня плохой слух.

— Зачем же тебе рояль?

— Вот глупый! Посмотри, какой инструмент. Это же Беккер! Настоящий Беккер! Иди, иди посмотри!

Она подняла крышку; на внутренней стороне блеснули латинские буквы.

Леша посмотрел на них, тронул желтую, как нечищенный зуб, клавишу. Раздался жалобный, дребезжащий звук.

— Законный инструмент, — сказал Леша.

— Он сейчас расстроен... А если позвать настройщика...

В это время в передней раздался пронзительный хруст, будто кому-то ломали кости.

— Что это? — вздрогнул Леша.

— Кикимора, — тихо проговорила Валя. — Давит дверью грецкие орехи. Так каждый день.

— Есть тут у вас кто-нибудь, кроме нее? — спросил Леша.

— Есть изыскатели — муж и жена. Занимают две комнаты, но почти не живут. Все время в командировках. Хорошие люди. А кроме них, я и кикимора. Иногда страшно здесь с ней...

— Какая ты все-таки худенькая, — сказал Леша, обнимая ее.

— Да, Леша, худею. Надоело на поясах пуговицу перешивать.

— Потому и худеешь, что всю свою получку на тряпки переводишь.

— Пожалуй. За лето я задолжала портнихе кучу денег. Но что поделаешь!.. Девушка в первую очередь должна прилично одеваться.

— Подумаешь, беда!

— Конечно, беда.

— А ты рояль продай.

— Не говори глупостей!

— А что?

— Ведь это не босоножки какие-нибудь. Ведь это Беккер!

— Ну и что ж, что Беккер?

— Ты понимаешь, что такое беккеровский рояль?

— Но тебе-то он зачем?

— Как зачем? Ведь это же все-таки рояль...

За дверью снова раздался хруст. Они перестали спорить, попили кофе, и Леша пошел домой. На душе его было смутно. Было жалко Валю, жалко безработный рояль и почему-то жалко себя.

Наступила зима. Парк давно закрыли.

Украдкой пробираться в валину комнату казалось неудобным им обоим, и они встречались реже, хотя с каждой неделей становились дороже и нужней друг другу.

Но все-таки изредка Леша заходил на К-скую улицу. Они вместе пили кофе, беседовали, вместе молчали, а когда молчание становилось слишком длительным, Валя обращалась со своей обычной просьбой:

— Скажи мне что-нибудь?

И Леша говорил, как скучает о ней вечерами.

Однажды он задержался у нее позже обычного. Валя спохватилась первая — была полночь. Они на цыпочках прошли по темной передней, откинули крюки, бесшумно поцеловались на пороге. И сразу же, как только за ним щелкнул замок, Леша услышал доносившийся из передней старушечий голос. Старуха кричала на Валю. Она кричала, что не допустит безобразий в коммунальной квартире, что у нее на сохранении чужие вещи, что завтра же она напишет заявление управдому, а если управдом не примет меры, то пойдет в милицию.

Валя что-то робко отвечала, но что именно, не было слышно.

Лешу взорвало.

Он стал колотить в дверь кулаками, но голоса смолкли, и ему никто не открыл. Подождав минут пять, он позвонил в валин звонок. Она не вышла. Наверное, заперлась в комнате и плачет, уткнувшись в подушку.

Расстроенный и злой, вышел Леша на заснеженную улицу.

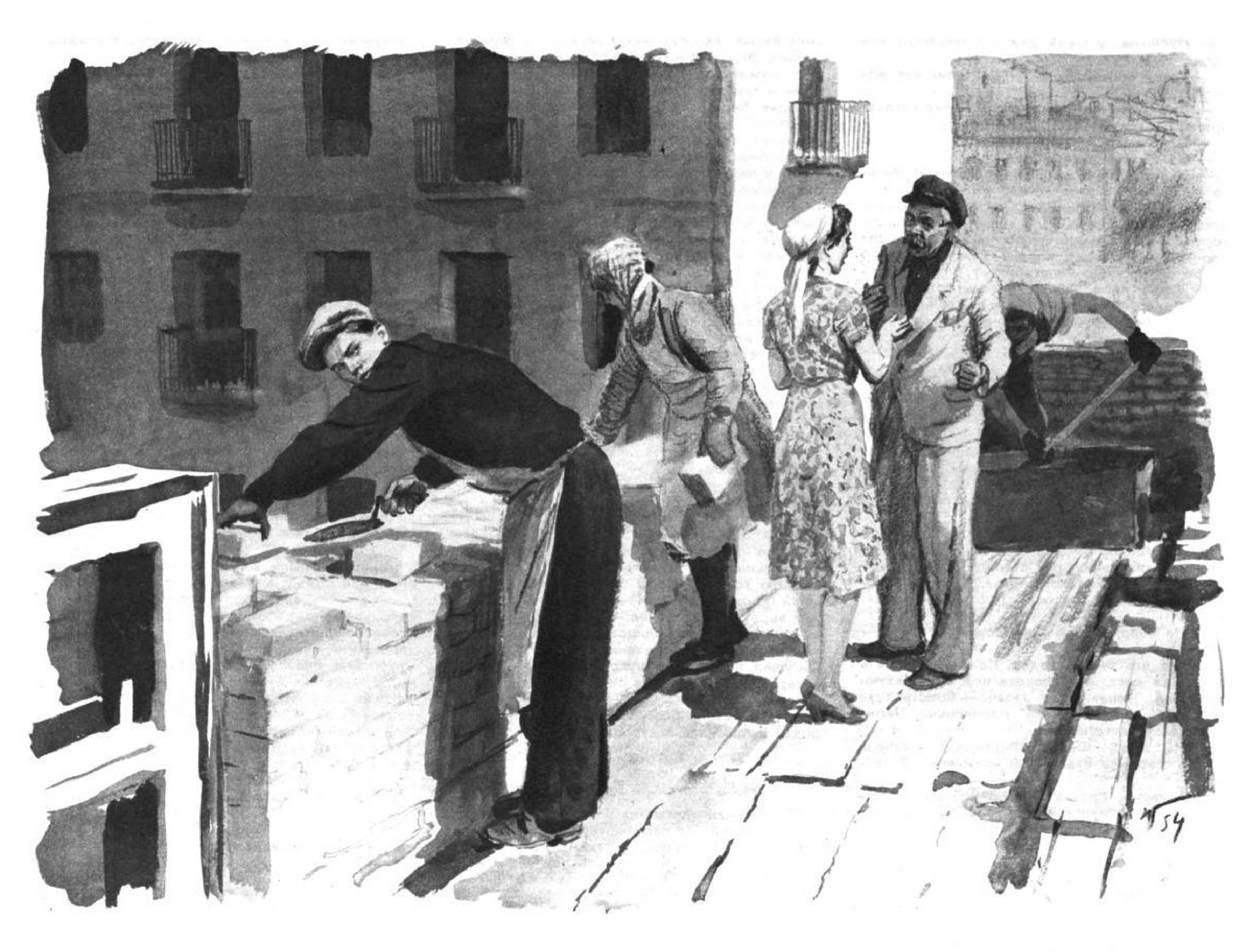
«Неладное дело, — подумал он, — подвел дивчину под монастырь... Другой бы, самостоятельный парень, давно определился так или этак, а я хожу к ней с самого лета и тяну мочалу. На цыпочках по ночам из комнаты выходить — на любую дивчину можно тень навести. Моя-то еще терпеливая. Молчит, вполне понятно. Ждет, как ей и положено. А я только кофий пью».

Ему вспомнилось и задумчивое молчание Вали, и ее ожидающий взгляд, и грустный вопрос: «Скажи мне что-нибудь?»

— А я кофий пью! — с досадой повторил Леша, и какой-то прохожий испуганно оглянулся на него.

В метро и по пути домой с трезвой крестьянской обстоятельностью Леша обдумывал, имеет ли он право в данный момент менять свою и валину жизнь и что произойдет после такой перемены, хватит ли средств растить ребенка, не помешает ли ребенок Вале работать, найдет ли Леша среди семейных хлопот время для техникума. Все как будто получалось: на техника учиться легче, если Валя будет каждый день рядышком, заработок у него стал больше, и денег хватит, даже если придется выписать на время маму к ребенку... Только сына надо бы назвать не Русланом, а как-нибудь попроще, а то его в школе ребята дразнить станут.

«Ну, об этом-то мы договоримся», — успокоил себя Леша и решил возможно быстрей расписаться с Валей.

5

С самого утра в общежитии стало известно, что Лешка Пастухов из шестнадцатой комнаты сегодня идет жениться. Эта новость ни на кого не произвела особенного впечатления — такие события довольно часто случались в огромном доме, сверху донизу заселенном молодежью. Только один из жителей шестнадцатой комнаты, Епифанов, сказал другому жителю, Фролову, что переселится на лешкину койку, но Фролов предупредил, что сам второй год метит на койку возле батареи и никому без боя ее не уступит. Да еще комендант спросил Лешу, казенная у него подушка или своя, и потыкал ее указательным пальцем.

К удивлению Леши оказалось, что все знали не только о том, что он ухаживает за Валей, но и о том, что он ходит к ней на квартиру. Это его покоробило, однако он в охотку поработал весь день и часов в восемь вечера поехал к своей невесте.

Она встретила его радостно и зажгла свет в прихожей.

— Как хорошо, что ты пришел!.. — быстро заговорила она, расставляя на столе чашки.— Я вчера так за тебя волновалась...

— Знаешь что, Валя, — сказал Леша, — нам надо жениться.

Она промолчала.

— Ты слышишь меня? — спросил он.

— Слышу.

— Ну и что?

— Ты это серьезно?

— Конечно, не для смеха. Хватит нам так ходить. А то вон и старуха разоряется...

— Это ты про кикимору? Не беспокойся, с ней все улажено. Как только узнала, что мы работаем вместе, совершенно успокоилась. Вообще она не такой уж плохой человек. Просто — несчастная, выжившая из ума старуха. Ну, немного одичала от одиночества. У нее, знаешь, Леша, есть кошка, такая противная кошка, совсем даже не породистая. Так она из-за этой кошки каждое утро ходит на базар за мясом и готовит котлетки, по всем правилам...

— Погоди, погоди, — перебил ее Леша. — Ты что, не хочешь?

— Чего не хочу?

— Ну, жениться...

— Разве тебе без этого не хватает хлопот?

— Ты за мои хлопоты не беспокойся. Я хлопот не боюсь. Ты любишь меня?

— Очень.

— Ну и все. Завтра пойдем расписываться.

— Что у тебя, Лешенька, за мысли? Если ты насчет старухи, так я тебе сказала, что с ней все в порядке. И орехи она не станет колоть дверью. Ты знаешь, оказывается, ей кто-то сказал, что от грецких орехов проходит ревматизм. А как выяснилось, еще неизвестно, ревматизм у нее или просто...

— Ты не крути вокруг старухи. Ты напрямик говори: пойдешь за меня или нет?

— Зачем?

— Как зачем?

— Разве так тебе плохо со мной?

— Тебе что...— Леша немного растерялся.— Может, у меня образования для тебя мало?

— Да что ты! Главное в человеке — душа, а потом образование.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, Лешенька, что любовь — одно, а семейная жизнь — совсем другое... Поцелуй меня... Ну вот... Ты еще глупенький и не понимаешь этого. Потом ты же собираешься учиться. Нам еще рано затевать эту историю. Сейчас будем пить кофе.

— Смотри, — криво усмехнулся Леша. — Долго ждать будешь, на другой женюсь.

— И женись. Я буду очень рада за тебя. И мы навсегда останемся друзьями, правда? Ты куда, Леша?

Он быстро прошел переднюю, выскочил на лестницу и, сбежав на две площадки вниз, остановился. Валя звала его сверху. Потом дверь захлопнулась, и все стихло.

Он стоял, глядя на цветные, мутные стекла, до тех пор, пока на лестнице не послышались шаги. Румяный мальчишка на коньках-снегурочках поднимался наверх. Леша сделал равнодушное лицо и вышел на улицу. И долго еще, до самого общежития, в ушах его отдавался стук коньков о ступени — резкий стук стали о камень, навязчивый и неприятный.

6

Для Леши наступили трудные дни. С Валей он перестал здороваться, а когда она делала какие-нибудь замечания по работе, насмешливо улыбался и, глядя на нее в упор, говорил: «Слушаюсь, товарищ начальник». Доходили слухи, что она иногда плачет у себя в отделе. Ребята жалели Валю, винили во всем Лешу, и он с каждым днем все отчетливей чувствовал возникшую вокруг него холодную недоброжелательность. Даже молоденькие ребята, недавние ремесленники Фролов и Епифанов, осуждали его и вечерами стали отдельно пить чай и отдельно ужинать. Только Федор Федорович попрежнему играл с Лешей в шашки, всем своим поведением показывая, что личные дела его не касаются, и Леше казалось, что бригадир один чувствует правду.

Однажды подошла Валя и сказала:

— Пастухов, у меня для вас приятная новость.
— Какая может быть у вас приятная новость?
— Вам дают премию. В отделе уже готовят приказ.
— За что это мне премию?
— За ваше предложение.
— Никаких я не делал предложений! Ничего не было.
— Как не было? — Валя несколько смешалась и покраснела. — А ваше рационализаторское предложение — фигурный кирпич для карниза? На заводе кирпич уже освоили, и скоро он поступит на стройку.
— Давно пора. А кто им сказал про это?
— Федор Федорович. А я выполнила чертежи и подготовила техническую документацию.
— А, вы вычертили?
— Я.
— И документацию подготовили?
— Ну, не всю, конечно...
— Так вот, передайте там по начальству, чтобы вам и записали премию. А я не возьму.
— Что ты такое говоришь, Леша?
— Не возьму, понятно? Я человек технически неграмотный, понятно? И так обойдусь, ясно? — И, отвернувшись, он стал продолжать работу.

Как только Валя отошла, ее долго в чем-то убеждал Федор Федорович. И до Леши доносились обрывки фраз старого бригадира:
— Он не имеет такого права... Я через местком поставлю вопрос... Пускай разъяснят ему...
— Не надо, Федор Федорович, не надо, — перебивала его Валя.
— Как это так не надо!.. Коллектив тебя в обиду не даст. За человека все мы обязаны бороться... Такая наша задача — бороться за человека... Он еще не пропащий... Через профсоюз заставим...
— Не надо, Федор Федорович, — сквозь слезы говорила Валя. — Вы извините... Я пойду...
«И старик против меня... — Леша вздохнул. — Тоже сунулся не в свое дело. Тоже: «Вопрос поставлю...» Ну и черт с ними!»
Федор Федорович подошел к нему и остановился сзади. «Сейчас к чему-нибудь придерется», — подумал Леша со злобой.
— Пастухов, — сказал строго Федор Федорович.
— Ну, я Пастухов.
— Не нукай, когда с тобой говорит бригадир! Это что у тебя за раствор — один песок?
— Не я его делаю.
— А ты что, не понимаешь, что кладка будет неполноценная?
— Комиссия примет.
— Комиссия примет, а после комиссии как людям жить?
— А мне что? Мне здесь квартиру не дадут.
— Вот ты какой! А ну, пойди-ка сюда!
Леша криво усмехнулся и подошел.
— Садись-ка.
Леша сел.
— Я тебя по-хорошему спросить хочу... Парень ты с головой, душевный, не какой-нибудь там отпетый пустосвят. А то бы я и времени не стал терять. Вот я и хочу тебя спросить: где ты потерялся?
— А пусть не лезут в чужие дела, Федор Федорович!
— Вот и не сознаешь. Какие чужие дела? Если бы она нам чужая была, другой вопрос. А она нам разве чужая? Она второй год с нами работает. Своя она нам всем, Леша. Мы ведь все знаем: гулял ты с ней серьезно, сознательно. И вот подошла такая точка, что надо тебе на ней жениться. И чего ты думаешь, я удивляюсь. Девчонка ученая, умная. Ну, поругались — с кем не бывает, — так надо и помириться. Женись — вот мой совет как бригадира. Конечно, если ты без совести...
— Какой есть, — сказал Леша. — Пока молодой, может, и без совести. Вырасту побольше, другой буду.
— А состаришься, — третий?
— Состарюсь, мне все равно, какой.
— Вот и опять ты не так сам себя сознаешь. Один человек в трех лицах не бывает. Ты Волгу видал? Ну вот, не видал. А я ее, матушку, сколько раз сверху донизу изъездил! И вот поглядел на нее, на Волгу. Сперва и реки-то вроде никакой нет. Ручеек маленький из родника бежит, лепечет, как младенец, и больше ничего. Это, считай, детство. Бежит Волга, бежит, мужает, становится что ни дальше, то шире и глубже; такая река становится — в половодье берега не держат. И начинает она работать: пароходы несет, баржи, турбины ворочает. Теперь гляди дальше: за Астраханью поослабла она, песку понанесла, и течения у ней того нету и глубины нет. Обросла она камышом да осокой — состарилась. И вот, Леша, поехал я раз на ерики уток бить. Вечер был тихий такой, вода от заката вишневая. Зачерпнул я горстку воды, поглядел в нее да подумал: в этой горстке и от ручейка-младенца капелька есть. Хоть капелька, а есть. И от той буйной струи, которая турбину ворочала, тоже есть капля. А то и побольше. Вот так вот и человек. Какой он ни на есть старый, а душа у него образуется с самого глупого младенчества, накапливается она у него... Сижу я, Леша, как сейчас помню, думаю об этом, а Волга течет, красавица, притихшая, смирная, ровно понимает, что там, за плавнями, свершается великое таинство — соединяется она с морем и пропадает в нем...
— Значит, течет Волга, Федор Федорович? — спросил Леша.
— Течет, — машинально ответил бригадир.
— Ну вот. А работа у меня стоит.
— Сезонник ты, и больше ты никто! — огорченно сказал Федор Федорович, поднимаясь с места. «Сезонник» у него было слово самое ругательное. — Нагнали вас сюда, недоумков, на мою голову! Чтобы завтра духу твоего в моей бригаде не было! — Он пошел было, потом вернулся и добавил: — Не выйдет из тебя ни каменщика, ни облицовщика, а останешься ты как есть темный сезонник, дурак глупый. — Он ушел, но снова вернулся и сказал: — Делай теперь, что хочешь, не подойду, хоть ты тут об стену разбейся...

И, совершенно расстроенный, Федор Федорович отправился в курилку.

7

Леша лежал одетый на койке и писал родителям письмо. За столом ужинали Фролов и Епифанов. Был вечер. На улице разыгралась метель. С усталым, замирающим свистом вдоль дороги клубился сухой снежный дым, и что-то скрипело, и качались фонари, и казалось, что на улице бушует огромный белый костер. Плач метели угнетающе действовал на Лешу, и письмо получилось печальным и тягучим. Он писал, что на работе все попрежнему, что учиться он еще не начинал, что на будущую весну, так же как в эту, приедет в отпуск пособить по хозяйству и, может быть, останется в колхозе насовсем. И жизнь у него идет попрежнему, и нового ничего нет.

В дверь постучали. Фролов и Епифанов крикнули: «Можно!» Вошла Валя в мокрой шубке, в шляпке, словно вылепленной из снега, и остановилась у порога. Некоторое время все молча смотрели на нее. Наконец Леша сел и сказал удивленно:
— Здравствуйте.
Фролов кивнул головой Епифанову, и они вышли, забрав свои булки.
— Не ожидал? — спросила Валя.
— Конечно. Нашла время, в такую погоду! Вешай шубу — вон там, за шкафом, гвоздик.
Они сели за стол.
— Что поделываешь? — спросил Леша.
— Ничего. Один раз в театре была. Смотрела «Не называя фамилий».
— С кем?
— Одна. Жалко, что тебя не было. Ты умеешь громко хлопать.
Оба замолчали, потом Валя сказала тихо:
— Я пришла серьезно поговорить с тобой, Леша.
— Мы, я думаю, уже договорились.
— Нет, я тогда тебе не решилась сказать всего. И ты как-то странно понял мой отказ. Из-за этого и на работе глупые разговоры.
— Не я виноват в этих разговорах.
— Да, наверное, виновата я. И я хочу тебе объяснить.
— Ну, давай, давай, — хмуро сказал Леша, как всегда ощущая себя в ее присутствии сильным мужчиной и чувствуя, что эта девушка попрежнему дорога ему и необходима.
— Пойми, Леша, что у нас с тобой впереди еще много лет жизни. Мы с тобой еще и до середины не дожили. Ты свою жизнь сможешь построить так, как тебе понравится, по твоему вкусу. А мое будущее во многом зависит от того, что у меня будет за муж. Ты можешь жениться на ком хочешь — ни одна женщина не изменит твою судьбу. А мне уж выходить замуж — то за человека, который потянется вперед и потянет меня вперед и выше.
— Друг друга надо тянуть, — вставил Леша, — у нас равноправие.
— Нет, Леша. Каков муж, так и сложится жизнь. Да я и не хочу быть с мужем равноправной. Я хочу подчиняться ему.
— Зачем?
— Так мне легче.
— А я, значит, тебя не потяну?
— Нет, Леша. У тебя все как-то установилось. Тебе бы кирпичи класть, и, кроме койки да тумбочки, тебе не надо ничего. Ты как тяжелый камень; у меня не хватит сил сдвинуть тебя с места. А мне самой кто-то должен помогать двигаться.
— Куда же тебе двигаться?
— Ну, хорошо, я скажу проще. Мне надо, чтобы мой муж стремился жить лучше и красивей, чтобы он чувствовал радость от каждой новой вещи в доме, чтобы, кроме работы, у него была какая-нибудь мечта, чтобы для него одна комната, например, казалась чем-то ненормальным, временным, неестественным...
— Значит, тебе надо двухкомнатного мужа?
— Не смейся. Я говорю совершенно серьезно. Когда были живы папа и мама, у нас были две комнаты. У нас было тепло, уютно, и к нам любили ходить гости. Отец брал сверхурочную работу, чтобы еще лучше обставить наше гнездышко. И у него была мечта: купить маме рояль... Разве в этом было что-нибудь плохое? Мама прекрасно играла, а инструмента не было. Папа работал, как вол, на двух службах, работал день и ночь, и, наконец, Леша, мы купили рояль... Я была тогда еще девочкой, но помню этот день так, как будто видела его недавно в цветном кинофильме... Мама надела лучшее свое платье и села играть... Сначала она сыграла элегию Масснэ...
— Знаешь, что я тебе скажу? Тебя обстановка придавила. Рояль придавил. Ты не для себя, а для своего Беккера мужа подбираешь.
Валя подумала и сказала:
— Может быть.
— А как же насчет любви?
— Об этом не надо думать, Леша. Все это случится, наверное, нескоро. До того нескоро, что любовь для меня станет необязательным приложением.
Леша отошел к окну и долго смотрел, как визжит и беснуется метель.
— Зачем же ты пришла ко мне? — спросил он.
Валя молчала, опустив голову.
— Значит, так: пока настоящего мужа не нашла, желаешь со мной время провести?
— Не говори так... Пока я люблю...
— За что?
— Откуда же я знаю, Леша, за что? Может быть, именно за то, что тебе ничего, ничего не надо, кроме койки и тумбочки? И у меня сейчас только одно желание: чтобы мы помирились...
Леша все смотрел в окно, и в голове его метались быстрые, как метель, обрывки мыслей. То вдруг снег представлялся ему облаками, и внизу над облаками темнели дома, и над домами раздавался голос: «боритесь за человека», — то в звуках метели слышались ему гудки пароходов и мерещилась длинная спокойная река, то возникал в ушах дребезжащий звук расстроенного рояля, и он понимал, что все это было очень важно, но никак не мог сообразить, почему «боритесь за человека», почему спокойная река, почему рояль, — и мучительно старался свести в уме эти обрывки в одну, очень нужную ему мысль. И только для того, чтобы Валя ушла, он ответил ей:
— Ладно. Давай мириться.

8

Леша пришел в субботу вечером. Обрадованная Валя принялась накрывать на стол и забрасывать его вопросами. Но разговор не клеился. Леша был возбужден, решителен и часто поглядывал на часы.

— Ты спешишь куда-нибудь? — спрашивала Валя.

Он не отвечал. Какое-то резкое, даже жестокое выражение застыло на его лице. Примерно в половине девятого позвонили.

— Это ко мне,— сказал Леша и пошел открывать.

Вернулся он с двумя незнакомыми людьми — мужчиной и женщиной. Мужчина был пожилой, очень вежливый, похожий на врача или профессора.

— Разрешите посмотреть инструмент? — спросил он.

Ничего не соображая, Валя растерянно кивнула головой. С помощью Леши незнакомые посетители сняли с крышки рояля статуэтки, баночки и флаконы, и женщина взяла несколько аккордов.

— Он же совсем расстроен,— сказала она.

Мужчина стоял и думал, словно врач у постели больного.

Валя отвела Лешу в угол и спросила шепотом:

— Кто это?

— А я почем знаю? Покупатели.

— Как они сюда попали?

— Обыкновенно. По объявлению: «Продается рояль системы «Беккер». Ты не беспокойся, адрес и все я написал честь-честью. «Звонить два раза. Смотреть с 8 до 12 вечера».

— Где ты его повесил?

— Я не знаю, где вешали. Семнадцать бланков заполнил. Велел по всей Москве налепить...

Посовещавшись с женой, мужчина попросил хозяина.

— Иди! — строго сказал Леша.

— Никуда я не пойду,— зашептала Валя.— Ты заварил кашу, ты и расхлебывай.

— Иди... Неудобно ведь...

— А мне что...

— Сколько вы хотите за инструмент? — спросил мужчина. Валя не отвечала. Возникло неловкое молчание.

— Ну? — сказал Леша угрожающе.

Валя дернула плечами.

Леша вздохнул, подошел к роялю, посмотрел на него, словно оценивая, и решительно произнес:

— Тыщу дадите?

Супруги переглянулись.

— Простите, это ваш инструмент? — мягко спросил мужчина.

— Нет, вон ее... — ответил Леша, поняв, что назвал какую-то неправильную цену, то ли слишком маленькую, то ли слишком большую.— Она продает.

— Я ничего не знаю... — вдруг сказала Валя.— Я рояль не продаю... А он пусть как хочет.

— Странно, — произнес мужчина.

Снова раздался звонок. Леша пошел в переднюю и явился с каким-то маленьким небритым типом. Не поздоровавшись, вошедший бросил пальто на стул, подошел к роялю и сразу снял крышку и пюпитр.

— Ты, друг, легче,— сказал Леша, несколько испугавшись.

— Так, так, полировочка облезла...— радостно забормотал маленький посетитель, не обращая ни на кого внимания.— Пожил старик, пожил... в сырости пожил... И басы глуховаты. Молоточек верхнего «ля бемоль» поистерся... Отжил, отжил старик... Ему не вальсы играть, а о спасении души думать...

И, бормоча что-то по поводу колышков, деки, полировки, маленький посетитель достал из кармана ключ, похожий на те, что носят железнодорожные проводники, и стал подвинчивать струну, часто стуча по клавише пальцем с грязным ногтем.

— За сколько отдаете старика? — внезапно спросил он.— Пожил старик, пожил...

— Неправда,— обиженно возразила Валя,— это очень хороший рояль.

— Был хороший, барышня... Был... А сейчас состарился... Молоточек верхнего «ля бемоль» менять придется.

— Где тут «бемоль»? — спросил Леша, заглядывая внутрь рояля.

— И дека треснута, барышня... — не обращая на него внимания, говорил маленький человек.— И басы глуховаты.

— Неправда, неправда,— говорила Валя.— Это почти новый рояль... И вообще он уже продан...

Пожилой мужчина с женой ушли, вежливо попрощавшись, но видно было, что они очень недовольны потерянным временем. А небритый человек долго еще возился около рояля, спрашивал, кому он продан, за сколько, получен ли задаток. Ничего не добившись, он предложил, наконец, настроить рояль за двести рублей.

— Я сам настрою,— сказал Леша.— А ты, друг, поставь крышку на место, как она была, и давай отсюда.

После того, как удалось выпроводить надоедливого посетителя, Валя спросила:

— Зачем ты дал объявление?

— Потому что ты не с того бока жить начинаешь! — резко ответил Леша.

— Это особый вопрос. А рояля я не продам! Я тебе серьезно говорю.

— Да его никто не купит. Не беспокойся. Я думал, и правда ценная вещь, а оказалось утиль.

— Конечно, утиль! — возмутилась Валя.— Много ты понимаешь!

— Ясно. Лопнуло в нем что-то.

— И ничего не лопнуло. Знающие люди еще как купят.

— Никто не купит. Глухой инструмент.

— Сам ты глухой!

Они поругались бы, но им мешали люди. Покупатели шли беспрерывно, по одному, по двое, по трое, следили в комнате, несли холод. Удивленная непонятным нашествием, соседка высовывалась из своих дверей, ворчала и грозила написать заявление управдому. Когда выяснилось, что объявление будет висеть целую неделю, Валя совсем упала духом. Наконец она догадалась прикрепить на входной двери бумажку: «Прошу не беспокоить. Рояль продан», — и поток посетителей прекратился.

Однако, как только они сели за ужин, снова раздался звонок. Валя пошла открывать и вернулась с худенькой стройной старушкой. У старушки было приятное, гладкое лицо и белые, как стеклянная вата, волосы.

— Вы извините,— улыбаясь, объяснила она Леше.— С разрешения вашей супруги я немного передохну. Мне уже трудно забираться на пятый этаж.

— Пожалуйста,— сказал Леша, польщенный, что его считают валиным мужем.

— Какая прелесть! — воскликнула старушка, увидев рояль. Она подошла к нему, села на самый краешек стула, сделала торжественное лицо и, с удивительной для ее сухоньких рук силой ударив по клавишам, сыграла какой-то быстрый музыкальный отрывок.

— Волшебный инструмент, — проговорила она, медленно, как в воде, поднимая руки.

— Ну вот,— заметила Валя удовлетворенно,— а он говорит, глухой звук.

— Волшебный инструмент, дитя мое, поверьте мне... Просто он у вас запущен. Так относиться к инструменту — святотатство, дитя мое. Его надо почистить, настроить.

— Кто купит, тот и настроит,— сказал Леша.

— Жаль, если этот рояль попадет в плохие руки. Кому вы его продали?

— Мы еще не продали,— сказал Леша.

— А как же записка?

— Это так просто. А то ходят весь вечер. Надоело.

— К сожалению, и я не смогу взять его у вас. Мне надо что-нибудь попроще. Придется поискать в других местах. Мое старенькое пианино совсем разваливается, а без инструмента мне нельзя. Я даю уроки музыки.

— Моя мама тоже давала уроки музыки,— сказала Валя задумчиво.

— Значит, вы понимаете, дитя мое; будут играть малыши... И потом, потом,— старушка несколько смешалась,— это очень дорогой инструмент. Я не смогу собрать и половины суммы.

Она попрощалась и вышла.

— А ей бы я продал,— сказал Леша.— Продал бы за столько, сколько у нее есть.

— Делай, как хочешь,— проговорила Валя.

— Продадим?

— Я тебе сказала: делай, как хочешь.

Леша побежал на площадку и закричал на всю лестницу:

— Бабушка!

Через два дня рояль перенесли к старушке. Половину суммы она дала сразу, а другую половину обязалась выплатить в течение года. Расписки с нее не взяли.

9

Прошел год. Леша и Валя давно живут вместе. Их просторная комната завалена учебниками и чертежами. Они любят принимать гостей и живут дружно и мирно. Только иногда, когда приходят к ним Фролов и Епифанов и Леша, посмеиваясь, спрашивает Валю, не купить ли им рояль, она вспыхивает и прерывает его всегда одной и той же фразой:

— Прошу тебя прекратить это! Я говорю совершенно серьезно!

Они попрежнему работают вместе, и Федор Федорович, играя с Лешей в шашки, любит хвастать, как в его бригаде выравниваются люди и какой у него правильный к человеку подход.

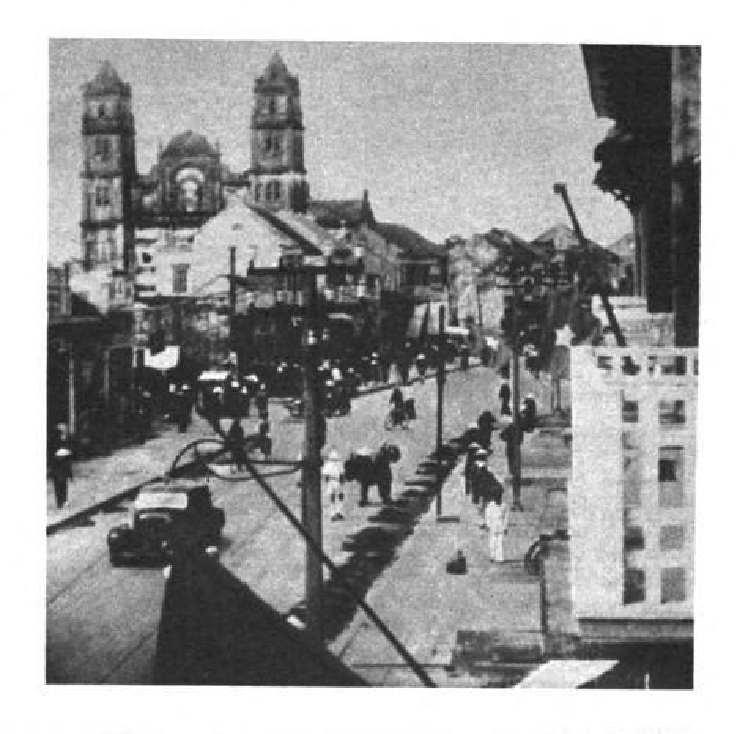

В ОСВОБОЖДЕННЫХ *городах Вьетнама*

Десятого октября 1954 года. Части Народной армии Демократической Республики Вьетнам вступают в Ханой. Население восторженно приветствует воинов. (Верхний снимок).

Справа — Освобожденный город Бак-Нинь. Здесь установилась нормальная мирная жизнь.

Внизу — Ханой празднует свое освобождение. На каждом доме — алый флаг с золотой звездой — символ освобождения вьетнамского народа. В самых многолюдных местах — машины с громкоговорителями. Радио передает правительственные сообщения.

М. Б. Греков (1882—1934). ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934 год. Государственная Третьяковская галерея.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ БАТАЛИСТ

Неудержимо несется тачанка. Кажется, нет такой силы, которая могла бы ее остановить...

Миллионам советских людей запомнилась эта полная драматического напряжения картина «Тачанка», в которой художник-баталист М. Б. Греков воспел пафос героизма гражданской войны.

Прекрасный живописец, М. Б. Греков все свое творчество посвятил Советской Армии, с которой связал и свою жизнь. Вступив добровольцем в Красную Армию, он становится активным участником событий, вошедших яркими страницами в историю нашей Родины.

Вырос Греков в казацкой семье на хуторе Шарпаевке, Яновской волости, области Войска Донского. С детства полюбил он трудовой народ деревни и широко разметавшиеся донские просторы.

В Одесской школе живописи, затем в Академии художеств, где М. Б. Греков учился у И. Е. Репина, Ф. А. Рубо, он приобрел хорошую технику, овладел мастерством рисунка и живописи. Талант художника по-настоящему раскрылся и засверкал лишь в последние 10—15 лет его жизни, когда Великая Октябрьская революция прочно и навсегда связала М. Б. Грекова с делом народа, с героической борьбой народа за строительство социализма. Вдохновленный подвигами легендарной Первой Конной армии, художник запечатлел в своих ярких произведениях многие эпизоды из жизни ее воинов.

С каким жизнеутверждением написана картина «Трубачи Первой Конной армии»! В простой композиции художник создает ощущение силы и монолитности советских бойцов. Сочный колорит — развевающееся красное знамя, медный блеск труб, зеленая степь и небо с облаками, пронизанными солнцем,— наполняет картину оптимизмом, и кажется, слышишь звуки победного марша, лихо исполняемого трубачами Первой Конной.

Обладая высоким даром композиции, Греков прекрасно умел решать массовые сцены. Во всех многофигурных композициях он всегда видел и изображал конкретные образы, определенные характеры.

В небольшой картине «В отряд к Буденному» (1923 год) художник убедительно показывает, как великая идея защиты Родины овладевала массами. По широкой степи спокойно, не торопясь, направляется в отряд к Буденному всадник со своей винтовкой и еще одним конем.

Небольшие хутора, цветущие сады, раскаленные солнцем степи, склонившийся к воде краснотал, небо, то белесое, затянутое маревом в жаркие дни, то низкое, темносинее в морозные ночи,— все это великолепно написано в пейзажах Грекова, которые всегда дополняют образы его произведений, усиливают общее впечатление от картины.

Как мирно светятся окошки во всех домиках станицы («На другой день в станице Платовской»), где еще вчера шел жестокий бой! Рано вечереет зимой. Кавалеристы расположились на отдых. Но лошади не расседланы, и по первой же тревоге бойцы во весь опор ринутся в бой.

«Жизнь предъявляет большое требование к живописи. Искусство наших дней — это не антикварная вещь в коллекции мецената, как было до революции,— писал М. Б. Греков,— ...я принадлежу к сторонникам защиты в искусстве мастерства и знаний...»

М. Б. Греков умер 20 лет назад. Он мечтал о создании новой, советской художественной школы. И в память о нем такая школа организована. Это студия военных художников имени М. Б. Грекова при Главном Политуправлении Советской Армии. Талантливый коллектив советских баталистов с честью продолжает большое дело, начатое первым советским баталистом.

Н. СВЕТЛОВА

М. Б. Греков. ТАЧАНКА. 1925 год.

Государственная Третьяковская галерея.

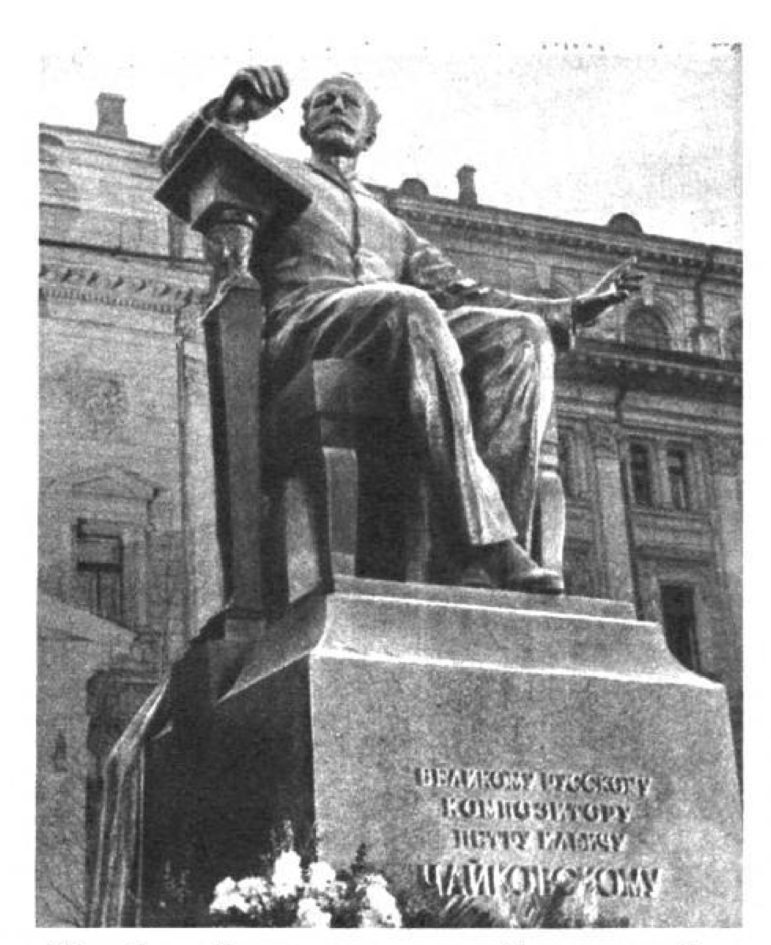
М. Б. Греков. В ОТРЯД К БУДЕННОМУ. 1923 год.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Б. Греков. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ В СТАНИЦЕ ПЛАТОВСКОЙ. 1934 год.

Государственный музей латышского и русского искусства.

15 ноября в Москве, около здания Государственной консерватории, состоялось торжественное открытие памятника великому русскому композитору Петру Ильичу Чайковскому. Памятник сооружен по проекту скульптора В. И. Мухиной.

Фото Г. Санько.

В Артиллерийском музее

Старинное, обнесенное земляным валом и рвом, подковообразное здание кронверка в Петропавловской крепости. Ныне здесь размещается Артиллерийский исторический музей.

Ходишь по его залам — и точно переворачиваешь яркие страницы истории отечественной артиллерии. Тут можно увидеть первое в мире скорострельное орудие, горные пушки, полевые мортиры на колесных лафетах, образцы магазинных винтовок, созданных талантливыми русскими умельцами и изобретателями.

В музее накануне Дня артиллерии появились сотни новых экспонатов. Огромная крепостная мортира образца 1867 года. Ствол ее весит свыше 300 пудов. Отливали мортиру знаменитые пермские пушкари. Полвека назад она била по врагам с Электрического утеса Порт-Артура. На дощечке лаконичная надпись: «Отбита у японцев моряками Тихоокеанского флота в 1945 году при взятии Порт-Артура».

В пяти огромных залах размещены экспонаты, отражающие мощь советской артиллерии.

Под стеклом многочисленных витрин хранятся драгоценные реликвии гражданской и Отечественной войн. На черном бархате лежит револьвер легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Рядом — оружие и документы красных партизан, знамена отдельных артиллерийских частей.

Внушительно представлена могучая артиллерийская техника, громившая врага в годы Великой Отечественной войны.

Вот обычная зенитная автоматическая пушка. На казенной части ствола — 18 звезд. Орудийный расчет старшего сержанта И. А. Шалова сбил этой зенитной пушкой 17 самолетов. При форсировании реки Нарвы орудие провалилось под лед. Артиллеристы вытащили его и сбили еще один вражеский самолет, а летчика взяли в плен. Так появилась 18-я звезда.

Зенитная пушка старшего сержанта И. Шалова.
Фото Н. Ананьева.

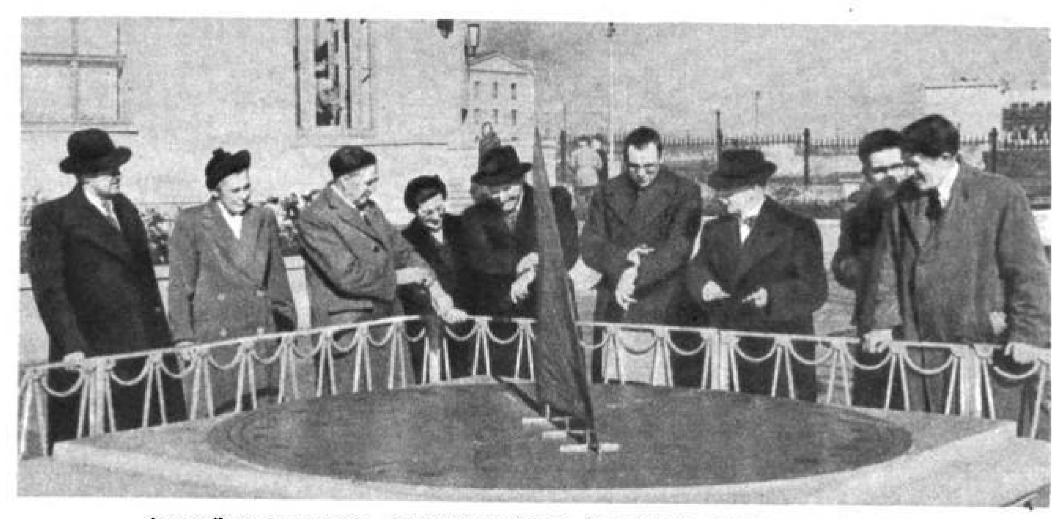
Среди огромных орудий миномет № 784 кажется совсем крохотным, но боевая слава о нем в дни войны разнеслась далеко. Это миномет братьев Шумовых. В ряды защитников города Ленина добровольно встали шесть братьев-сибиряков Шумовых. Старший из них, Александр, был назначен командиром минометного расчета. 30 тысяч мин выпустили братья из своего миномета.

В зале экспонируется противотанковое ружье старшего сержанта А. И. Денисова: в бою под Орлом отважный воин сбил из этого ружья два вражеских бомбардировщика. Орудие № 4785 — из него 21 апреля 1945 года нашими воинами был сделан первый артиллерийский выстрел по Берлину.

Со стен свисают овеянные боевой славой знамена гвардейских артиллерийских полков, знамена, водруженные советскими воинами над освобожденными городами. Красочные диорамы воскрешают бессмертные подвиги наших войск под Москвой, на Днепре и на Одере...

К. ЧЕРЕВКОВ

Сталинград—Ковентри

Английские гости у солнечных часов Сталинградского планетария.

Фото Ю. Яковлева.

Ковентри. Этот английский город подвергся особенно сильным разрушениям от налетов фашистской авиации. Недавно муниципальный совет города и Комитет дружеских связей между Ковентри и Сталинградом предложили от имени двух этих городов, как наиболее пострадавших во время второй мировой войны, обратиться к Комиссии ООН по разоружению с призывом запретить применение водородной бомбы. Исполком Сталинградского городского совета депутатов трудящихся обсудил это предложение и пригласил лорд-мэра Ковентри Джона Феннела и группу членов Городского совета в Сталинград с тем, чтобы выработать текст совместного обращения. 30 октября делегация Ковентри прибыла в Сталинград и гостила здесь до 10 ноября. Члены делегации осмотрели памятные места Сталинградской битвы.

Член делегации Эдвард Макгарри во время Сталинградского сражения дрался с гитлеровцами сначала в Африке, потом в Италии.

— В полку, где я служил,— сказал он,— в трудные минуты говорили: «Не впадать в панику, помнить Сталинград».

Глубокое впечатление произвел на гостей вид нового Сталинграда: многоэтажные жилые дома, дворцы культуры, театры, школы. Э. Макгарри, бывший здесь три года назад в составе профсоюзной делегации, говорил своим друзьям, какие за это время произошли изменения в городе.

5 ноября члены английской делегации присутствовали на сессии Сталинградского городского совета, которая предоставила исполкому горсовета полномочия подписать совместное обращение городов Ковентри и Сталинграда в ООН с призывом запретить производство и применение атомного и водородного оружия и полностью изъять его из вооружения государств.

Лорд-мэр Джон Феннел преподнес Сталинграду в подарок изображение герба Ковентри как знак искренней дружбы двух городов. Эдвард Макгарри вручил другой подарок — переходящий спортивный приз Ковентри.

— Я выражаю надежду,— сказал он,— что спортивные соревнования будут единственным видом сражений, которые нам предстоит вести в будущем.

В обращении городов Ковентри и Сталинграда в ООН выражена воля простых людей, поднявших свой голос против угрозы новой войны.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

Памяти Анри Матисса

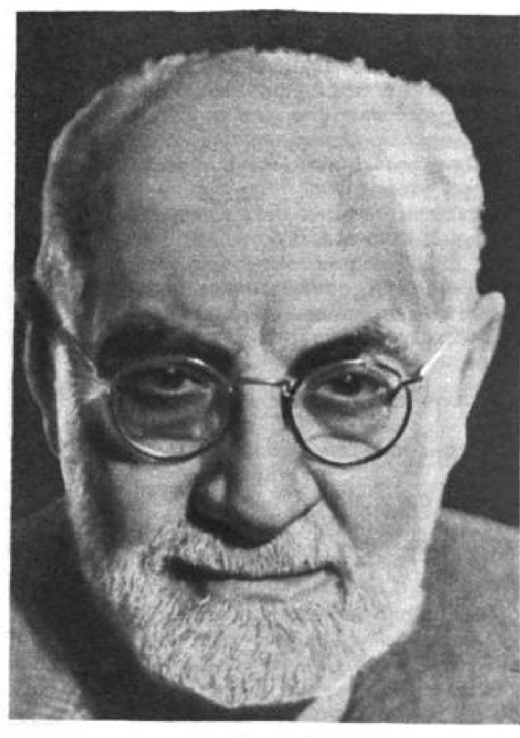
На юге Франции, в Ницце, в возрасте 85 лет скончался всемирно-известный французский художник Анри Матисс.

Он прожил долгую плодотворную жизнь и оставил яркий след в современной живописи. В юношеском возрасте Матисс готовился стать адвокатом, а в свободные вечера посещал художественную школу прикладного искусства для рабочих-текстильщиков в городе Ле-Като. Здесь впервые обнаружилось его замечательное дарование.

В Парижской академии художеств Матисс проходит серьезную школу у известного художника Моро. Впервые в 1896 году в «Национальном салоне» были выставлены его картины. Полотно «За чтением», написанное в манере старых голландских мастеров, имело большой успех. В эту пору начинается тяжелый, длившийся почти 10 лет период жизни Матисса — борьба за существование, безрадостный труд непризнанного художника, которого нужда заставляет выполнять даже малярно-штукатурные работы. Но Матисс продолжает заниматься живописью, изучает японскую гравюру, работает над цветом, колоритом и в поисках ярких красок юга поселяется на берегу Средиземного моря.

В картинах восточного цикла, которые он создает в 1912—1913 годах, во время пребывания в Африке, в Марокко, Матисс стремится к тому, чтобы они походили на древние восточные ковры, фаянс, ткани, он передает в лучших из этих полотен подлинный дух народного национального искусства.

В двадцатых годах наступает поворот в творчестве Матисса. Художник все больше приближается к реальному изображению человека, хочет выразить его духовный мир, сочетая решение этой задачи с живописной декоративностью.

Блестящие находки Матисса в цвете, колорите очевидны для каждого настоящего художника. Кроме большого числа живописных произведений, он оставил сотни, если не тысячи, рисунков. Это был выдающийся рисовальщик.

Матисс не был далек от окружавшей его действительности, он не был равнодушен к трагическим событиям в жизни своего народа в годы первой и второй мировых войн. Вместе со всеми честными людьми Франции он боролся за ее независимость и честь, был борцом за дело мира, за истинный гуманизм. Вместе с другим знаменитым художником Франции, Пабло Пикассо, Матисс участвовал в движении сторонников мира, ратовал за ослабление напряженности в международных отношениях, требовал запрещения атомного оружия. Коммунистическая партия Франции почтила память Анри Матисса — «великого художника, который всегда откликался на благородные заботы своих современников».

Анри Матисс вписал свое имя в историю мирового искусства. В памяти своего народа он останется не только как великий художник, но и как гражданин, гуманист, борец за мир и счастье человечества.

Л. НИКУЛИН

Широко открывается панорама карьера.

Фото А. Дитлова.

ЯНТАРЬ

Кто из нас, бывая у моря, не собирал на берегу камешки! Бесконечные в своем разнообразии — белые, черные, желтые, пестрые, слоистые, — они радуют глаз. Иногда море дарит нам пламенно-красный уголек сердолика, а иногда — прозрачно-медовую каплю янтаря.

Немало сложено о янтаре легенд. В одной из них, например, рассказывается про Яна и Галену.

Жили они давно-давно... И не было на свете юноши более ловкого и горячего в работе, чем Ян. Не было девушки прекрасней и нежней, чем Галена. Сама судьба послала их друг другу. Век бы им быть вместе, если бы не злой морской царь — всесильный Аскир. Вышел он как-то в бурную ночь на берег к людям и, очарованный красотой Галены, увлек ее в морскую синь. Окружил девушку неземной роскошью, но попрежнему тосковала она по родной земле, по веселому и доброму Яну. Но Аскир не отпустил девушку из морского царства. И никто не знает, сколько горя и мук перенесла прекрасная Галена. Ведь морские волны до сих пор не перестают прибивать к берегам кусочки ее разбитого сердца и окаменевшие слезы ее...

...Десятки миллионов лет назад южный берег Балтийского моря покрывали огромные хвойные и лиственные леса. Смола, стекающая с деревьев, со временем окаменела и превратилась в янтарь, ставший могилой различных насекомых, цветов и даже ящериц.

В тополевой тени гуляя,
муравей
В прилипчивой смоле завяз
ногой своей,
Хотя он у людей был в жизнь
свою презренный,
По смерти, в янтаре, у них
стал драгоценный.

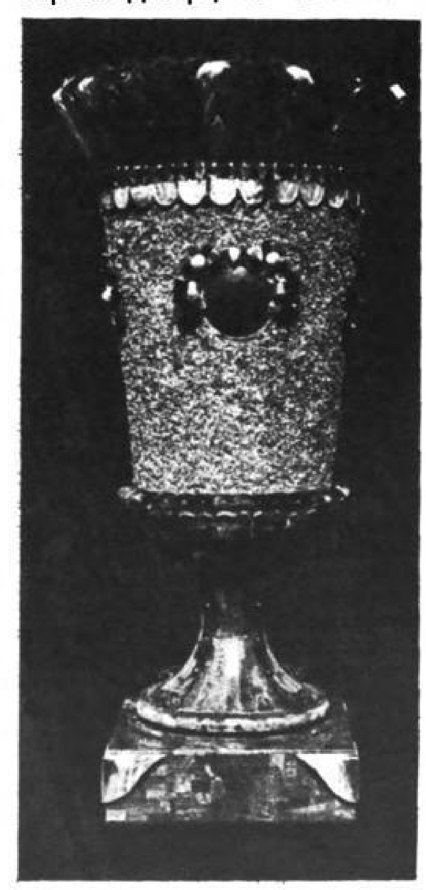
Так писал Михаил Васильевич Ломоносов — один из пионеров научного толкования происхождения янтаря.

Янтарь исстари привлекал внимание людей. Очень легко поддающийся обработке, разнообразный по окраске — от медово-желтого и медово-красного до темнобурого, почти черного, — он оказался чудесным материалом для всевозможных украшений. Уже в гомеровой «Одиссее» он упоминается как единственный самоцвет. В эпоху Римской империи янтарь был настолько распространен, что принято говорить о господствовавшей тогда янтарной моде. Ценился он весьма высоко. Маленькая фигурка из янтаря, по свидетельству Плиния, стоила дороже раба.

В Оружейной палате Московского Кремля хранится немало изделий из янтаря — посох, кубки, подсвечники. Уникальной была знаменитая Янтарная комната в Екатерининском дворце в Пушкине, под Ленинградом.

Важное применение нашел этот минерал в химии: янтарная кислота — ценный продукт в лако-красочной и парфюмерной промышленности.

Обширна география распространения янтаря. Он встречается в Румынии, на острове Сицилия, в Верхней Бирме, его находят на берегах Днепра, на Сахалине и

Ваза из янтаря.

недавно обнаружили в Казахстане. В большинстве случаев промысел этого минерала весьма примитивен. После шторма люди выходят на берег и отыскивают дары моря. В нашей стране промышленная добыча и обработка «медового камня» производится на крупнейшем янтарном комбинате треста «Русские самоцветы», расположенном на берегу Балтийского моря, недалеко от Калининграда.

Уже самая панорама огромного, длиной в полтора километра, карьера, где работают землеройные машины и двигаются вереницы платформ с электровозами, говорит о масштабах производства. Главный инженер комбината Сергей Сергеевич Валуев приводит красноречивые цифры. На один кубический метр грунта приходится свыше 1 300 граммов окаменевшей смолы. За год здесь добывают и перерабатывают сотни тонн чудесного камня.

Мы спустились на десятки метров вглубь карьера и тут увидали мощный пласт знаменитой «голубой земли», пролегающей ниже уровня моря. Землеройная машина грызет и грызет своими ковшами сыпучую светлосине-зеленоватую землю. Высокие платформы электропоезда поднимают ее на поверхность. Здесь она попадает в котлован обогатительной фабрики. «Голубые земли» размываются сильной струей воды. Потоки разжиженной «породы» устремляются вниз и, пробегая через сложную систему каналов, сит и других приспособлений, опустошенными уносятся в море. А у каждого сита и других машин, улавливающих янтарь, растут и растут прямо-таки на глазах холмики золотистого камня.

Дальше идет цех доводки. Янтарь промывают во вращающихся деревянных барабанах с песком и водой и в соляных ваннах. В многочисленных обрабатывающих цехах крупный янтарь обтачивают и полируют, мелкий — размалывают и прессуют, плавят и закаливают — отсюда-то и разносится по всему комбинату тот характерный запах, которым отличается янтарь. Тут же рождаются ювелирные изделия.

Наконец мы входим в широкую дверь с табличкой «База снабжения». Здесь собраны образцы всей продукции комбината. Глаза разбегаются, глядя на горы бус, колье, кулонов, брошей, браслетов, шкатулок, мундштуков, пуговиц.

Но есть еще более примечательный уголок на комбинате — художественно - экспериментальный цех. Здесь многое связано с именем начальника цеха, старого ювелира-камнереза, представителя ленинградских ювелиров Михаила Ивановича Белова. Сорок лет отдал Михаил Иванович любимому делу. Среди его учеников такие замечательные работники, как начальник ювелирного цеха Григорий Яковенко, сборщицы ювелирных изделий Мария Симакова и Нина Антонова.

Созданные руками Юрия Толокнова, Виталия Березина, Ивана Манеева, Бориса Громова и других умельцев красочная карта Калининградской области площадью в полтора квадратных метра, две вазы высотой больше метра и две огромные чаши представлены сейчас на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. На базе хранятся янтарные шахматы и большой ларец. Эти изделия отличаются точной высокохудожественной отделкой; чувствуется умение резчика использовать теплоту, блеск, разные цвета и прозрачность материала.

Сколько прекрасных вещей можно было бы делать на комбинате! Однако, как с горечью сказал нам Белов, некоторые работники довольствуются тем, что годами выпускают одни и те же изделия. А ведь янтарь может применяться во многих вещах, призванных украсить наш быт! Он хорош для обрамления настольных часов, чернильных приборов, для шахмат большого и малого формата (сейчас делают только уникальные), для призовых кубков, которые вручают спортсменам... Более разнообразными могут быть броши, мундштуки и браслеты.

Заветная мечта старого мастера — использовать янтарь при отделке какой-либо станции московского метро. «Тогда бы и показали свое мастерство ювелиры Янтарного комбината, — сказал он, — тогда бы заблистали во всей красе чудесные дары «голубой земли»!

В. ПОНОМАРЕВ

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ САД

Г. КУЛИКОВСКАЯ

На крутом и обрывистом, разъедаемом вешними потоками берегу Клязьмы шумят высокие старые березы. Когда-то деревья стояли здесь густой рощей, а теперь их можно сосчитать по пальцам. И на этом песчаном косогоре, лишенном воды,— река тихо и спокойно плещется глубоко внизу — переводятся не только березы. За редкими изгородями виднеются лишь кусты акации, трава да малинник с пожелтевшими листьями. Яблони только раскидистой кроной и формой листьев напоминают о своей принадлежности к фруктовым деревьям: плоды не отягощают их ветвей.

Тем более разительным на фоне такого неяркого пейзажа выглядел нынешним летом молодой, но уже богато плодоносящий сад Алексея Ивановича Дубровского. Здесь есть яблони с букетом плодов: что ни ветвь, то новый сорт. Тут живет смородина, облепленная гроздьями, точно кусты сирени соцветиями. Тут склоняются вишни, осыпанные множеством розово-алых ягод.

Груши и сливы благополучно соседствуют с крыжовником, сладким, как виноград. На этом сравнительно небольшом участке земли, всего в тысячу квадратных метров, с разумной расчетливостью размещено свыше трехсот сортов плодовых деревьев и ягодных кустов.

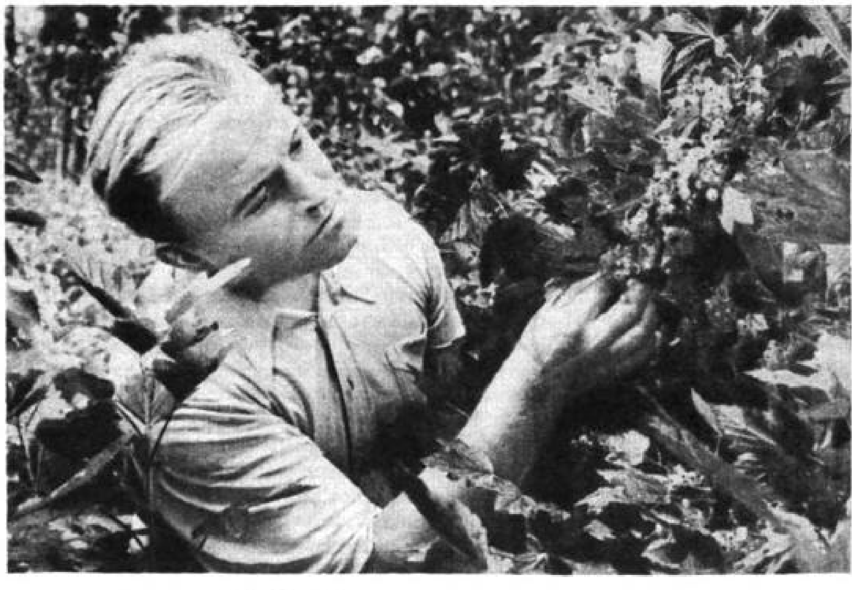
Хозяин сада, широкоплечий, с копной льняных волос, наклоняется к земле.

— Вы думаете, тут почва другая? — Он поднимает верхний, рыхлый и темный, как чернозем, слой.— Как видите, под ним рассыпчатый желтый песок, такой же, как на откосе. Воды на косогоре нет. А лето, сами знаете, выдалось сухое и жаркое.

«Секрет» тут, оказывается, в загущенности посадок и в некоторых других агрономических приемах. Сами деревья и кусты создали покров, который ограждает почву от иссушающих солнечных лучей и ветров, и поэтому земля дольше держит влагу. При такой посадке деревья не угнетают друг друга, а, наоборот, помогают в мороз и засуху, в жару и ветер. Но этим далеко еще не исчерпывается борьба за воду...

Дубровский показывает валы вдоль дороги, преграждающие путь потокам воды, сбегающим с косогора; канавы, направляющие эту воду на участок. Он рассказывает, как терпеливо и настойчиво боролся за жизнь растений, и из этого рассказа каждый садовод может почерпнуть немало полезного.

Если примечателен сам сад, созданный на непригодном, бросовом участке, то еще более поучительна история человека, заложившего этот сад.

А. И. Дубровский в своем саду.

Фото А. Гостева.

Много лет назад на московском заводе «Калибр» работал Леша Дубровский. Это был веселый, общительный парень, один из лучших слесарей-инструментальщиков, авторитетный вожак комсомольцев инструментального цеха. Кроме штампов, кондукторов и других приспособлений, которые он придумывал с неистощимой изобретательностью, слесарь любил шахматы, даже возглавлял заводскую шахматную секцию. А воскресные дни проводил в аэроклубе. Леша осваивал не только парашютное дело, но и самолет.

Когда слесаря выдвинули в мастера, он поступил в заводской вечерний техникум. Отечественная война застала его на последнем курсе, накануне выпуска. Комсомолец Дубровский, подобно тысячам юношей нашей страны, добровольцем ушел на фронт. Честно и самоотверженно молодой пулеметчик, а потом и артиллерист нес трудную службу воина. Он был дважды ранен и контужен, но все-таки дослужил до победы.

Нелегким было возвращение лейтенанта Дубровского к мирной жизни. В огне сражений он долго крепился, а тут вдруг, как это бывало со многими фронтовиками, здоровье и нервы не выдержали, сдали. Открылись раны, сказалось огромное напряжение военных лет. Алексей Дубровский оказался непригодным для работы на заводе. У него были целы руки и ноги, но после контузии он с трудом передвигался, не мог разговаривать. Все это осложнялось тяжелым нервным потрясением. Медицинская комиссия вынесла заключение: инвалид первой группы.

Как же ему было жить? Источником всех его радостей, успехов, роста, всего его существования был труд, а теперь он должен отказаться от него! Нет, не таков был Алексей. Как некогда на фронте, когда он, раненный, не покидал пулеметного расчета, так и теперь Дубровский решил бороться, не сдаваться и победить.

В поселке Болшево, под Москвой, где жили его овдовевшие за войну сестры, лежал пустырь. На этом голом песке ничто не родилось, разве только свекла и картофель, да и то очень плохие. Хоть косогор вздымался прямо над рекой, но как подать воду наверх, на высоту почти трех десятков метров? А считается, что на песках сад без полива разводить нельзя.

Немало удивлялись болшевцы, когда увидели, что их неразговорчивый сосед притащил как-то осенью мешок и извлек из него несколько яблонек-двухлеток. Он хочет здесь собирать яблоки,— чудно!

Весной следующего года Дубровский привез из шаховского питомника еще восемь яблонь. Сажать деревья он умел с детства. Мальчиком помогал отцу-садоводу, юношей закладывал сад на «Калибре», тот самый сад, которым калибровцы прославились на всю страну.

На третий год яблони зацвели и дали первые плоды. К яблоням вскоре присоединилась смородина, перекочевавшая из Тимирязевской академии, груша — из Ивантеевки, крыжовник — из подмосковного плодового питомника и другие растения из разных мест. Из косточек выросли красавицы-вишни. Так постепенно создавался сад-коллекция.

Молодые деревца и кустарники росли, требуя все большего и большего ухода, поглощая все время и внимание Дубровского. Алексею Ивановичу пришлось совершенствовать искусство садоводства. Он читал научные труды. Стал частым гостем на опытных участках Тимирязевки, в обществе испытателей природы, у опытников-мичуринцев.

Кое-что из того, что Дубровский видел, он испытывал в своем саду. Это касалось в первую очередь внесения в почву удобрений, микроэлементов, особых веществ, стимулирующих рост растений, и применения некоторых агротехнических приемов.

Интересна в этом отношении история двух яблонь — № 11 и № 12. Они близнецы, сейчас им по семь лет. Но посмотрите на них! Первая — приземистая, с раскидистыми ветвями, усеянная плодами. Вторая — собранная, устремленная ввысь, с обильной листвой, но плодов на ней значительно меньше.

В чем же здесь дело? Оказывается, три года назад яблоня № 11 подверглась любопытному, на первый взгляд варварскому, эксперименту. Весной, когда сошел снег, Дубровский срезал на дереве, у самого его основания, неполный поясок коры. Не без тревоги он ждал результата: а вдруг засохнет, погибнет?

Яблоня, казалось, застыла в своем развитии. Побеги ее ветвей почти перестали расти. Зато какой нежнорозовой, осыпанной цветами, как невеста среди подружек, выглядела она в мае!

И тут неожиданно грянули весенние ночные заморозки. В подобных случаях садовники поступают очень просто: жгут костры, и деревья обволакиваются дымом. Но здесь этого делать нельзя было: рядом дачники. Тогда в опрыскиватель, который наполнялся ядовитым составом для уничтожения вредителей, садовод набрал воды. Несколько ночей Дубровский не спал, по два—три раза опрыскивая своих питомцев. Листья деревьев и цветки покрывались ледяными сосульками. При этом выделялось тепло, которое и спасало цветущие деревья от заморозков.

Расчет Дубровского оказался верен: «раненое» дерево не погибло. Изо всех своих сил оно боролось за жизнь, стремясь как можно больше дать плодов. И вот итог: с яблони № 11 сняли на восемь килограммов плодов больше, чем с ее ровесницы. В последующие годы это отличие стало еще более разительным.

И еще один опыт, привлекающий многих садоводов. Обычно зимние сорта прививают к зимним, летние — к летним, осенние — к осенним. А если сделать иначе?

Вот яблоня летнего сорта — грушовка московская. К ней привиты черенки разносезонных сортов. В то время как с одних ветвей можно снимать спелые, сочные плоды, на других они только еще наливаются, желтеют, а на третьих едва начинают развиваться. Питательные вещества поступают к ним неодновременно и с разной интенсивностью. В результате такие деревья плодоносят ежегодно с лета до осени, и обильно.

Многое он решал самостоятельно, идя своим собственным путем. Дух новаторства, владевший им некогда на заводе, воспрянул и теперь с прежней силой.

Год от года, набирая сил, мужал сад. Крепнул и все прочнее становился на ноги и его хозяин. Дубровский нашел работу, которая увлекла его и полюбилась ему. Он вернулся к труду, снова обрел силы, завоевал место в жизни. За эти семь лет Алексей Иванович не только создал сад, которому может позавидовать любой опытник, не только помог школьному саду, шефом которого он является. Заочно он учился в институте и получил диплом с отличием. Его мечта заняться исследованием по плодоводству также осуществилась.

Поезжайте летом на станцию Болшево. Пройдите на крутой берег Клязьмы. Вы увидите густой зеленый сад. Зайдите в него. Деревья этого сада, как слова песни, расскажут о человеческой судьбе, о победе воли и упорстве.

Мастер зимних пейзажей

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунок В. Высоцкого.

Дела, связанные с командировкой, были закончены, поезд уходил ночью, и теперь почти целый оставшийся день можно было посвятить встрече с прошлым.

Тринадцать лет назад здесь, в этой же гостинице, он, тогда молодой инженер-геолог Ипатьев, расстался навсегда с женщиной, без которой жизнь представлялась немыслимой. Казалось, все это только что было: Лесное, где жила тогда Варя и откуда, проводив ее, он долго добирался потом к себе на Петроградскую сторону; белые бесплотные ночи, когда сиренево-серая Нева становится на час — другой жемчужно-серебряной, чтобы уже залосниться розоватыми красками утренней зари; аллеи Летнего сада — они оба больше всего любили его осенью, когда дорожки и скамейки усыпаны листьями и как-то сами собой возникают стихи Пушкина или Блока; долгие часы, проведенные в Эрмитаже или Русском музее, когда, как бы обессиленные от могучего напора искусства, присаживались они отдохнуть в обитые красным плюшем кресла. Они любили одних и тех же художников, и мысли об искусстве были у них общими, и казалось, целой жизни не хватит, чтобы разделить друг с другом самое сокровенное... Он только что кончил тогда геологический институт, Варя училась в институте геодезии и картографии, — и вот уже первая его командировка в Хибины и сумрачный вокзал, где на перроне, растерянная и счастливая оттого, что счастье делает ее растерянной, встречала его Варя.

Как случилось, что все это, чего должно было с избытком хватить на целую жизнь, вдруг как-то смялось и стало уходить? Когда прошла первая трещина в их глубоких сердечных отношениях и появились разводья, а потом, как это описывается в дневниках полярников, стало относить обжитую льдину и вот уже туман прикрыл ее?

В номере этой же гостиницы остался он тогда, тринадцать лет назад, один и не побежал вслед за Варей, которую глубоко обидел, а, раздувая ссору до непримиримости и ожесточенно говоря себе: «Ну и пусть», — сидел в кресле у стола, полагая, что трещины бывали и прежде, и не сознавая еще, что это уже разводья. Час спустя, опустошенный, внутренне сжавшийся, он поехал в Лесное, но Вари дома не оказалось; он искал ее весь день, но не нашел; он сидел несколько часов у телефона в своем номере, ожидая ее звонка, но она не позвонила. А день спустя он уже уехал с экспедицией. Потом геологические изыскания на Урале, начавшаяся в то же лето война, блокада Ленинграда...

Много раз наедине старался проследить он причины их расхождения. Мелочи, резкое слово, иногда невнимание, иногда душевная нечуткость — и вот это уже начинает разрастаться, минутная обида раздувает это до убежденности в несходстве характеров, а упорство в раздражении требует уступок, как этого требовал он к себе... Но относился ли он сам с нужным вниманием к ней, с ее женским, требующим особой чуткости душевным строем, с ее впечатлительностью, с ее способностью сжаться, уйти в себя или даже заплакать, когда срывались у него запальчивые, а зачастую и несправедливые слова? Но он не прощал ей и слез, называя слезливостью то, что она не умела выразить словами.

Он стоял сейчас у окна и смотрел на улицу Ленинграда, по-новому прекрасного после испытаний войны. Теперь уже бесполезно припоминать все в последовательности, искать причины и объяснять себе следствия. Расхождение, каких сотни или даже тысячи, а как просто было сказать мягкое слово вместо жесткого, протянуть руку, вместо которой выставлялся иногда острый локоть, проявить терпимость даже к слабостям — ведь он, волевой человек, в труднейших изысканиях на Урале сумел проявить и волю и выдержку...

Была та мягкая пора июля, когда смягчен тон даже темносерых ленинградских домов, а больше всего охры, золотистого света, и легкий дождь, принесенный вдруг тучкой с Балтики, заштрихует на миг арку Генерального штаба, словно опустили тюлевый занавес. В Летнем саду играют дети, и Крылов взирает на очередное поколение, начавшее свое детство с «Квартета» или «Стрекозы и Муравья». Место, где Каракозов стрелял в Александра II, — Варя любила эти места истории, и он вспомнил, как она воображала, расширив глаза, Сенатскую площадь в день восстания декабристов или как возле Медного всадника представляла себе наводнение.

Вот уже ему, когда-то проходившему по этим улицам молодым студентом-геологом, тридцать восемь лет, у него звание доцента и кафедра. Три дня подряд уезжал он рано утром в научно-исследовательскую лабораторию Академии наук, возвращался к вечеру; почти никого из старых товарищей и знакомых не осталось в Ленинграде: кто уехал, кто умер в блокаду, — и он только раз выбрался в кино посмотреть какой-то фильм и то попал на вторую серию.

На Неве, над которой плыли кучевые, припухлые облака, стояли прибывшие шведские военные корабли, и по всему городу ходили шведские моряки, покупали табак и открытки, а больше всего почему-то музыкальные инструменты — мандолины, гитары и балалайки, — словно память о Ленинграде могла сохранить больше всего музыка.

«Ну, что же, свет клином не сошелся», — сказал он себе в тот день, когда от него навсегда ушла Варя, — то, что нерасчетливо и в запальчивости говорят себе зачастую в такие минуты люди, не сознавая еще, что когда дело касается настоящей любви, то именно свет клином сошелся. Он шел по набережной, вдыхая свежий морской воздух, который всегда ощущаешь в Ленинграде. Буксирчик бежал по реке, волоча за собой баржу, на шведском крейсере толпились матросы, и внизу качалась лодка, на которой они съезжали на берег. В Свердловске как-то, зайдя в воскресный день в картинную галерею, Ипатьев вспомнил вдруг с остротой, какую не могли притушить годы, что он и Варя любили еще назначать друг другу встречи в Эрмитаже, то возле вандейковского портрета юноши в лиловом кафтане и желтом плаще, то возле рембрандтовского портрета молодой женщины с посохом, увитым цветами, то возле тучного Вакха, поднимавшего, казалось, за них золотую чашу с вином...

«Что ж, всему свое время, — сказал он както себе рассудительно. — Был когда-то Ван-Дейк, теперь — геология». Но это было так же далеко от правды, как и то, что свет клином не сошелся. Нет, уж если встреча с прошлым, то именно пройти по залам Эрмитажа, мимо великих художников, свидетелей утренней зари его жизни.

Как всегда в эти летние дневные часы, в музее были экскурсии: подростки, оживленные или чуть смущенные этим первым познаванием искусства; приезжие, для которых побывать в Ленинграде означало в первую очередь осмотреть Эрмитаж; и те, кто в этих пропилеях искусства чувствуют себя своими людьми. Он задержался, чтобы пропустить экскурсию со словоохотливым экскурсоводом, и со стесненным сердцем, словно время вдруг полным кругом повернуло назад, направился к «Мадонне» Леонардо да Винчи. Она была на том же месте, на отдельном щите, чтобы свет падал сбоку, из окна, за которым широко дышал Ленинград. Склонив лицо в матовой бледности, с пронесенной через века проникновенной нежностью материнства смотрела она на большеголовое дитя в своих руках, как бы передавая ему завет верности человеческого сердца. Две тонкие голубые тесьмы ее расстегнутого кирпично-красного корсажа лежали поверх протянутой младенцу груди, и в вечерней задымленной синеве Перуджи или, может быть, Альбанских гор были видны в полукруглых окошечках позади два пейзажа.

Все было, как и прежде, в этой долине материнства, только он, Ипатьев, стал другим, и уже не с кем в доверительной близости поделиться восхищением. Но то, что эта вечная мать была попрежнему здесь, как бы пережив вместе с Ленинградом все его испытания, вдруг с новой силой всколыхнуло его, словно возвратив после долгого отсутствия к молодости. Он проходил залу за залой, теперь вокруг были старые фламандцы с их изобилием плодов и цветов, с овощами, розами и тюльпанами, деревенскими праздниками с плясками крестьян под музыку скрипача и волынщика или крестьянской свадьбой, на которой приносят новобрачным подарки — плетенную из тростника колыбель и детское суденышко... Он вспомнил, что тут же должны быть картины неизвестного художника, которого и он и Варя любили и который за отсутствием подписи значился «Мастером зимних пейзажей».

Они висели на том же месте, изображения нидерландской зимы, с конькобежцами, пешеходами, согнувшимися под зимним ветром, и метелицей, изображенной каждым волоском кисти. Они с Варей подолгу стояли тогда возле этих картин, полные глубокого сочувствия к судьбе неизвестного мастера и восхищаясь его искусством. Теперь впереди были залы испанских художников с могучими смуглыми портретами Веласкеса и суровыми, пустынными пейзажами.

Ипатьев шел уже к выходу, когда вдруг женщина, сидевшая у стены на скамеечке, быстро поднялась и прошла перед ним. Была ли она похожа на Варю, или время действительно обошло полный круг? Он нагнал женщину и заглянул ей в лицо.

— Варвара Николаевна, — произнес он растерянно, — неужели это вы... бывают же такие чудеса на свете!

Тринадцать лет для женщины — большой срок: и уже первые морщинки у глаз и горькая складочка пережитого у губ, — но это была она, Варя.

— Как это неожиданно... — сказала она. — Я очень рада вас видеть.

Она тоже глядела на его лицо, тронутое временем, на морщинки, которых прежде не было, и ее серые глаза были печальны и нежны.

— Бывают же такие чудеса на свете, — повторил он, не зная, с чего начать. — Давайте посидим... Когда-то мы с вами здесь часто бывали.

Они сели на плюшевый диванчик у стены.

— Я ведь не знал даже, что вы в Ленинграде, — сказал Ипатьев. — Я писал вам по старому адресу в Лесное, но письма приходили обратно.

— Нет, я там уже давно не живу, и потом у меня другая фамилия.

Он молчал, глядя на сложный рисунок паркета.

— Знаете, Варя, — произнес он затем, — все лучшее, что было у меня в личной жизни, связано с той порой. Я ведь не был в Ленинграде тринадцать лет.

Он поглядел на нее сбоку. В ее пепельных волосах можно было увидеть седые нити, если ближе вглядеться, и под глазами были легкие темноватые провалы, но это делало только

тоньше и одухотвореннее ее лицо. Он побоялся рассказать ей о том, о чем передумал сегодня в гостинице: это могло бы показаться нарочитым.

— Расскажите о себе... где вы работаете, как живете? — спросил он только.

— Мой муж погиб в войну под Тихвином, — сказала она.— Это был простой, хороший человек... У меня осталась девочка, Оленька. Ей сейчас десять лет. Живу с ней, работаю картографом... блокаду я пережила в Ленинграде, было очень тяжело.— Она сощурилась на мгновение и сейчас же отогнала это.— Ну, а вы? Женаты, есть дети?

— Нет,— он покачал головой,— я не женат. Конечно, Варя, вам может показаться, что я говорю это к случаю... но забыть вас я никогда не мог.

— Я вас тоже никогда не забывала,— сказала она с прямотой.

Они помолчали.

— Вы надолго в Ленинград? — спросила она.

— Сегодня уезжаю. На дизельном. Ноль тридцать пять. Еду обратно в Свердловск. Я ведь живу там уже восемь лет. А где ваша девочка? — спросил он вдруг.

— В детском лагере в Зеленогорске. Я часто бываю в Эрмитаже,— добавила она тут же. — У меня такая работа: сутки дежурю, двое суток свободных.

Он вспомнил, что она и сама неплохо рисовала.

— Ну, а сами рисуете?

— Нет, больше карты черчу. Оленьку, конечно, учу рисовать.

— У вас нет с собой ее карточки?

Она молча открыла сумочку и достала фотографическую карточку. Он с болью и нежностью смотрел на портрет девочки, похожей и не похожей на Варю, и женщина вдруг взяла карточку из его рук и спрятала ее обратно в сумочку: может быть, она прочла то, о чем он подумал в этот миг.

— Наша встреча такая неожиданная, что сразу ничего и не скажешь... а мне многое хотелось бы сказать вам, Варя. Может быть, в письме напишу, если дадите адрес. Вы где сейчас живете?

— На Третьей Красноармейской.

— Не знаю такой улицы, — произнес он в раздумье.— Не знаю, где Третья Красноармейская.

Он чувствовал себя теперь ответственным за судьбу этой женщины, которую когда-то любил и, вероятно, любит еще. Это была прежняя Варя, только много пережившая и от этого еще более близкая его душе. Как он мог отпустить ее из своей жизни? Все было в ней: и найденный редкий металл, и защита докторской диссертации, и дружба с академиком Ярченко, возлагавшим на него большие надежды. Но то, что наполняет человека счастьем и радостью в личном порядке,— это было потеряно где-то в начале жизни, потеряно нерасчетливо и жалко.

— Четвертый час, — произнесла она, поглядев на ручные часики. — В четыре я должна быть на работе.

— Ничего не поделаешь,— сказал он только.

Они прошли через залы с исторической живописью и спустились по лестнице. Еще одна экскурсия стояла в очереди к билетным кассам. Тучка, налетевшая с Балтики, брызнула дождем, и половина Невы была затушевана, а другая безмятежно сияла под солнцем. На шведском крейсере пробили склянки.

— Подождите меня минуту,— сказал Ипатьев, когда они обогнули Дворцовую площадь и вышли на Невский. — Мне хочется послать вашей девочке конфеты.

Он зашел в кондитерский магазин и выбрал самую большую коробку. Женщина лишь на миг подняла глаза и сейчас же опустила их, только веки ее слегка дрогнули.

— Спасибо. Я отвезу ей в воскресенье в Зеленогорск.

— Как жаль, что меня в воскресенье уже не будет в Ленинграде... как жаль!

Они шли теперь молча, и то большое, что захватило обоих, мешало произнести лишнее слово.

— Вот здесь моя служба, — сказала женщина, когда они дошли до Мойки.— Здесь, в этом доме.

Они поднялись по ступенькам и остановились в глубокой нише полутемного парадного.

— Да...— спохватился он вдруг и достал из кармана записную книжечку.— Скажите мне ваш адрес. Я напишу вам, как только приеду в Свердловск... или, может быть, даже раньше, еще с дороги.— Он взял ее за руку и неловко поцеловал концы пальцев. — А что, если бы я написал вам, что в такой-то день и час буду ждать вас возле одной из картин в Эрмитаже... ну, скажем, возле «Мастера зимних пейзажей»? — спросил он вдруг с забившимся сердцем.— Вы пришли бы?

Она только глубоко поглядела ему в глаза, и уже минуту спустя ее каблучки застучали по лестнице. Было четыре часа дня. До отхода поезда оставалось восемь с половиной часов — целая жизнь, если человеку непереносимо одиночество и он не может ни гулять, ни читать, и тогда остается тут же, еще в Ленинграде, сесть писать письмо, похожее на исповедь.

Ипатьев вышел из темного парадного, и теперь казалось, что и Ленинград и все то, с чем связана молодость, не отодвинуты временем и что самое главное еще только предстоит пережить в этом городе... И он представил себе на миг северную зиму, и снег, летящий вкось над Невой, и пейзаж неизъяснимого зимнего очарования, и шубку с намокшим от частого дыхания воротником, и самое дорогое и неповторимое, что теперь уже никогда не выпустит из рук.

МОСКВА— ПРАГА—

А. СОФРОНОВ

I. В пути

Шумный перрон Киевского вокзала. Прощальные рукопожатия друзей, серьезные и шутливые напутствия... И вот уже плывут мимо открытых окон вагона ночные огни Москвы, стучат колеса на стыках рельсов, поезд набирает скорость. Впереди Украина, Чехословакия, Западная Германия, Франция, переезд через Ла-Манш, Англия. Долгий путь по железной дороге. Конечно, путь этот мог быть значительно сокращен, если бы мы с писателем Б. Н. Агаповым, отправляясь в качестве корреспондентов в Англию, избрали более быстрый вид транспорта: самолет преодолевает расстояние Москва — Лондон за десять лётных часов. Но много ли увидишь с самолета?

...Рано утром на станции Чоп советские пограничники делают нам отметки о выезде. Мы прячем в карман наши «краснокожие паспортины» и прощаемся.

— Счастливого пути,— говорят нам пограничники.

Яркий, солнечный день встречает нас на чехословацкой земле. Резвый паровозик тянет вагон в гараж. Вагон «переобувают»: меняют шасси. Теперь уже чехословацкие пограничники делают отметки в наших паспортах. Мы обходимся без переводчиков. За пятнадцать минут закончены все процедуры. О нашем вагоне нельзя сказать, что он «выбит из колеи»,— тот же паровозик бодро тащит его к первой чехословацкой станции. Составлен поезд.

Вот и город Кошице. На перроне много людей. Появляется плотный человек в железнодорожной форме и неторопливо поднимает небольшую цепочку. Пассажиры устремляются к вагонам — кто с легкими чемоданчиками, кто с заплечными дорожными рюкзаками. Несколько человек заинтересовались нашим вагоном. На нем табличка «Москва — Прага». Люди приветливо улыбаются. Один из них спрашивает:

— Москва?

— Да, из Москвы.

— В Прагу?

— Сейчас в Прагу.

— Добже,— говорит наш собеседник и собирается задать нам какой-то вопрос, но... поезд трогается. Наш собеседник разочарованно разводит руками и кричит:

— Счастливого пути!

И вот уже замелькали мимо окон белые домики с красными черепичными крышами. Маленькие речки с быстрым течением — они словно стараются перегнать грохочущий поезд. Хорошо возделанные поля. Кое-где сплошные зеленые массивы поднимающихся хлебов, кое-где небольшие участки. Вот идет человек по полю, в одной руке у него мешок, другой он широко разбрасывает серовато-белую пыльцу. Еще из хрестоматии запомнившаяся картина... Но это не сеятель. Всходы уже поднялись; человек разбрасывает удобрения... Вот несколько женщин с тяпками. Они стоят близко друг от друга. Видимо, обрабатывают общий надел.

Справа все ближе продвигаются к поезду высокие лесистые склоны, озаренные солнцем. Здесь строится железная дорога. Высоко над провалами возводятся мосты. Вблизи от железнодорожного полотна бетонные и лесопильные заводы. Много рабочих. Мы проносимся мимо, и они на мгновение выпрямляются, смотрят, щурясь от солнца, вслед уходящему поезду и снова налегают на лопаты и кирки.

— Это дорога дружбы. Мы строим широкую колею, такую же, как у вас,— сообщает наш проводник.

Поезд мужественно взбирается на подъем. С двух сторон горы. Эхо подхватывает паровозный гудок, несет его в горы и тотчас же возвращает обратно. Кажется, что там, в горах, уже мчится поезд по широкой колее...

Проносятся почти графически точные участки земли с высокими тонкими столбиками и натянутым, как струна, шпагатом. От земли поднимаются нежные зеленые отростки; они плотно охватывают шпагат, шевеля под ветерком тонкими усиками. Это плантации хмеля. Хмель — одна из статей чехословацкого экспорта.

Через вагон проходят чешские проводники. Они, как со старыми знакомыми, здороваются с нашими проводниками. Угощают их отличным пильзенским пивом.

За ними по коридору вагона, собирая пустые пивные бутылки, идет буфетчик. Взгляд его задерживается на двух коробках спичек, лежащих у меня на столике.

— Не разрешите ли мне ваши запалки? — спрашивает он меня.— Хотел бы сыну подарить советские запалки.— Он оставляет мне свои спички и прячет в карман две коробки спичек фабрики «Пролетарское знамя», Новгородской области. Взгляд буфетчика обращен на тюльпаны, стоящие на столике.

— Тюльпаны советские? — спрашивает он.

— Советские,— отвечаю я и вручаю ему киевские тюльпаны.

Поезд стоит на небольшой станции неподалеку от Татр. Вдали виднеются снежные вершины. Среди них Пик Сталина. За вершинами лежит народная Польша. Где-то там чудесный польский курорт Закопанэ. В вагон снова входит буфетчик. В руках у него охапка сирени.

— Это наша сирень... Прошу вас, возьмите,— говорит он мне.

Снова селения, небольшие речки, мосты. Заводы и фабрики. И кажется, что хлопотливый ход поезда сливается с равномерным трудовым ритмом, которым наполнено все вокруг.

За горами гаснет солнце. Все чаще мелькают электрические огни. Вскоре они набегают с двух сторон сплошными переливающимися лентами... Поезд влетает на станцию Прага.

...Всякий раз, когда приезжаешь в Прагу, не устаешь восхищаться этим замечательным городом, соединившим в себе удивительную жизнерадостность чехословацкой земли и строгость старинной архитектуры. Можно часами ходить по шумным солнечным улицам города, прислушиваясь к разноголосому говору.

Полны продуктами гастрономические магазины. Видишь реальные результаты торговли Чехословакии со многими странами: здесь и советские, и болгарские, и венгерские товары... Мне последний раз пришлось побывать в Чехословакии осенью 1952 года. Теперь, даже во время двухдневного пребывания, нельзя было не заметить значительного подъема жизненного уровня в стране. В магазинах много покупателей. Все они находят для себя товары. Изделия мебельной промышленности, знаменитая чешская обувь, чудесный чешский хрусталь, белье, красивые, добротные ткани — все это видишь и за стеклами витрин и за прилавками магазинов. После денежной реформы, укрепившей чешскую крону, жизнь стала дешевле, товаров стало больше.

Мы наблюдали, как двое молодых рабочих покупали мотоцикл. Один, видимо, уже опытный, с видом знатока осматривал новенькую, сверкающую краской машину. Второй покупатель молча, с почтением слушал своего товарища... Потом он достал деньги, подошел к кассе и уже по-хозяйски взял мотоцикл, вывел его на улицу. Там друзья сели каждый на свой мотоцикл и, не оглядываясь, помчались по широкой улице...

Хороша Прага, но не менее красивы и ее окрестности, сады, неширокая быстрая Влтава, старинные замки, большинство которых сейчас превращено в музеи.

Нам довелось побывать в городе Мельник. С балкона винарни старинного замка видно, как сливается Влтава с Эльбой. Две реки сходятся здесь без шума, словно не желая нарушать мирного спокойствия плодородных долин, подернутых прозрачной голубоватой дымкой...

В замке Кокоржин, стоящем на крутой горе, мы встретили школьников в пионерских галстуках. Они медленно переходили из зала в зал, почтительно слушая смотрителя музея. Пионеры рассматривали глубокий ров и черный колодец, старинную реставрированную мебель, всяческие латы, оружие, посуду, охотничье снаряжение...

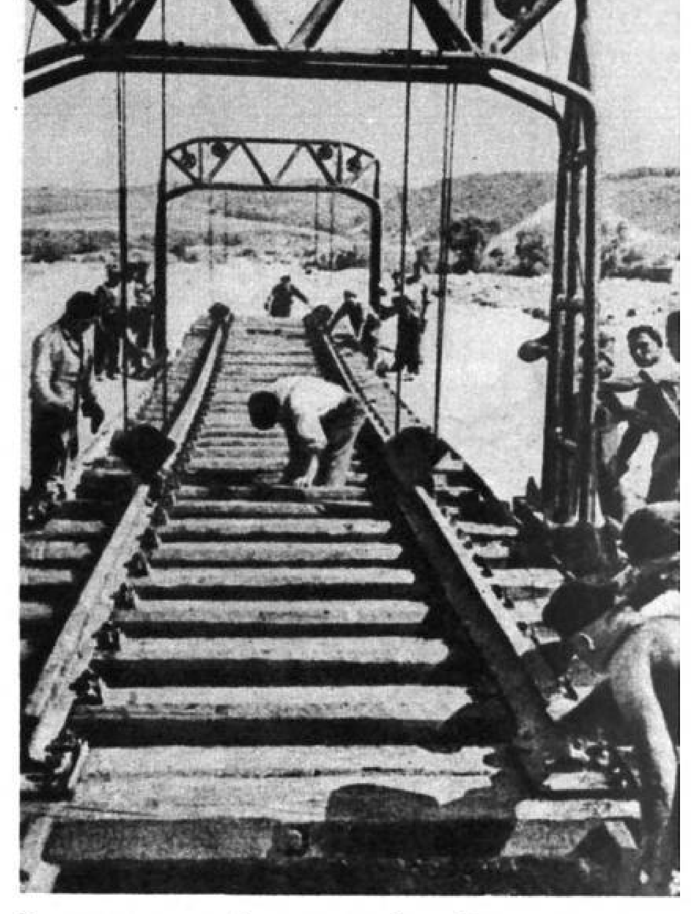
Долгие годы стоит этот замок среди гор и зеленовато-синих лесов. Много крови пролито на подступах к нему... Много хозяев сменилось в нем. И вот дожил старый замок Кокоржин до того времени, когда приходят в его покои хозяева будущего — чешские пионеры, наполняя гулкие комнаты звоном юных голосов.

С Фюрстенбергского сада под Пражским Градом открывается прекрасный вид на город.

ПАРИЖ

На строительстве Дороги дружбы в Чехословакии.

Вместе с председателем Чехословацкого союза писателей Яном Дрдой мы побывали в замке-музее Конопиште. Сейчас здесь в высокой траве среди статуй античных богов бегают пестрые фазаны... А всего десять лет назад именно в этом месте были сосредоточены эсэсовские части фашистского генерала Шернера, отказавшегося сложить оружие уже после капитуляции немецко-фашистских войск в Берлине. Шернер, решив было оказать сопротивление могучему наступлению советских войск, готовил замок к обороне, но потом сам испугался своей неожиданной храбрости и стал отступать в более приемлемую для него сторону, к американцам, но снова испугался, услышав грохот подходящих советских танков, сел в самолет и... был таков. Вся группировка войск Шернера попала в плен к советским войскам.

Незаметно пролетели два дня в Чехословакии. И вот поезд Прага — Париж мчит нас мимо крестьянских полей и строящихся заводов... Мы на пограничной станции Хэб. Короткая процедура с отметкой паспортов. Аккуратный проводник в берете собирает свой чемоданчик и говорит нам:

— Счастливого пути!

Машет нам рукой девочка, и от движения поезда трепещет на ветру ее пионерский галстук... И самое последнее впечатление о Чехословакии — два конных пограничника на высоком холме. Резкий гудок паровоза, белая лошадь взвивается на дыбы... Поезд набирает скорость. Мы в Западной Германии.

Первая станция, возле которой останавливается наш поезд,— Ширндинг. Станция маленькая. На перроне несколько железнодорожных служащих. Они с любопытством рассматривают вагоны. Слышим шаги в коридоре. В купе заглядывает западногерманский пограничник в зеленой форме. За ним — железнодорожный служащий, видимо, таможенник. Паспорта наши не вызывают радости... Здесь же, в коридоре, списывают приметы: «глаза серые», «рост 180», «шатен»... Визы у нас транзитные... Кого может интересовать, что я шатен?

Процедура закончена. Пограничник и таможенник уходят из вагона. Остаемся в купе, рассматриваем станцию из окна. Вот немцы возвращаются, идут к нашему вагону. Пограничник буквально тычет нам в лицо один из паспортов. В чем дело? Читаю и все понимаю: мы не сразу после получения визы выехали из Москвы,— каждого из нас держали всяческие дела. Кроме того, визы получали в разное время, и у одного из нас транзитная виза через Западную Германию просрочена на пять дней. С трудом объясняемся при помощи двух польских дипкурьеров:

— У нас транзитные визы. Мы до Парижа едем с этим поездом.

— Нет, одному из вас придется здесь сойти, звонить в Прагу или вернуться в Чехословакию.

— Мы не собираемся разлучаться.

— Тогда придется сойти обоим.

— В наши планы не входит посещение Западной Германии. Мы едем в Англию, понимаете, в Англию!

Немцы уходят. Мы смотрим в окно. К нам подходит наш проводник, француз.

— Формальность... Французы бы пропустили.

— Ничего, и здесь тоже пропустят.

Проводник недоверчиво качает головой. Снова появляется пограничник. Он раздражен. Разговаривает короткими фразами. Одному придется сойти. Мы сообщаем о нашем решении: у нас транзит, из вагона мы не собираемся выходить. Атмосфера накаляется. Проводник сочувственно вздыхает. Польские дипкурьеры смотрят: чем все это кончится? Наконец пограничник появляется в третий раз. В руках у него белеет какая-то бумага.

— Подпишите,— говорит он.— Акт!

Подписываем. Пограничник ставит штемпели на паспорта и, не попрощавшись, выходит из вагона. Проводник удовлетворенно улыбается.

Поезд гремит на стрелках. На железнодорожном откосе читаем выложенную красными кирпичиками надпись: «Счастливого пути!» Что ж, спасибо хотя бы и за это начертанное, а не произнесенное пожелание...

А мимо проносятся уже другие станции. Небольшие серого цвета дома. Почему-то удивительно безлюдно... Промелькнуло несколько скученных поселков с домами барачного типа. Известно, что правительство Аденауэра искусственно подогревает вражду к Чехословакии и Польше среди немцев, переселенных с польских и чехословацких земель. Тысячи таких немцев поселены вдоль границ. Их держат в состоянии постоянного накала... Уж не они ли это, мужчины и женщины, стоящие у бараков?

Чем дальше летит поезд, тем оживленнее становится пейзаж. Много небольших речек и озер. Около них группами расположились люди. Стоят небольшие автомашины, по дорогам мчатся велосипедисты. По тропинкам степенно идут старики и старухи. Азартно играют в футбол мальчики, обозначив места ворот шапчонками и рубашками. На берегах рек застыли с удочками рыболовы. Совсем мирная картина.

И думаешь, глядя из окна поезда: здесь люди, как и везде, хотят мира! У многих погибли отцы, сыновья и братья... Теперь этих людей стараниями немецких реваншистов и американских атомщиков снова готовят к тому, чтобы они стали пушечным мясом. Смотришь на мирно отдыхающих немцев и думаешь: неужели они все — и эта рыжеволосая девушка на велосипеде и этот парень в клетчатой рубашке, что едут рядом, обнявшись,— заинтересованы в новой войне? Неужели в эти юные головы уже проник военный дурман? Может быть, они накануне свадьбы? Неужели эта девушка, не став еще женой, готовится стать вдовой?

Читали ли они то, что писал их соотечественник, пожилой и хорошо знающий жизнь человек, писатель Пауль Дистельбарт, посетивший Советский Союз? Хотя мы и не можем согласиться с некоторыми частностями, но общий тон его книги «Россия сегодня» объективный, правдивый. Пауль Дистельбарт рассказывает о том, как делегаты из Западной Германии подъезжали к Сталинграду:

«...Среди немцев, находившихся в поезде, не было, вероятно, никого, кто не чувствовал бы беспокойства. Как все обернется? Выразит ли население ненависть или недовольство? Или оно обнаружит ледяную холодность? Мы были готовы к этому. Но все сложилось совершенно по-иному.

Огромная толпа людей занимала всю территорию вокзала, рельсы, а также платформы... При этом не было слишком большого шума; из всех этих дружеских лиц, из смеющихся голубых глаз на нашу маленькую группу струились потоки любви и дружбы. По-другому нельзя сказать, хотя многим это и покажется невероятным; это — единственно возможное и правильное выражение. Со всех сторон нам навстречу тянулись руки с букетами цветов».

А вот описание концерта художественной самодеятельности на сталинградском заводе «Красный Октябрь»:

«...Украшенные лентами парни и девушки, полные силы и грации, запросто спрыгнули со сцены в зрительный зал, все встали, взялись за руки и запели песню демократической молодежи мира, каждая группа на своем языке. Я стоял молча, несколько смущенный, когда ко мне подошли один из молодых танцоров и молодая танцовщица в чепце с развевающимися пестрыми лентами... Девушка смотрела на меня тепло и проникновенно. Я невольно взял ее за щеки обеими руками и поцеловал в губы. И хотя это в России совсем не принято, она, ни секунды не колеблясь, горячо и радостно ответила на поцелуй...»

Пауль Дистельбарт пишет: «Мне трудно говорить об этих вещах, я знаю также, что многие будут «негодовать», но я не могу умолчать об этом».

Знают ли всё это немцы Западной Германии? Или их успешно заставляют «негодовать» те, кого мы видели в американской военной форме несущимися в «джипах» по дорогам Баварии?

...Населенные пункты, поселки, маленькие города стали встречаться все чаще. Временами казалось, что мы едем одним длинным поселком. На смену одноэтажным домам появились многоэтажные... Несколько разбомбленных зданий. Развалины, поросшие травой. Поезд медленно подкатил к безлюдному перрону. Это Нюрнберг. Вот на этих пустынных сейчас улицах среди старых домов маршировали на пресловутых нюрнбергских парадах фашистские молодчики... Здесь по приговору Международного суда были казнены главари немецкого фашизма... Но сколько еще их бродит сегодня, избежавших законной кары, по Западной Германии, уже облаченных снова в генеральские мундиры, распространяющих бредовую идею реванша!

Вечерело. Мы ехали дальше на запад. Солнце закатывалось перед нами. На дорогах и в поселках встречалось все меньше людей...

Совсем затемно мы подъехали к тускло освещенному вокзалу Штутгарта. На перроне было так же пустынно, как и в Нюрнберге. Только вдали виднелись ярко освещенные кварталы города, неоновые огни рекламы.

К нам подошел проводник.

— Господа могут ложиться спать.

— Но ведь скоро французская граница?

— На границе мы будем в 12 ночи.

— Ну, а всякие пограничные процедуры?

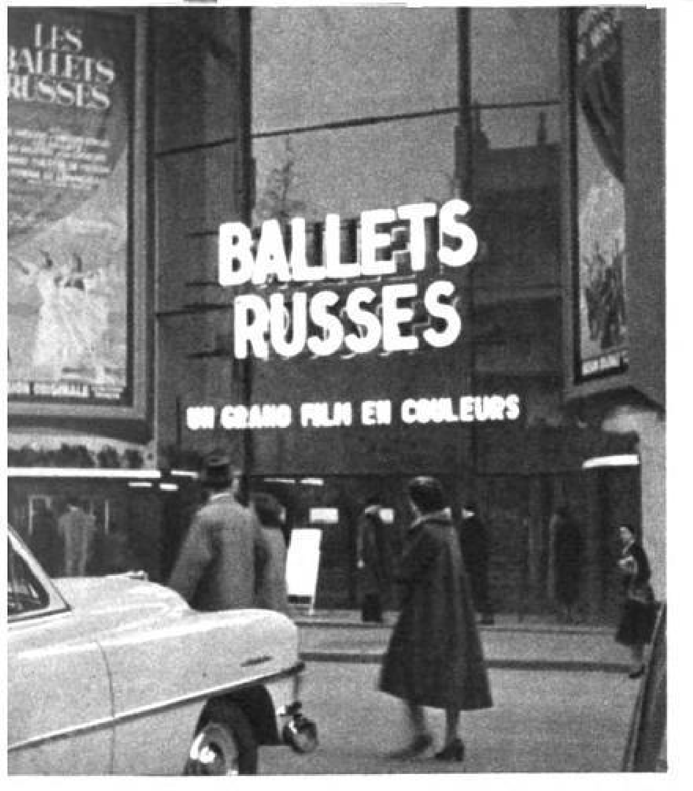
Проводник улыбнулся, видимо, вспомнив наш переезд западногерманской границы:

— О, можете спать спокойно! Французы не будут вас беспокоить.

II. В Париже

За окнами вагона светает. Светает как-то сразу и без прохлады.

Мы мчимся по французской земле. Раскидистая кудрявая зелень, луга. Черные с белым

Париж. Авеню Елисейские поля; кинотеатр «Париж», в котором демонстрируется советская кинокартина «Мастера русского балета».

коровы. Кое-где видны развалины, повитые темным плющом. Война пятнадцать лет назад шла этой дорогой, и следы ее еще заметны кое-где...

На железнодорожном полотне ремонтные рабочие. Некоторые из них в синих старых комбинезонах, но большинство, несмотря на ранний час, без рубашек. Кувалдами забивают они костыли в шпалы, подтаскивают рельсы к насыпи. Поезд проносится мимо них. Внимательно рассматривают рабочие пассажиров, стоящих у открытых окон: поезд из Праги прошел через Западную Германию...

Скоро французская столица. Наряднее становятся дома. Некоторые из них отражаются в серебристой воде каналов. И вот наконец мы уже едем по городским окраинам. Поезд замедляет ход.

Париж!

Шумный, как и в каждом городе, перрон. Толпы людей. Мелькают в воздухе цветы. Носильщики укладывают чемоданы в тележку и везут к стоянке автомобилей. Довольно много военных. Большинство из них — французы, но немало солдат и из колониальных войск. Но вот офицеры в серой форме с двумя буквами на петлицах: «U. S». Американские летчики... Сколько их расползлось по всему свету!.. Здесь, на привокзальной площади великого европейского города, они лениво, с тупым высокомерием рассматривают пеструю толпу парижан, нехотя отвечают на приветствия французских «нижних чинов»...

Как хорош и красив Париж! Последние дни мая. Цветут каштаны, сыплется их белый цвет на тротуары... Солнце, жаркое, но какое-то удивительно мягкое, раскрашивает город в изумляющие глаз цвета. Кажется, весь Париж на улицах. Бесчисленное количество маленьких кафе со столиками на тротуарах. Здесь можно выпить пива, студеной воды с соками...

Узкими, притихшими в этот полуденный час уличками поднимаемся на Монмартр. Одинокие прохожие. Женщины с корзинками у овощных лотков. Неожиданно наша машина делает поворот. Крутой подъем, увенчанный белым собором. Это Сакре-Кёр. Отсюда в легком, дрожащем мареве жаркого дня открывается нам Париж. Внутри собора идет богослужение. Прохладная темнота. Колеблется пламя свечей. Много пожилых людей в черной старомодной одежде...

Едем к площади Этуаль. Посредине Триумфальная арка. Многорядный поток машин обтекает арку со всех сторон; из выходящих на площадь улиц выносятся все новые автомобили. Кажется, что здесь вращается какая-то гигантская карусель, на которой представлены марки автомобилей из всех стран света. Немало машин американских марок. Пробегают и «джипы» с американскими солдатами и офицерами.

Воспользовавшись моментом, когда полицейский на мгновение остановил круговой поток, мы перебегаем площадь и направляемся к Триумфальной арке. Под аркой из-под земли вырывается пламя. Это «могила неизвестного солдата». Около нее аккуратно сложены венки. Подняться на верхнюю площадку Триумфальной арки можно только при помощи лифта. Обслуживают лифты ветераны двух войн.

Словно лучи, расходятся улицы от площади Этуаль. Красивые улицы. Много зелени. И даже круговорот автомобилей отсюда, сверху, не выглядит таким бешеным. Просто действует какая-то мощная пружина, и, послушные ей, мчатся (сверху кажется, что в строгом порядке) сотни разноцветных машин. Вот сейчас завод пружины кончится — все остановится, и станет тихо и спокойно вокруг.

Наш спутник, видя, что мы смотрим в сторону Эйфелевой башни, спрашивает:

— Вас, вероятно, тянет к еще более высокой точке Парижа? Хотите подняться на Эйфелеву?

— Конечно!

Под строгим взглядом ветерана-лифтера спускаемся вниз.

Еще раньше мы заметили, что лицо нашего шофера испещрено мелкими, идущими в разных направлениях шрамами. Оказывается, он участник второй мировой войны. Осколок гранаты разворотил ему челюсть. Он полтора года пролежал в больнице, пока ему по кусочкам собирали лицо, сшивали нос. Мы спрашиваем его, что он думает по поводу перевооружения Западной Германии.

— Я думаю, что если однажды меня кое-как залатали и сделали похожим на человека, то вторично немецкая граната или снаряд просто оторвет мне голову. Будет, правда, меньше заботы для медицины, но больше неприятностей для меня!..

...Для того, чтобы подняться на верхнюю площадку Эйфелевой башни, требуется постоять в очереди у кассы, уплатить 400 франков, затем пройти к лифту. На башне три площадки; чем выше, тем дороже плата. На площадках, где пересаживаешься на другой лифт, десятки киосков с сувенирами: Эйфелева башня в миниатюре, фотографии, чернильницы и прочая мелочь. Здесь же небольшие кафе — содовая вода, лимонад, бутерброды. Некоторые экскурсанты поднимаются сюда на большой срок; поднимаются трезвыми, спускаются навеселе. Со всех сторон слышится разноязычный говор, словно это не Эйфелева, а вавилонская башня.

В медленно поднимающемся среди красивых стальных конструкций лифте мы видим и почтенных старцев с седовласыми подругами жизни и семнадцатилетних девушек с тонкими талиями, в туфлях на босу ногу. Они крепко прижимаются к своим дружкам.

С верхней, третьей площадки виден весь Париж. Он тает в тихой, прозрачной дымке. Город кажется бесконечным, окраин его не видать. А все, что поближе,— Сена с перекинутыми через нее мостами, дворцы и площади, маленькая с такой высоты Триумфальная арка, серые дома с черными крышами, ансамбль Лувра, неширокие ленты улиц с разноцветными точками автомашин — все это лежит под нами, как огромная рельефная карта. В открытые стекла врывается прохладный сырой ветер, но так не хочется уходить!

Мы долго стоим, рассматривая этот изумительный по красоте город. Слева от нас какие-то люди разговаривают на английском короткими, отрывочными фразами.

— Смотрите, город разбит на квадраты,— говорит один.

— Большая площадь, сразу не облетишь.

— А вон, видишь, квадрат Лувра?

Мы оглянулись. Разговор вели три американских летчика. Они были в форме, со свежими орденскими колодками на груди. Профессиональным взглядом смотрели они с высоты Эйфелевой башни на столицу Франции, словно решая учебную задачу на прицельное бомбометание. Стало не по себе.

Оставив американских летчиков заниматься дальнейшими «теоретическими изысканиями», мы пошли к лифту.

...Вскоре машина подвезла нас к площади Инвалидов. Она была уставлена балаганами, каруселями, американскими горками, тирами, дешевыми аукционами, размалеванными палатками гадалок и предсказателей судьбы... Все это кричало и зазывало. Со всех сторон доносились треск и грохот непомерно усиленных репродукторами пластинок. На большой круглой площадке под навесом мчались приземистые маленькие обтекаемые двухместные машины. В них сидели солдаты, девушки с раскрасневшимися лицами. Задача каждой машины заключалась в том, чтобы посильнее ударить другую. Все это скрежетало, словно здесь раздирали на части огромные полосы железа...

Уже позже, под вечер, мы снова пересекли площадь Инвалидов. Утренняя духота сменилась холодным ветром, временами шел мелкий дождь. Балаганы закрывались. Стерев румяна и сбросив пестрые одежды, сидели за столиками гадалки, предсказатели судьбы, владельцы тиров и устало жевали бутерброды, запивая их кофе, что с утра еще стояло в термосах. Одинокие бродяги толпились между балаганами, но на них никто уже не обращал внимания.

Площадь Республики. Площадь Нации. Вандомская площадь. Площадь Бастилии. История Франции вставала за каждым из этих названий... Здание Гранд-Опера. Здесь весной должны были состояться выступления артистов советского балета. Убоявшись проявления дружественных чувств парижан к советскому искусству, правительство Ланьеля не разрешило гастроли. Французы возмущались, негодовали. Об этом помнят в Париже. Нам рассказывают, что на гастроли советских артистов в Париж приезжали любители балета из Голландии, Бельгии, Англии.. Спекулянты перепродавали билеты, в двадцать раз увеличив их стоимость... Сколько нелестных слов сыпалось на голову правительства, когда люди, перекупившие билеты у спекулянтов, сдавали их в кассу театра и получали номинальную стоимость! Но были и другие случаи. Когда советские артисты улетали из Парижа в Берлин, к Галине Улановой на аэродроме подошел пожилой человек и сказал:

— Я приехал издалека, заплатил за билет очень дорого, но сдавать билет в кассу я не буду. Прошу вас оставить на моем билете ваш автограф. Этот билет я буду хранить до конца моей жизни...

Хороши по утрам набережные Сены. Пришел час, когда парижане расходятся по заводам и фабрикам, конторам, банкам, магазинам. Плывут под мостами маленькие катера и лодки. Сидят с удочками одинокие рыболовы. Выходят к реке художники с мольбертами и набрасывают на холст эти желтовато-сиреневые тона, часто неуловимые в своих переходах. Здесь, на берегу Сены, не так давно состоялась своеобразная выставка-аукцион, на которой были выставлены работы уличных художников и просто художников, чьи работы не были приняты на годовую выставку в Гран-Палэ. Рассказывают, что выставка на берегу Сены, устроенная по соседству с палатками букинистов, прошла довольно оживленно. Многие из картин были посвящены острым социальным сюжетам. Публика охотно посещала выставку, шли оживленные дискуссии, только картин было продано мало.

Довелось побывать нам и на годовой выставке в Гран-Палэ. Трудно давать оценку большому количеству картин, представленных на выставке. Были среди них и работы, оставляющие сильное впечатление, но главное, пожалуй, не в этом. За последние годы в скандинавских странах мне довелось повидать немало выставок современной живописи и скульптуры. К сожалению, многие из работ художников носили откровенно формалистический характер: линии, прямоугольники, какофония цветных пятен. То же можно сказать и о скульптуре. Разные мотивы владели, видимо, авторами этих произведений. Запомнился один исландский скульптор, студию которого мне довелось посетить в столице Исландии Рейкьявике. Когда-то он учился в Париже. Он показывал свои старые работы — интересные, реалистические, говорящие об отличном знании человеческого тела. Нынешние статуи скульптора оказались похожими на каких-то чудовищных роботов. Мы не могли скрыть разочарования. Одна фигура нас просто ужаснула: это было что-то вроде осьминога — много конечностей, маленькая голова... Но, как ни странно, художник, видимо, был доволен впечатлением, которое оставила на нас эта скульптура.

Могила неизвестного солдата.

ПАРИЖ

Фото В. НЕСТЕРОВА.

Вид с Нотр Дам.

На одной из улиц Парижа.

Театр «Гранд-Опера».

Центральная часть Лувра.

— Страшно? — спросил он.

Мы признались, что действительно страшно. Скульптор серьезно сказал:

— Видите ли, у нас в Исландии сейчас много американцев... Они оккупировали наш остров. Я хочу просить муниципалитет Рейкьявика разрешить мне поставить эту скульптуру на центральной площади города. Я думаю, что американцы, посмотрев на нее, испугаются и покинут остров.

Это было и наивно и печально, но в словах художника звучала большая искренность.

Здесь, на годовой выставке в Париже, картины и скульптуры никого «не пугали», но в подавляющем большинстве они и не очень радовали. Заметна некоторая тенденция к отходу от «абстрактного» искусства, ничего не говорящего ни уму, ни чувствам зрителя. Как правило, человек снова стал занимать центральное место в картинах. Но это чаще всего портретная, иногда почти фотографическая живопись. Много пейзажей: сад, река, улица, магазин, поле. Мало обобщений. Чаще всего художник все еще решает чисто формальную задачу игры света, красок.

Посетителей на выставке было немного. На скамьях сидели древние, в драгоценностях, старушки и о чем-то спорили. Уже уходя, мы встретили возле скучающих продавцов — картины не очень продаются — женщину с волосами, выкрашенными в огненно-рыжий цвет, в синих брюках, с лихорадочно горевшими глазами, с лицом, похожим на маску. Кто она была, не знаю, но всем своим видом она както символизировала многое из того, что мы видели на выставке,— красок много, а для чего они, непонятно.

Париж. Площадь Конкорд. Вид из сада Тюильри.

Фото В. Нестерова.

...Огромное, почерневшее здание Лувра, спокойное в своей величавости, возвышается над набережной Сены. У входа снуют настойчивые продавцы открыток, и надо затратить немало усилий, чтобы отвязаться от них и пройти в музей. В нижнем вестибюле на широких прилавках продаются альбомы репродукций Рембрандта, Рубенса, Рафаэля, Тициана. Здесь же можно купить бронзовые, медные, гипсовые копии скульптур. Вход в Лувр стоит в три раза дешевле, чем на годовую выставку художников. За 50 франков вы можете целый день наслаждаться величайшими ценностями искусства, накопленными человечеством за много веков. В Лувре многолюдно, залы наполнены посетителями. Французская, английская, немецкая, итальянская речь. Много туристов. Немало и гостей из-за океана. Но здесь они теряются в живой людской массе, где видишь парижских рабочих и студентов, серьезную, сдержанную молодежь, видишь и пожилых ценителей, способных часами просидеть на скамеечке против Джоконды Леонардо или простоять возле статуи той, кто считается образцом женской красоты,— Венеры Милосской. У Джоконды всегда много зрителей. Некоторые стоят часами, вглядываясь в этот узкий разрез глаз, которые смотрят на тебя пристально и испытующе.

Париж. Вход в метро.

Седая копистка переносит черты Джоконды на холст. Это для нижнего этажа, для продажи. Немало есть охотников на эти копии. Пусть это не сам подлинник, но копия, сделанная в Лувре, как бы несет на себе дыхание великого искусства.

Переходим из зала в зал. Рафаэль. Рембрандт. Французские мастера. Давид с его точными и безжалостными портретами. Потрясает гигантская разносторонность Делакруа, огромный диапазон его творчества. И вдруг среди разноголосицы наречий и языков мы слышим спокойный русский голос. Около двадцати девушек и юношей стоят возле картины, изображающей Наполеона в снегах России. Группу молодежи сопровождает худая черноволосая женщина с злым остроносым лицом. Она говорит по-французски. Переводит ее речь на русский светловолосый юноша. Переводит, стараясь казаться серьезным, и соблюдает точность:

— Наш экскурсовод говорит, что эта картина изображает императора Наполеона, когда он отступает из России, побежденный снегами и морозом...

Юноши и девушки молча переглядываются. Женщина-экскурсовод замечает это и торопливо переходит к другой картине. Видимо, она понимает, что не очень убедительно звучит ее объяснение поражения Наполеона «снегами и морозом». Три недели уже путешествуют советские студенты по Франции. В это время в Советском Союзе французские студенты пользуются гостеприимством своих московских коллег. Накануне наши студенты были на приеме у министра просвещения. Подняв бокал шампанского, министр провозгласил тост за развитие культурных связей между Францией и СССР. Это было через несколько дней после отъезда из Парижа нашего балета.

В Лувре в небольшом зале стоит совсем маленькая картина художника Жана-Луи Месонье «Баррикады». Парижская улица. Полуразрушенная баррикада. Возле баррикады лежат убитые... Ни одного живого человека... Но сколько сказано художником в этом маленьком шедевре!

Устремлена в будущее картина Делакруа «На баррикадах 1830 г.». Развевается национальное знамя Франции. Женщина — свободолюбивая Франция — под знаменем. Рядом с ней человек в гражданской одежде — автопортрет художника. Бок о бок с ним на баррикаде мальчик. Таким мы привыкли представлять себе Гавроша из «Отверженных» Виктора Гюго. Малыш этот — будущее Франции.

Так и сейчас: народ Франции рвет путы кабальной зависимости своей родины от американского империализма. Разные люди грудью защищают честь Франции, национальное знамя Франции, разные люди, от маститых государственных деятелей до рядового рабочего автомобильного завода «Рено», от замечательного гуманиста-ученого Жолио-Кюри до трудолюбивого виноградаря Шампани.

И невольно, когда покидаешь старинные своды Лувра и выходишь на широкую площадь с отшлифованной десятилетиями мостовой, думаешь о том, как поистине бессмертны эти произведения искусства и как современны они. Бессмертны и современны потому, что в них художник отчетливо выразил свое отношение к времени, свои «за» и «против» и прежде всего сказал слово в пользу своего народа...

Чудесен Париж вечером. Небольшие озера Булонского леса. По ним, взмахивая веслами, не спеша проплывают лодки. На скамьях сидят пожилые люди. Старики попыхивают синим дымком из трубок.

В такой вечер мы уезжали из Парижа. Утомленные, втиснулись в маленькое купе. Вагон еще дышал дневным теплом. Поезд тронулся. Париж замигал переливчатыми огнями...

За́полночь я проснулся от неожиданной тишины. Поезд стоял. За окнами вагона кто-то переговаривался. Случайно я прикоснулся к стенке — она была холодна. Я вышел в коридор и поднял занавеску. В глаза ударил желтый, чуть рассеянный свет электрических ламп. Какие-то смутные очертания построек и зданий в темноте ночи. Уже позже я узнал, что яркий желтый свет нужен для того, чтобы в туманы — а их здесь, особенно зимой и осенью, бывает немало — можно было что-то увидеть. Обыкновенный свет не пробивает туман, вязнет в нем. Я пытался что-то различить, увидеть — ведь здесь мы покидали Францию — и не смог.

Рассеянные пучки желтого света. Постукивание молоточков по осям колес... Потом вдруг поезд дернулся и медленно пошел. Поезд въезжал на паром, который должен был переправить нас через Ла-Манш. Послышались отрывистые слова, снова постукивание молоточками, тихий, протяжный скрежет железа. Люди работали.

Рассказы ХУДОЖНИКА

Татьяна ТЭСС

Лесная дорога.

Талантливые произведения искусства редко умещаются в узкожанровых рамках: есть черты, сближающие и роднящие эти произведения вне зависимости от их жанра. И когда перед нами живопись или рисунок, согретые подлинным чувством, наполненные большим содержанием, мы ощущаем их как рассказ о человеческой жизни, глубокий, тонкий и прекрасный рассказ, который художник передает средствами, присущими его роду искусства.

Если просмотреть работы художника Ю. И. Пименова, сделанные в течение ряда лет, мы увидим, как перед нами страница за страницей раскрывается повествование о нашей жизни, о современниках, выполненное рукою талантливого и умного мастера.

В каждом произведении Ю. И. Пименова мы чувствуем наблюденные художником приметы времени. В Третьяковской галерее висит картина «Новая Москва». Она написана Пименовым в 1937 году. То была пора, когда все явственнее проступали контуры Москвы будущего, когда очертания новых зданий, свободно и могуче стремящихся ввысь, как бы прорезывались на старых московских улицах. Точно и рельефно передано в картине «чувство нового». Оно передано множеством средств: движением, ритмом, цветом, широтой перспективы; оно воплощено и в силуэте новых зданий и в легкой, спокойной осанке девушки-водителя, сидящей за рулем машины.

Вспомним другую картину Пи-

Утро.

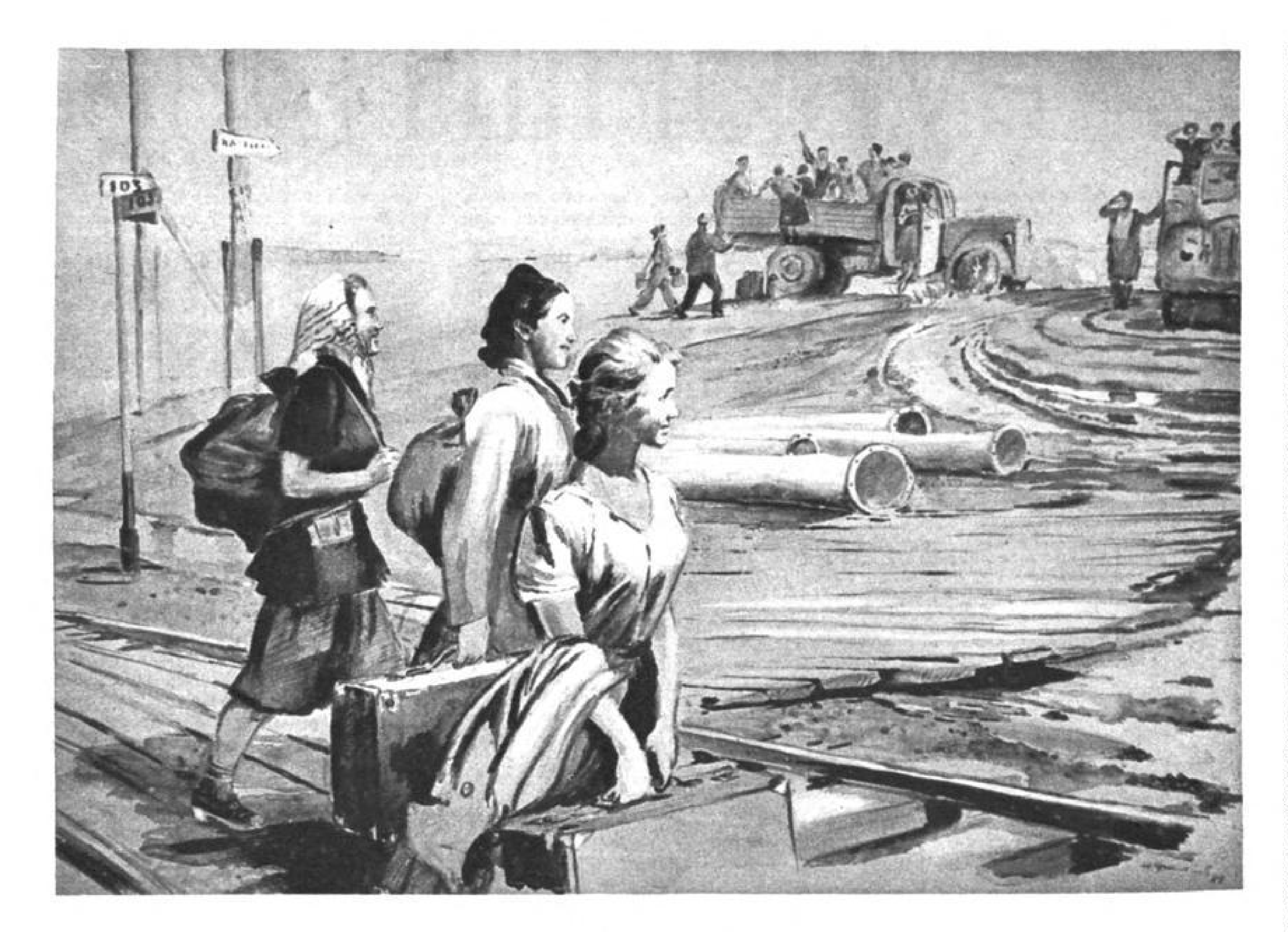
менова — «Фронтовая дорога». Сурова и тревожна эта дорога, изрытая снарядами, с разбитыми пушками и темными, обгоревшими руинами. Как знакома фигура

Завтрак.

«Пойдем вечером в кино?»

Они приехали на практику.

девушки-водителя, сидящей за рулем военной машины! В ней то же спокойствие, та же уверенность, лишь все черты стали более зрелыми и строже. И мы встречаем ее на фронтовой дороге как знакомую, как давнего друга.

Я вспоминаю эти картины потому, что в них очень полно сказалась одна из особенностей художника: «узнаваемость» его героев. Увидев на стройке молодую работницу, встретив в деревне старого колхозного каменщика или веселую трактористку в платочке и мужском комбинезоне, можно узнать в них черты тех самых людей, которым посвящены работы Пименова. Это сходство не во внешних, «портретных» подробностях: художник показывает нравственную природу советских людей, их душевную чистоту и силу, трудолюбие, любовь к жизни. Поэзия созидания, поэзия труда — эта главная тема проходит через многие произведения Пименова.

Герои картин Ю. И. Пименова — люди простые. Это строители, водители машин, трактористки, школьники, огородницы, студентки, приехавшие на практику, работницы, колхозные девчата. Пейзажи его тоже просты: московские окраины; лесная дорога с вдавленными в колеи следами шин и оконцами воды, отражающими небо; чистые и прямые стволы сосен, чуть подернутые лесным туманом.

Но когда мы видим приехавших на практику студенток, с тревожной радостью, с изумлением оглядывающих открывшиеся перед ними шумные просторы стройки, мы ощущаем в картине всю атмосферу строительства, его мощь, его романтику. И когда перед нами курносая лукавая девушка-маляр, кокетливо охорашивающаяся перед зеркальцем, или водительница самосвала, которая, перед тем как тронуть с места нагруженную экскаватором машину, задорно договаривается с экскаваторщиком о посещении кино, нас подкупают живость, человечность, точность данных художником характеристик.

Образы советских женщин запечатлены во многих работах Пименова — последовательно и вдумчиво художник создает портреты наших современниц, тружениц советской земли. Он показывает их в милой нашему сердцу повседневности, в мире простых вещей, обычных явлений. Но художник стремится увидеть и раскрыть глубокий смысл типических явлений, показать рост советского человека, и поэтому в его картинах сквозь малое видится великое, открывается большое, прекрасное содержание нашей жизни.

Бытовой жанр — один из важнейших разделов советского изобразительного искусства. Художник-жанрист повествует о нашей жизни, о наших людях, их труде, быте, раздумьях, чувствах. Но правда факта — это только сырье, из которого художник-реалист выплавляет большую правду жизни. От внешней «схожести» до подлинной правды жизни немалый путь.

В работах Ю. И. Пименова есть острое чувство нашей действительности, они согреты чистым и свежим ее дыханием. Ю. И. Пименов — художник, бесконечно любящий своих героев. Сила этой любви, взыскательной и пристальной, освещает его работу.

Кокетка.

МАСТЕР СОВЕТСКОГО ОЧЕРКА

Имя Бориса Галина, лауреата Сталинской премии, известно читателю уже давно.

Галина, журналиста, корреспондента «Правды», в годы первых пятилеток можно было встретить всюду, где было особенно горячо: на стройке и освоении первенца советской индустрии — Сталинградского тракторного, в дни пуска «завода заводов» Уралмаша, в Донбассе, когда вспыхнула первая искра стахановского движения... Всегда оживленный, общительный, жадный до всего нового, он обычно оказывался душой журналистского корпуса. В этой горячей работе рождались книги, такие, как «Переход», «Испытание» и другие.

В годы войны Б. Галин — корреспондент «Красной звезды». От Терека до Берлина прошел он вместе с победоносными советскими войсками. Навсегда запомнились читателям его душевные, глубокие по содержанию очерки героических лет.

Накапливался опыт, углублялись знания. Уже нельзя было довольствоваться только корреспонденцией, газетным подвалом, зарисовкой, переданной по телеграфу с места событий... Узнанное и понятое теснилось в сердце и требовало воплощения в формах, более широких, свободных, многосторонних...

Так возникли послевоенные произведения Бориса Галина. Они рождались тоже как результат жадного исследования жизни. Их темой стал Донбасс — его инженеры, рабочие, пропагандисты, партийные работники. В них с новой силой проявилось основное, что всегда звучало в творчестве писателя: поэзия и философия созидания. Каков советский человек в труде, в изобретательстве, в борьбе за свою идею? Как проявляется личный характер человека в его общественном, производственном творчестве? Как сочетаются в нашем человеке горячая страсть и ясная мысль? Таковы темы новых книг Б. Галина — «В Донбассе», «В одном населенном пункте» и «Чудесная сила».

Сейчас, в год своего пятидесятилетия, талантливый очеркист вновь вернулся к своей давней теме — Сталинградскому тракторному заводу, его людям, прошедшим большой и славный путь за минувшие годы.

Бор. АГАПОВ

АНТОН РУБИНШТЕЙН

Исполнилось 125 лет со дня рождения и 60 лет со дня смерти Антона Рубинштейна. Рубинштейн, являясь наряду с Листом величайшим пианистом мира, в то же время был выдающимся музыкальным деятелем и гениальным композитором.

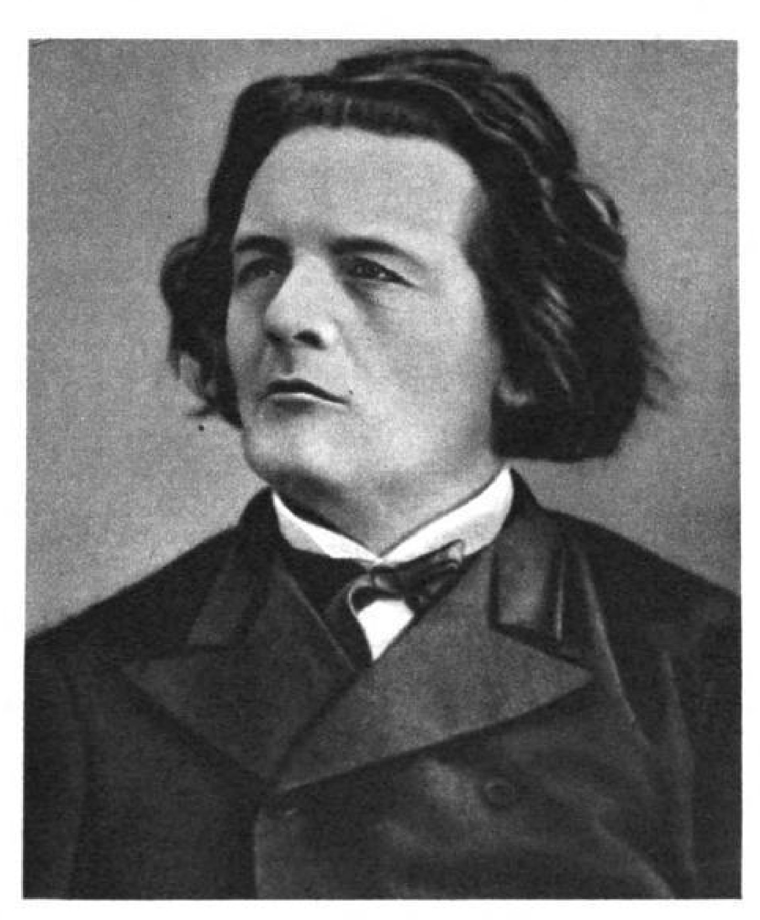
Жизнь Рубинштейна была, по очень верному замечанию Куприна, жизнью триумфатора и мученика. Уже в 1839 году, когда Антону Рубинштейну минуло всего 10 лет, об одном из концертов «дитяти-артиста» писалось: «Все игранное молодым Рубинштейном было выполнено с удивительным, можно сказать, искусством, удивительным потому, что миниатюрный артист побеждает своим искусством физические затруднения, налагаемые его летами: крошечные пальчики, перебегая с чрезвычайной ловкостью по клавишам, вызывают звуки чистые, прекрасные, слабая маленькая ручка старается придавать этим звукам надлежащую силу, и, что всего замечательнее, он вникает в идею композитора, постигает и передает ее ясно, выразительно и с возможной точностью...».

При этом нельзя упускать из виду, что, как писал впоследствии сам Рубинштейн, мальчик смотрел на свои концерты «как на игрушку, как на забаву, т. е. относился к ним как ребенок, которым и был». Но это был ребенок, игрой которого восхищался первый пианист мира Франц Лист, ребенок, которому играл свои еще не опубликованные произведения великий Шопен. «Богами» тогдашнего музыкального Олимпа маленький русский пианист был принят, как равный.

Трудно поверить тому, что основатель первой русской консерватории, пламенный пропагандист высшего музыкального образования в России Антон Григорьевич Рубинштейн... не учился ни в одной музыкальной школе и вообще не получил «академического» образования. «С 13 лет от рождения я был уже сам своим учителем», — писал впоследствии Рубинштейн. И это была истина. Только в детстве, с 8 до 13 лет, Рубинштейн занимался с московским педагогом А. И. Виллуаном, одним из тех ратоборцев музыкально-педагогического дела, в руках которых самое преподавание музыки становилось искусством.

Рубинштейн не получил никакой школьной академической выучки, но он никогда не переставал совершенствоваться, никогда не прекращал без устали работать над собой, жадно приобретать знания. Блеск ранней славы не ослепил молодого музыканта. Шестнадцати лет от роду, обладатель уже довольно громкого артистического имени, А. Рубинштейн едет учиться в Вену, город Моцарта и Бетховена. В этой пышной и богатой австрийской столице он влачит полуголодное существование. «В Вене имел я уроки: большинство были грошовые... нередко случалось, что дня по два, по три я не имел чем заплатить за обед», — сообщает Рубинштейн в автобиографии.

Нелегко дать исчерпывающий творческий портрет Антона Рубинштейна. Но, пожалуй, лучше всего раскрывают его облик слова Петра Ильича Чайковского: «Я обожал в нем не только великого пианиста, великого композитора, но также человека редкого благородства, откровенного, честного, великодушного, чуждого низким чувствам и пошлости, с умом ясным и с бесконечной добротой — словом, человека, парящего высоко над общим уровнем человечества... Я покинул консерваторию, полный благодарности и безграничного удивления к моему профессору».

А. Г. РУБИНШТЕЙН.

«Безграничное удивление» — эти слова Чайковского очень точно выражают то чувство, которое испытывали по отношению к Рубинштейну современники и испытываем мы, его потомки, испытываем тем сильнее, чем полнее и глубже изучаем его творчество — исполнительское и композиторское.

Среди огромного количества произведений, составляющих композиторское наследство Рубинштейна, есть немало и далеких от совершенства, иной раз даже слабых, эскизных сочинений. Но создатель «Демона» уже по одному этому сочинению должен быть признан великим художником: не случайно эта опера вошла в золотой фонд русского оперного театра и вот уже более семидесяти лет не сходит с репертуара. Неисчерпаемые мелодические богатства «Демона», дивные поэтические красоты, поднимающиеся временами до уровня лермонтовской поэзии, делают эту оперу одним из драгоценнейших шедевров мировой оперной литературы. Можно ли не любить такие жемчужины хорового письма, как знаменитая «Ноченька» или женский хор «Ходим мы к Арагве светлой»! Можно ли не восхищаться великолепной картиной шествия каравана, страстной лезгинкой! Можно ли оставаться равнодушным к благоуханно нежной лирике партии Тамары или мужественной красоте превосходно написанных, классических образцов вокального письма в партиях Демона, молодого князя Синодала! Рубинштейн как великий музыкальный колорист весь сказался в «Демоне», и именно здесь он всего ближе стоит к классическим традициям русского национального оперного творчества.

Но и в симфоническом наследстве Антона Рубинштейна есть немало замечательного. Бородин недаром указывал, что в симфонической картине Рубинштейна «Иван Грозный» «очень много хорошего...» В устах творца «Князя Игоря» и Богатырской симфонии такая оценка приобретает особую вескость...

Немало гениально прекрасной музыки в так называемых «библейских» операх Рубинштейна, и в особенности в опере «Маккавеи». Что же касается песенно-романсового наследия Рубинштейна, то оно составляет настоящую мелодическую сокровищницу. Из двухсот романсов Рубинштейна многие по всей справедливости могут быть поставлены в один ряд с романсами Глинки и Чайковского, Шумана и Шуберта.

Нечего и говорить о фортепианном творчестве Рубинштейна. Здесь великий композитор равен себе как великому пианисту. Пять концертов для фортепиано с оркестром, из которых, например, Третий (соль-мажор) и Четвертый (ре-минор) являются классическими. Полная ослепительного, виртуозного блеска фантазия «Русская и трепак», блестящий концертный «Вальс-каприс», баркароллы, цикл «Петербургские вечера» — все это лишь незначительная часть огромного композиторского наследия, завещанного родной стране Антоном Рубинштейном.

Как знать? Быть может, если бы концертно-исполнительская, а частью и организаторская деятельность Рубинштейна не поглощала громадной энергии и так много сил художника, на свет появилось бы гораздо больше законченных шедевров его композиторского мастерства. Но Рубинштейн был прежде всего, как говорил о нем Стасов, «гениальнейший, глубочайший по духу и поэзии изумительнейший пианист...» Таковы же свидетельства его слушателей — а среди них были чуть ли не все великие музыканты прошлого столетия, по крайней мере второй половины века. И, что всего более знаменательно, в оценке игры Рубинштейна разногласий не было. Величие этого артиста безоговорочно признавали даже самые яростные противники его как композитора и общественного деятеля, представители самых различных, нередко враждебных идейно-эстетических направлений.

Нам невольно передается волнение слушателей, когда мы читаем рассказ Стасова о том, как Рубинштейн играл Сонату quasi una fantasia Бетховена. «Вся зала замерла, — вспоминает Стасов, — наступила секунда молчания, Рубинштейн собирался, раздумывал — ни один из присутствующих не дышал даже, словно все разом умерли... И тут понеслись вдруг тихие, важные звуки, точно из каких-то незримых душевных глубин, издалека, издалека. Одни были печальные, полные бесконечной грусти, другие задумчивые, теснящиеся воспоминания, предчувствия страшных ожиданий. Что тут играл Рубинштейн, то с собою унес в гроб и могилу, и никто, может быть, никогда уже не услышит тонов души, этих потрясающих звуков...» Так великий русский артист открывал слушателю «святая святых» Бетховена, и так же раскрывал он бездонные глубины творчества Баха и красоты музыки Моцарта, Шопена, Шумана, да и всех других, кто составляет славу и гордость мирового музыкального искусства.

Рубинштейн является создателем нового, русского стиля исполнительского искусства, искусства, строгого в своей страстной человечности, в котором не может быть места виртуозному трюкачеству, тому, что Гейне причислял к «области фокусничества, умения глотать сабли, искусства ходить по канату и танцевать на яйцах».

Антон Рубинштейн, величайший русский пианист, композитор, организатор высшего музыкального образования в России, самоотверженно любил родную страну и родное искусство и служил ему всю жизнь, до последнего вздоха.

В. ГОРОДИНСКИЙ

СИЛА КОМАНДЫ

Финальный заезд четверок с рулевыми на первенстве Европы 1954 года.

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ

До дня соревнований на первенство Европы оставалось всего двадцать дней, дорога была каждая минута, а тренировка снова срывалась.

Гребцы сидели на скамеечке у Москвы-реки, и каждый с неприязнью думал о Владимире Бурачке, который уже не раз подводил команду.

— Ну, что будем делать? — продолжая начатый разговор, спросил тренер Евгений Кабанов.

— Я предлагаю,— сказал Сиротинский,— независимо от того, придет Владимир или нет, в лодку его не сажать, а перевести в запас.— И эти слова прозвучали как приговор, потому что заслуженный мастер спорта Евгений Сиротинский — загребной четверки общества «Крылья Советов», самый старший среди своих товарищей и по возрасту и по спортивному стажу, пользовался большим авторитетом в команде.

Решение было единодушным. И, тем не менее, каждый из гребцов — и сам Сиротинский, и Федор Сухов, и Евгений Кузнецов, и рулевой четверки Сергей Носов жалели товарища.

— А кого мы посадим на место Володи? — спросил Кузнецов.— Ведь не так-то просто за две недели найти человека, который прямо с хода вошел бы в коллектив, оказался на месте.

И тут-то Сиротинский внес предложение, которое привело в смятение всю команду.

— Попросим посадить к нам в лодку Юрия Тюкалова, — сказал он. — Как ты на это смотришь, Евгений Леонидович? — обращаясь к тренеру, спросил загребной.

— Тюка-а-алова?! — хором переспросили Кузнецов и Сухов.— Юрия Тюкалова?.. А пойдет он?

— Почему же ему не пойти? — ответил за Сиротинского Кабанов.— Я считаю, что это прекрасная мысль.

Да, Тюкалов, наверное, смог бы заменить Бурачка. Ведь он начинал в свое время не с одиночки, а с распашной двойки, четверки, восьмерки. Правда, с тех пор много воды утекло. Тюкалов ушел из восьмерки «Красное знамя», начал грести на скифе-одиночке и вскоре стал чемпионом страны, а затем и чемпионом олимпийских игр. Но после этого стремительного взлета наступила полоса неудач. Он проиграл первенство Европы 1953 года, а затем и первенство страны 1954 года. Куда девались былая уверенность и сила гребца? Этот вопрос волновал товарищей Юрия Тюкалова. Этот вопрос обсуждался на страницах спортивной печати. Было решено на первенство Европы выставить вместо Тюкалова его молодого победителя Александра Беркутова; сам же Тюкалов оказался, в сущности, не у дел, в запасе. И вот его-то Сиротинский предложил включить в четверку вместо Владимира Бурачка.

Казалось, такая кандидатура должна была вызвать сомнения: многие считали, что причина неудач Тюкалова в слабости его воли. Он привык лидировать и отказывался от борьбы, как только терял это лидерство. Не повторится ли с ним то же и в четверке?

Но команда четверки была уверена в своих силах, в своей слаженности. Нет, в трудную минуту они всегда поддержат товарища, увлекут его за собой.

— И как знать, не вернем ли мы Юрию веру в себя? — сказал Евгений Сиротинский.

А Сергей Носов добавил:

— Да, ему будет очень полезно снова посидеть в команде... Что такому гребцу делать в запасе?

...В 1952 году во время весенней подготовки к олимпийским играм весь нынешний экипаж четверки, за исключением Кузнецова, тоже находился в запасе восьмерки сборной команды страны.

Разными путями они пришли в запас. Студент института физкультуры Сиротинский был к тому времени уже известным всей стране загребным. Сухов, студент технического вуза, всего два года занимался греблей, а Бурачок успешно выступал на одиночке, а потом и в составе безрульной четверки.

Они начали грести в четверке для того, чтобы не терять спортивной формы, чтобы в нужный момент заменить любого гребца из восьмерки. Но в ходе занятий спортсмены и тренировавший их один из лучших знатоков академической гребли Александр Михайлович Шведов поняли, что команда может рассчитывать на большее. И после олимпийских игр, в которых им так и не удалось участвовать, четверка «Крылья Советов» стала принимать участие в соревнованиях.

В борьбе с сильнейшей ленинградской четверкой общества «Красное знамя», где загребным был опытный гребец Федоров, закалялся молодой коллектив. В 1953 году команда выиграла у ленинградцев семь встреч.

В 1954 году на Хенлейской регате в Англии спортсмены успешно выступили на безрульной четверке.

Три раза принимали старт Сиротинский и его друзья, добиваясь права участвовать в финале, и три раза были первыми. Их соперниками в финале оказались гребцы команды Королевских военно-воздушных сил — сильнейшая четверка Англии. На протяжении тысячи метров обе лодки шли нос в нос. Но москвичи, славящиеся своим умением наращивать скорость, со второй половины дистанции вырвались вперед и завоевали традиционный кубок и золотые медали Хенлейской регаты.

Да, гребцы четверки «Крылья Советов» имели все основания верить в свои силы, когда почти накануне первенства Европы решили заменить Владимира Бурачка Юрием Тюкаловым.

...На первых тренировках Тюкалову пришлось трудно. Он никак не мог приноровиться к остальным членам команды. Сиротинский, Сухов и Кузнецов чувствовали, что лодка не

На канале Босбаан. Слева направо: Ф. Сухов, С. Носов, Е. Кузнецов, Ю. Тюкалов и Е. Сиротинский готовят свой скиф.

Фото Е. Кабанова.

«заводится» с первых гребков, как это бывало у них обычно. Вместо ровного и безукоризненно прямолинейного хода легкий скиф покачивался и вздрагивал, словно корабль, у которого мотор работает с перебоями. Но замечания тренера Евгения Кабанова, сопровождавшего лодку на катере, помогли Тюкалову быстро освоиться. С каждым новым выходом на воду все слаженнее и ритмичнее становились действия гребцов, и спортсмены только на старте, пока Тюкалов включался в ритм команды, помнили, что в скифе сидит новый человек. Но как только лодка набирала скорость, четверка начинала грести сильно, ритмично и ровно, как всегда.

И вот Голландия. Прямой, обсаженный кудрявыми зелеными деревьями гребной канал Босбаан, лодки 18 стран Европы, бороздящие его тихие воды.

Начались тренировки. Проносились быстроходные восьмерки, четверки, парные и распашные двойки, легкие одиночки, а по асфальтовым дорожкам, проложенным на берегах, одновременно с судами неслись на велосипедах зрители, корреспонденты, фоторепортеры.

До полуфинала советская команда побеждала легко. Но вот наступил день встречи с чехами — чемпионами олимпийских игр и Европы — и с сильной командой Голландии. К тому моменту, когда лодки выстроились на стартовой линии, напряжение уже достигло предела, и скифы ринулись вперед до сигнала. Когда советская четверка возвращалась обратно на старт, Сиротинский вдруг обернулся и, ухмыльнувшись, сказал:

— Ребята, а у нас цвет лица лучше.

Все без слов поняли, о чем идет речь, и посмотрели на голландских гребцов. Они были бледны.

Эта шутливая реплика загребного разрядила напряжение, и в лодке наступила спокойная, сосредоточенная тишина. Вот скифы сорвались со старта. Чешская команда уходит вперед. Но и советский скиф несется стремительно и плавно. Пройдено двести метров, и две лодки сравнялись. На полкорпуса сзади шли голландцы. И тут Евгений Кузнецов «поймал леща»: весло вошло глубоко в воду и, как говорят гребцы, «затабанило». Этого было достаточно, чтобы скорость резко снизилась. Чехи и голландцы, словно их вытолкнул кто-то, оказались впереди.

— Спокойно! — прозвучал властный голос рулевого, и мгновенной заминки словно не бывало. Гребцы заработали, как обычно, мягко и мощно, и их скиф заскользил по гладкой поверхности канала.

Когда прошли тысячу метров, чехи были впереди всего на один «номер», то есть на расстояние между двумя гребцами в лодке, а голландцы снова оказались сзади. Но если трое — коренные «жители» лодки — действовали спокойно, постепенно наращивая усилия, то Тюкалов один стал «догонять». Повторялась его ошибка: выпустив вперед противников, он стремился в каждый гребок вкладывать столько силы, словно до конца уже рукой подать.

Когда Сиротинский, учитывая сильный финиш чехов, за пятьсот метров до конца дистанции предложил команде стремительный рывок, его мгновенно подхватили все, кроме Тюкалова: тот давно уже шел на пределе своих сил...

Поздравляя товарищей с победой, Сиротинский спросил:

— Как, ребята, здорово устали? Я, откровенно говоря, не очень.

— Я тоже мог бы прибавить, — сказал Сухов.

— И я не устал, — присоединился к ним Кузнецов.

Только Тюкалов молчал и наконец, не выдержав, признался:

— А я еле из лодки вылез. Ведь пришлось догонять после жениного «леща».

— Значит, это ты догонял, — ухмыльнулся Сиротинский, — то-то я чувствую, кто-то торопится. Мы гребли, как обычно.

...В финал вышли команды СССР, Чехословакии, Дании и Швеции. Какая это была великолепная борьба! Чехи и датчане сразу же вырвались вперед, но и советская лодка «завелась» мгновенно и скользила с такой легкостью, будто не весла четырех человек двигали ее, а могучие крылья. Каждый гребок, каждый занос весла производился с поразительной непринужденностью, как будто это не требовало от команды даже небольшой затраты сил.

Сиротинский, Сухов, Кузнецов и Тюкалов чувствовали себя так, словно они срослись с лодкой и друг с другом. Малейшее изменение темпа загребного тут же подхватывалось остальными.

Бывает такое вот состояние в гонке, когда тебе все удается и когда ты получаешь огромное наслаждение от каждого гребка, от легкого стремительного движения вперед. Это чувство знакомо каждому спортсмену. Таким чувством была охвачена вся команда.

Уже через двести метров после старта советская четверка стала выходить вперед и с каждым ударом весел все увеличивала свое преимущество. Судьба европейского первенства была решена. Почти десять секунд выиграли советские гребцы у ближайших соперников — датчан. Время новых чемпионов Европы — 6 минут 25,4 секунды — было лучшим результатом, достигнутым на канале Босбаан...

Когда закончился церемониал, венчающий победителей, когда лодка была внесена в эллинг и гребцы остались с глазу на глаз со своей большой победой, Федор Сухов, улыбаясь, спросил Юрия Тюкалова:

— Ну как, Юра, ты и сегодня без нас догонял?

— Нет, сегодня я был спокоен, как никогда, — ответил Тюкалов. — Я жил и действовал заодно со всеми вами.

— Это и со стороны было видно, — подтвердил Владимир Бурачок, как запасный наблюдавший гонку из окна автобуса.

— Верно, со стороны-то видней, — согласился Евгений Кабанов.

— Лодка шла хорошо, — добавил Евгений Сиротинский, и все они крепко пожали руку своего нового товарища.

Бюрократ и Смерть

За Бюрократом Смерть пришла.
Полдня в приемной прождала,
Полдня в приемной просидела,
Полдня на очередь глядела,
Что все росла,
А не редела...
И, не дождавшись, умерла!..

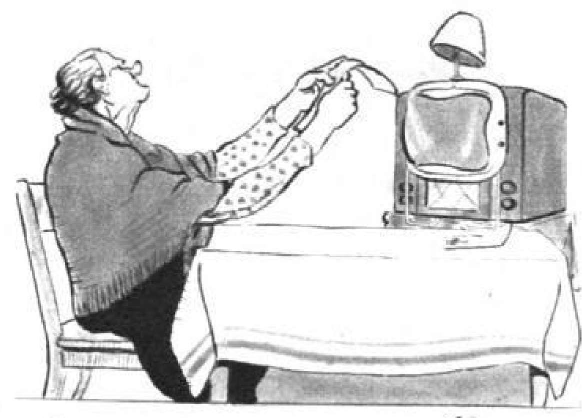
* * *

«Что-о? Бюрократ сильнее Смерти?»
Нет!
Но живучи все же, черти!

Сергей МИХАЛКОВ

МЕЛКИЙ ПОЧЕРК

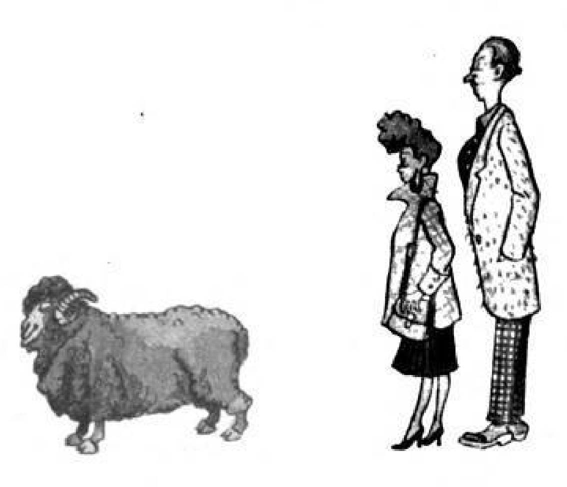

Рисунки читателя «Огонька» Ген. Андрианова.

НА ВЫСТАВКЕ...

Рисунок Е. Ведерникова.

— Зачем у этих баранов такая длинная шерсть?
— Их шерсть идет на длинные пиджаки.

НАДМЕННЫЙ КЕРЕКИ

Ференц МОРА

Рисунок О. Георгиева.

Классик венгерской литературы Ференц Мора в публикуемом ниже рассказе описывает характерный эпизод из жизни поэта Шандора Петефи.

В переводе на русский язык рассказ печатается впервые.

Историю о надменном Кереки я слышал от своего деда. Во всей сент-мартонской округе, где мой дедушка батрачил, самым зажиточным человеком был Кереки. Сколько у него было домов, хуторов и ферм, он и сам не ведал. Он был так богат, что даже ножик, которым соскабливал грязь со своих сапог, был из червонного золота.

В этом, конечно, не было бы ничего особенного, если бы надменность почтенного Кереки не превосходила даже его богатства.

«Кто при деньгах, тот может позволить себе роскошь быть спесивым»,— гласила его любимая поговорка.

И он рьяно придерживался этого правила. Ни перед кем он не снимал шапки, не признавал за другими ни ума, ни заслуг, но непременно требовал, чтобы всякий, у кого менее толстая мошна, чем у него, ломал перед ним шапку. И, видя перед собой согнувшегося дугой человека, Кереки с надменной снисходительностью цедил что-то невнятное сквозь зубы, не удосужившись при этом даже притронуться к своей шляпе.

— Если б я каждому встречному-поперечному отвечал на поклон, то мне пришлось бы то и дело размахивать рукой, как маятником,— говорил он обычно своим высокомерным тоном.

Мой дедушка впервые увидел гордеца Кереки при очень печальных обстоятельствах. В тот предрассветный час, когда сгорела дотла вся соседняя деревня, бедные погорельцы как раз судили и рядили о том, как им свить себе новые гнезда. И вот тут-то подъехал к ним в своем экипаже надменный Кереки.

Эх, и заспешили же горемычные снять свои шапки перед важным господином!

«А вдруг в его душе заговорят добрые чувства? — видимо, думали они про себя.—А вдруг он хоть чем-нибудь нам поможет!»

Но у надменного Кереки лишь глаза вспыхнули злым огоньком, когда среди множества обнаженных голов он вдруг увидел шляпу с журавлиным пером на голове какого-то худощавого молодого человека. Это был стройный парень с бледным лицом, на котором, словно угольки, горели большие черные глаза. Судя по его скромной одежде, по запыленным сапогам, он был, повидимому, бедным странствующим студентом.

— А что это за проходимец там? — злобно зарычал Кереки в сторону молодого человека.— Аль синицу держит он под шляпой, что так боится ее снять?

— Я вас, сударь, не знаю,— спокойно ответил студент.

— Что? Да разве по мне не видно, кто я таков? — взревел, весь побагровев, Кереки.— Снимай-ка, парень, шляпу, да скорее! В кармане у меня резвятся сто желтых жеребчиков, их как раз выпустили из кёрмёцкого табуна.

При этих словах он хлопнул себя по карману; зазвенели золотые монеты.

Тут парень повернулся к нему спиной и небрежно, этак через плечо, бросил ему в ответ:

— Я не кланяюсь золоту, чье бы оно ни было.

Селяне-погорельцы переглянулись: уж больно по душе пришелся им этот разговор. Между тем Кереки приходил все в большее замешательство.

— Ишь ты, какой! — попытался он усмехнуться, чтобы скрыть смятение.— Ну, а ежели я поделюсь с тобой ста золотыми? Уж ради пятидесяти золотых такой, как ты, бедный студент, ведь согласится скинуть шапку, а? На, возьми.

Бедный студент позвенел пятьюдесятью золотыми, спрятал их в карман своей куртки и махнул рукой.

— Эх, земляк,— небрежно бросил он почтенному Кереки,— ведь у меня теперь столько же золотых, сколько и у тебя! Ну, скажи, почему ж мне первому здороваться с тобой?

При этих словах надменный Кереки совершенно оторопел. Особенно он растерялся, когда заметил, что на лицах погорельцев, несмотря на постигшее их горе, играет насмешливая улыбка. Такой позор Кереки решил искупить любой ценой.

Он тут же попытался придать своим словам смиренный тон.

— Милейший братец,— заискивающе обратился он к студенту,— примите еще и эти пятьдесят золотых, только удостойте меня своим почтением.

Молодой человек спрятал и остальные пятьдесят золотых в свой карман, а потом рявкнул на Кереки:

— К чему мне приветствовать тебя, коли твой карман пуст, а мой набит ста золотыми? Кто при деньгах, тот может позволить себе роскошь быть спесивым, а у кого карман пуст, тот пусть три раза кряду скидывает шапку перед таким, как я!

Тут раздался такой смех, что он, возможно, и по сей день звенит в ушах надменного Кереки. Богач приказал гнать во всю прыть лошадей и без оглядки умчался из деревни. А тот молодой человек, с виду казавшийся студентом, тотчас же роздал погорельцам все сто золотых. Затем он повернулся и пошел прочь, стремясь поскорее уйти от благодарностей.

— Скажите же нам хоть ваше имя, господин студент,— умоляли его поселяне,— чтобы и внуки наши помнили о вас...

— Зовут меня Шандор Петефи,— откликнулся студент, на прощание помахав своей шляпой с журавлиным пером.

Перевел с венгерского
Г. БЕЛЯНОВ.

Неубойный лось

Из рассказов охотника

Я прожил месяц в зимовье охотников. Они промышляли пушного зверя в тайге по притокам Подкаменной Тунгуски. Вечерами в избушке собирались добытчики. Поужинают, напьются крепкого чаю и затевают разговор до позднего часа.

Я записал один из рассказов охотника Архипа Ситникова.

Все вы знаете небольшое озеро в верховьях Нидыма. Вот на это озеро повадился сохатый. Эвенки караулили его ночей десять. Придут днем и видят следы — ночью был. Ночью придут к озеру, а он уже побывал здесь днем. Не могли уследить. На тропах стреляли, но зверь уходил. Так и стали звать лося: неубойный.

Зашел ко мне Игнат Мукто и сказал: «Ты, Архип, мужик хитрый. Подкарауль сохатого. Завороженный он». Ну, кого-кого, а меня ни один зверь не проведет. Походили мои ноженьки по тайге. Все премудрости охоты изучил, все повадки зверей знаю. «Ладно, послежу за неубойным зверем»,— сказал я дружку.

На другой день под вечер пошел на озеро. Озеро небольшое, метров пятьдесят шириной и метров сто длиной. С любого места можно бить зверя. А у меня ружье за сто метров уложит лося.

Итак, сел на опушке леса, замаскировался, что ни один зверь не увидит, и жду.

Просидел ночь. Лось не пришел.

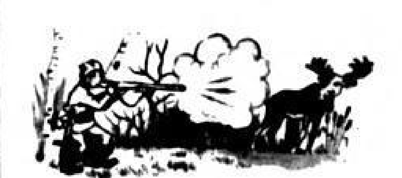
Прокараулил день и опять сохатого не видел. И еще сижу и ночь и день. Нет лося! «Эге, на этот раз как будто я попал впросак»,— раздумываю. Ребятушки, не поверите, пять суток караулил. Хотел было идти домой и собрался закурить. Папироску свернул и только чиркнул спичку, смотрю, сохатый! Подошел он к озеру, повернулся ко мне левым боком и сунул морду в воду. Я, не мешкая, прицелился и выстрелил. Лось стоит. А ведь я стреляю, сами знаете, наверняка. За щекой у меня шесть прогонных пуль. Не смолк еще звук от выстрела, а я уже зарядил дробовик и выстрелил. Стоит сохатый. Беда! У меня даже холодок по спине побежал. Но я не из трусливых. Опять посылаю пулю. Шесть пуль вогнал в зверя, а он не шелохнется. «Значит, верно, неубойный. Бывают же такие звери. Ну, да я топором тебя доконаю»,— решил я.

Отложил ружье, взял топор и пошел на зверя. Смело иду. Подхожу и размахнулся. Но что такое? Сохатый убит! Осмотрел его и понял все. Оказывается, лось стоял рядом с высоким суховатым пнем. Пень-то у него был подпоркой. Первой пулей я убил его, он повалился, пень его поддержал.

Освежевал сохатого и на левом боку, напротив сердца, под шкурой, набрал целую шапку пуль. Видно, у стрелков были ружья плохие. Пули-то застревали под кожей. Охотнички засвинцевали ему место перед сердцем. Вот он и был неубойным. Мои-то пули легли чуть повыше свинцовой брони.

Пулями, которые я собрал на сохатом, пользуюсь вот уже два года. Могу, ребятушки, с вами поделиться. Я человек артельный.

П. ОСИПОВ.

Монгольские пословицы, поговорки, нравоучения

Волк остается волком, даже если он не съел твоей овцы.

Отменный конь уже в жеребенке виден; даровитый человек с детства сказывается.

Лучше быть горстью пыли под ногами соотечественников, чем алмазом в перстне угнетателя.

Трудолюбивому легко перейти через гору, лентяю трудно пошевелить пальцем.

Когда вода дойдет собаке до носа, она поневоле поплывет.

Держи пьющего подальше от водки, а слепого — от колодца.

Пальцев десять, но какой ни укуси — одинаково больно.

Любой ручеек ищет дорогу к морю; всякий человек ищет свое счастье. Счастье не птица — само не прилетит.

Солнце, луна и звезды — краса небес; леса и ягоды — краса гор; краса государства — человек.

Жадный одно глотает, другое держит в зубах, а третье хватает руками. Завистливый охотник говорит другому: «У тебя аж пять тарбаганов, а у меня только пять тарбаганов».

Меньше вспоминай, какие под тобой были пеленки в люльке; больше думай о том что ты есть сейчас.

Записал Я. РЫЖАКИН.

Золотое скифское налучье

Перед нами золотое налучье искусной работы, украшенное художественными рисунками. В IV—III веках до нашей эры древний скиф носил в нем лук и стрелы.

В Мелитополе, в древнем кургане, случайно было обнаружено большое подземелье. Работники местного музея провели пробные раскопки. На глубине шести метров было найдено около двухсот древних золотых предметов.

На место раскопок прибыла научная экспедиция Академии наук УССР во главе с заведующим скифо-античным отделом Института археологии, кандидатом исторических наук А. И. Тереножкиным.

Ученые установили, что мелитопольский курган был местом захоронения знатных скифов.

Под курганом найдены подземные гробницы, а в них — различная утварь и несколько тысяч золотых и бронзовых изделий. На многих из них мастерски сделанные рисунки.

В. ШУМОВ

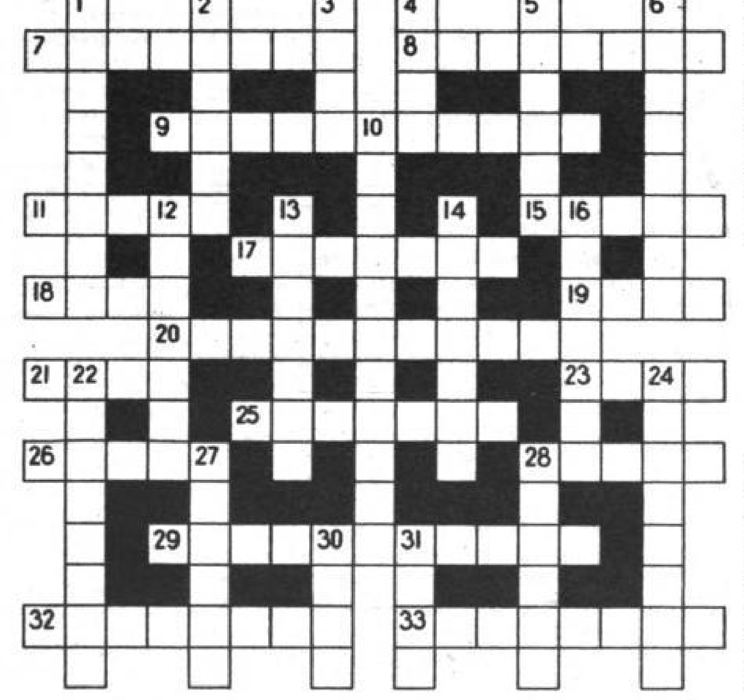
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Народная артистка Союза ССР. 8. Картина Ф. А. Васильева. 9. Объяснение к тексту. 11. Луговой волк. 15. Один из руководителей крестьянского восстания в XVIII веке на Правобережной Украине. 17. Прибрежное судоходство. 18. Герой гражданской войны. 19. Минеральная краска. 20. Орудие для рыхления почвы. 21. Спортивный инвентарь. 23. Замкнутая кривая. 25. Видоизменение, разновидность. 26. Шахматная фигура. 28. Индийский писатель. 29. Справочник цен. 32. Машина для передвижения. 33. Инструмент, дающий звук определенной высоты.

По вертикали:

1. Сладкое вещество, содержащееся в растениях. 2. Конвой, охрана. 3. Построение пехоты. 4. Род вспомогательной железнодорожной станции. 5. Известный мореплаватель, руководивший Камчатскими экспедициями. 6. Род клея. 10. Город в Сибири. 12. Разновидность тополя. 13. Душистый сок. 14. Тропическая степь. 16. Защита. 22. Объем знаний, интересов. 24. Надстрочный знак. 27. Крупа. 28. Специальный вагон или часть паровоза. 30. Населенный пункт. 31. Водоплавающая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

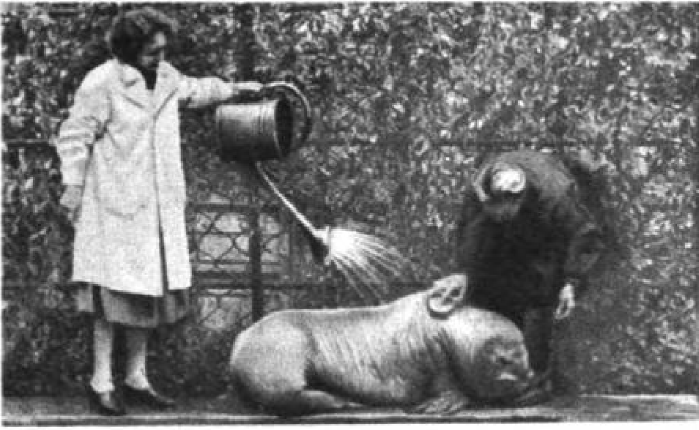
По горизонтали:

1. Карбид. 4. Лихтер. 7. Путивль. 8. Монолог. 12. Баргузин. 14. Торий. 15. Строй. 18. Оптимистенко. 19. Писательница. 20. Просо. 21. «Бирюк». 23. Шлифовка. 27. Балатон. 28. Запросы. 29. Готика. 30. Джонка.

По вертикали:

1. Куплет. 2. Ритм. 3. Делиб. 4. Ляоян. 5. Толь. 6. Рогдай. 9. Аргументация. 10. Издательство. 11. Линотипист. 13. Этнография. 16. Стансы. 17. Анализ. 20. Пробег. 22. Колыма. 23. Штора. 24. Ананд. 25. Плот. 26. Воин.

Моржонок

Прошлой осенью в Московский зоопарк прибыли редкие гости — обитатели Ледовитого океана моржи. Им было лишь пять месяцев от роду.

Вырванные из привычных условий жизни, лишенные материнского молока, которым они обычно питаются до года, моржата оказались слабыми и больными. Вскоре один моржонок пал от истощения. Сотрудники зоопарка предлагали оставшемуся в живых моржонку сливки, молоко, простоквашу, молочную кашу, рыбный суп, мясо и рыбу. Сосунок упорно отказывался от всех блюд, за исключением медвежьего жира, доставленного из Арктики одновременно с моржатами. Наконец поиски необходимого корма увенчались успехом. Моржонку пришелся по вкусу фарш из рыбы, пропущенной через мясорубку.

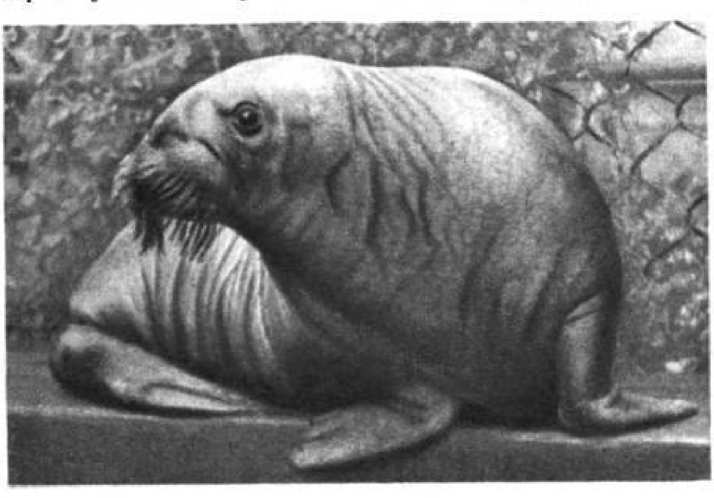
Кроме рыбы, в рацион моржа входят рыбий жир, морская вода и периодически — немного морской капусты.

При поступлении в зоопарк моржонок весил 90 килограммов, теперь, в возрасте полутора лет, — более 200 килограммов.

Морж хорошо знает ухаживающих за ним сотрудников, откликается на их зов и, неуклюже перебирая ластами, неотступно следует за служителем при уборке загона.

А. КОРОВИНА,
заместитель директора зоопарка по научной части.

Фото А. Анжанова.

Конкурс одежды

К рисункам на 3-й обложке.

Недавно в Будапеште проходил международный конкурс одежды. СССР, Чехословакия, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Польша прислали сюда лучшие модели, чтобы обменяться опытом создания красивых, удобных, элегантных и недорогих костюмов самых разнообразных назначений и фасонов.

Основные требования к участникам были: отличная конструкция модели, целесообразность ее линий и отделок, гармоничность пропорций, удачное цветовое решение, качество пошива, экономичность и доступность платья для широких слоев населения.

Каждая страна представила по 50 моделей, рассчитанных на различные размеры и возрасты. Были показаны: рабочий костюм, домашняя и спортивная одежда, платья для улицы, для торжественных случаев, вечерние; пальто, ансамбли (платье и пальто), мужская и детская одежда, верхний трикотаж. Многие модели были сделаны из недорогих — хлопчатобумажных, вискозных, полушерстяных — тканей. Некоторые из тканей специально подготовлены к конкурсу, который превратился в смотр искусства работников швейной, текстильной, галантерейной и трикотажной промышленности.

Первое место заняли модели Советского Союза; его делегации был вручен Большой кубок.

Очень хорошие конструкции продемонстрировала делегация ГДР. Интересно разработанную детскую одежду показала Польша. В венгерских моделях нас особенно пленили расцветки тканей. Тщательностью подбора всех элементов одежды — туфель, сумок, шляп — отличались модели делегаций Чехословакии и Венгрии.

Наибольшим успехом пользовались костюмы, созданные в народных традициях.

Делегации в составе художников по костюму, модельеров, конструкторов, манекенщиц и других работников швейной промышленности делились опытом конструирования и моделирования костюмов для массового потребления, рассказывали о способах изучения запросов различных слоев населения. Обменялись мы и технической документацией моделей, представленных на конкурсе (рисунками, фотографиями, описаниями, выкройками). Сейчас их осваивают швейные фабрики с тем, чтобы подготовить для продажи костюмы, сделанные по образцам этих моделей.

А. КУЛИЧЕВ,
главный художественный руководитель Общесоюзного дома моделей.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин М. Грекова (репродукции Н. и О. Барабановых) и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 06268. Подп. к печ. 16/XI 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6.85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 959. Заказ 3324. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Модели женских платьев

НА МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ ОДЕЖДЫ В БУДАПЕШТЕ

Рисунки **Н. Голиковой.**

Шерстяное платье с цельнокроенным полудлинным рукавом, прямое, узкое. Отделано декоративной строчкой.

Чехословакия.

Платье из легкой шерстяной ткани. Высокий, прилегающий корсаж застрочен защипками.

Венгрия.

Узкое, прилегающее шерстяное платье с высокой линией талии. Верх лифа с цельнокроенным полудлинным рукавом застрочен поперечными защипками.

Германская Демократическая Республика.

Платье из плотной шерстяной ткани, узкое, прилегающее, с длинным цельнокроенным рукавом. Под клапаном на юбке карман.

СССР.

Платье из шерсти букле в полоску, неотрезное. Рукав полудлинный, втачной, пройма спущена.

Польша.

